

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

41 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Якоб Людвиг Карл Гримм* (1785–1863) — немецкий филолог-германист, языковед, историк права и собиратель фольклора, один из основателей германской филологии как самостоятельной научной дисциплины. Именно Якобу принадлежит первенство в научной части их общего дела, тогда как его младший брат Вильгельм в большей степени отвечал за литературную обработку текстов.

Якоб Гримм родился 4 января 1785 года в городе Ханау. В семье было шестеро детей; Вильгельм, родившийся в 1786 году, стал не только братом, но и ближайшим соратником Якоба на всю жизнь. В 1791 году семья переехала в Штайнау, где отец получил новое назначение, однако в 1796 году он умер, и материальное положение семьи резко ухудшилось. В 1798 году Якоба и Вильгельма отправили к тетке в Кассель, где они поступили в привилегированный лицей.

В 1802 году Якоб начал изучать право в Марбургском университете. Решающее влияние на его научные интересы оказал Фридрих Карл фон Савиньи, крупнейший правовед эпохи, под руководством которого Гримм приобщился к работе с историческими источниками и к сравнительно-историческому методу. В 1805 году Савиньи привлек его к разбору рукописей в Париже, что положило начало многолетним архивным изысканиям. В 1806–1807 годах Гримм служил в гессенском военном ведомстве, а в 1808 году получил место библиотекаря при личной библиотеке Жерома Бонапарта в Касселе, что дало ему доступ к книжным собраниям и время для собственных занятий.

Научная деятельность Гримма развивалась в нескольких направлениях одновременно. Вместе с Вильгельмом он выпустил сборник «Детские и домашние сказки», а затем «Немецкие предания». Сам Якоб сосредоточился на языке и праве: в 1819 году вышел первый том «Немецкой грамматики», в 1828 году — «Древности немецкого права», в 1835 году — «Немецкая мифология». В 1822 году во втором издании грамматики он сформулировал закономерность, известную как закон Гримма (первое германское передвижение согласных), — одно из ключевых открытий сравнительно-исторического языкознания.

В 1829 году Якоб Гримм получил приглашение в Гёттингенский университет, где с 1830 года занимал должность профессора и заведовал библиотекой. В 1837 году он вместе с Вильгельмом вошел в так называемую «Гёттингенскую семерку» — семь профессоров, протестовавших

против отмены конституции ганноверским королем Эрнстом Августом. За это всех семерых уволили, а Якоба как одного из тех, кто не был уроженцем Ганновера, обязали покинуть страну. Братья вернулись в Кассель, а в 1840 году по приглашению прусского короля Фридриха Вильгельма IV переехали в Берлин, где были избраны членами Прусской академии наук и получили право читать лекции в Берлинском университете без обязательной нагрузки.

Братья Гримм прожили вместе почти всю жизнь, вели общее хозяйство и работали в одной комнате за двумя столами, обращенными друг к другу. Вильгельм женился в 1825 году, Якоб так и остался холостяком.

В 1848 году Якоб Гримм был избран депутатом Франкфуртского национального собрания, однако вскоре сложил полномочия, сославшись на занятость научной работой.

В 1838 году братья начали работу над «Немецким словарем» — фундаментальным историческим словарем немецкого языка. Первый том вышел в 1854 году; Якоб успел довести дело лишь до буквы F, а завершен словарь был только в XX веке.

После увольнения Якоб опубликовал брошюру «О моем увольнении» (1838), где изложил обстоятельства конфликта с ганноверским правительством; она быстро разошлась по Германии.

Гримм считается одним из первых германских филологов, читавших лекции на немецком языке, а не на латыни.

Современники описывали Якоба как человека сурового и замкнутого, всецело погруженного в работу; его личная библиотека и рукописи были завещаны Прусской государственной библиотеке.

Умер Якоб Гримм 20 сентября 1863 года в Берлине, продолжая диктовать материалы для словаря; он похоронен на кладбище Святого Матфея рядом с братом, который скончался в 1859 году от паралича легких.

Труды Якоба Гримма выходят далеко за рамки фольклористики: он заложил основы исторической грамматики германских языков, разработал методику сравнительного изучения памятников письменности и ввел в научный оборот огромный корпус текстов. Собранные братьями сказки, несмотря на строго научный замысел собирателей, стали одним из самых известных памятников мировой литературы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдулхакова М. Р.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией... 279

Абрамова В. В.

Исправительные работы как альтернатива
лишению свободы и особенности их
назначения 281

Аманжолова Э. Е.

Правовое регулирование искусственного
интеллекта в России: современное
состояние и перспективы развития 283

Анохина М. В.

Вопросы квалификации мошенничества
и критерии его отграничения от смежных
составов преступлений 286

Апрельков Ю. М.

Меры защиты прав корпораций
на товарный знак, не являющиеся мерами
ответственности..... 288

Ахметчина Т. И.

Институт недействительности сделки в РФ..... 291

Байрамкулова Х. О.

Цифровые платформы занятости: проблемы
переквалификации гражданско-правовых
отношений в трудовые..... 293

Байрамов Р. Б.

Вещественные доказательств: понятие,
классификация, процессуальный статус 295

Байрамов Р. Б.

Собирание и представление вещественных
доказательств..... 297

Булатова А. Р.

Основные проблемы и пути
совершенствования действующего
законодательства в сфере регламентации
участия специалиста в процессе
раскрытия, расследования и рассмотрения
уголовных дел 298

Васюренко В. А.

Отличие неоконченного преступления
от оконченного 300

Васюренко В. А.

Назначение наказания при неоконченном
преступлении в соучастии 302

Васюренко В. А.

Взаимодействие статьи 66 Уголовного
кодекса Российской Федерации с другими
нормами о назначении наказания 304

Васюренко В. А.

Проблемы квалификации деяния как
неоконченного преступления 307

Выгузова В. В.

Коллизия экологических и санитарно-
эпидемиологических составов
административных правонарушений:
практика квалификации и проект
примечания к главе 8 КоАП РФ..... 309

Габдрафикова Э. Р.

Правовые проблемы конкурсных процедур
на право заключения концессионных
соглашений 312

Газарян А. А.

Учет возрастных и психологических
особенностей несовершеннолетних
при выборе тактики допроса 314

Галанина О. А.

Перспективы развития института
гражданства в Российской Федерации 316

Гачегова С. С.

Процессуальные и служебные документы
в системе экономической безопасности
организации: правовой режим и риски 320

Генне Д. С.

Вина как условие гражданско-правовой
ответственности: общая характеристика 323

Гиматдинова Е. М.

Перспективы развития судебной системы
Российской Федерации: современные
направления совершенствования..... 325

Гоцик А. М.

Институт банкротства физических лиц:
критерии признания, проблематика
и правовые последствия 327

Громова Г. А.

Обеспечительные меры
при приостановлении производства
по гражданскому делу: проблемы
законодательного регулирования..... 330

Гюльметова А. Р.

Роль органов управления акционерного
общества и государства в обеспечении
прав акционеров..... 333

Данилов А. А.

Необходимая оборона: проблема теории
и практики 334

Дырдина А. И.

Общие положения о прокурорском надзоре
за исполнением законов в кредитно-
банковской сфере..... 337

Дьячук Ю. С.

Возмещение морального вреда
по законодательству Российской Федерации:
вопросы теории и практики 339

Евдокимова А. С.

Тактические приемы разоблачения ложных
показаний на этапе предварительного
расследования..... 341

Емтыль Н. Ю.

Доверие общества к судебной власти
как критерий эффективности модели
формирования судейского корпуса 346

Емтыль Н. Ю.

Кадровый дефицит в судебной системе
Российской Федерации: причины и пути
преодоления 347

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией

Абдулхакова Марина Рамильевна, студент
Московский университет «Синергия»

Изменение отношения населения к коррупционным проявлениям и осознание их разрушительного воздействия требует преобразования мировоззрения общества, что должно стать неотъемлемой частью антикоррупционной политики наряду с законодательными инструментами. Исследование выявило и проанализировало актуальные подходы к предупреждению коррупционных практик. Укоренение коррупции в российском обществе объясняется её восприятием как привычного элемента социальной действительности, что отражается в массовом сознании граждан.

Ключевые слова: коррупция, органы внутренних дел, коррупционное поведение, профилактика коррупционного поведения, антикоррупционное общество.

Current problems in the fight against corruption

The problem of corruption in Russia has deep roots in the public consciousness and perception of this phenomenon as a norm. This article emphasizes that an effective fight against corruption should include not only legal measures, but also the transformation of public consciousness in order to change citizens' attitudes towards corruption and understand its negative consequences. The study also identified and considered promising areas for the prevention of corrupt behavior.

Keywords: corruption, internal affairs bodies, corrupt behavior, prevention of corrupt behavior, anti-corruption society.

В определённых государствах взяточничество укоренилось в обыденности до такой степени, что превратилось в привычную норму поведения. Граждане, измученные бюрократическими препонами, избыточным документооборотом и низкой результативностью государственных институтов, выбирают обходные маневры для достижения целей.

Современное общество рассматривает коррупционные проявления через множественные призмы: юридическую, моральную, общественную и даже как элемент культурного кода. Распространена точка зрения о том, что подкуп представляет собой встроенный компонент административного аппарата — некую «масляную плёнку», благодаря которой властные структуры и управленческие процессы способны хоть как-то продолжать работу.

При подобных обстоятельствах программы по борьбе с коррупцией сталкиваются с барьером отторжения и латентным противодействием со стороны населения.

Там, где правовая система воспринимается лишь как бюрократическая формальность, оторванная от повседневной действительности, а граждане испытывают глубокое недоверие к государственным структурам на фоне слабого институционального развития, борьба с коррупцией нередко

трактруется обществом как посягательство на сложившиеся неформальные механизмы взаимодействия и нарушение устоявшихся негласных договорённостей [5, с. 57].

Коррупция обладает уникальной характеристикой — она умеет приспосабливаться и маскироваться под различные формы. Необходимо осознавать ключевой момент: любые коррупционные действия разрушительны для социума. Молодое поколение страдает от этого явления больше остальных — встречаясь с произволом при поступлении в учебные заведения или трудоустройстве, юноши и девушки постепенно принимают взяточничество за обыденность. Такие явления отпугивают потенциальных вкладчиков капитала, лишают мотивации добросовестных специалистов, тормозят экономический прогресс и разрушают общественное доверие к принципам законности.

Развитие цифровизации и внедрение автоматизированных систем, казалось, должны были стать решающим ударом по коррупционным схемам. Онлайн-сервисы государственных учреждений, компьютеризация рабочих процессов и электронная система отчётности теоретически призваны минимизировать роль субъективного человеческого влияния. Однако коррупция демонстрирует удивительную гибкость: она трансформируется, адапти-

руется к современным реалиям, маскируется и осваивает инновационные инструменты для своего существования [2; 3]. Но на практике даже эти инструменты порой используются в обход закона.

Существенной проблемой выступает также отсутствие решительности со стороны политического руководства.

Кроме того, необходимо подчеркнуть проблему непоследовательного исполнения законов. Результативность антикоррупционных мер определяется не столько качеством законодательной базы, сколько реальной практикой её применения. Избирательный подход к реализации правовых норм, когда расследование одних нарушений инициируется, а аналогичные случаи остаются без внимания, формирует представление о существовании двойной морали. В подобных условиях антикоррупционная деятельность утрачивает первоначальное назначение и становится механизмом манипуляции или средством в политической борьбе.

Нередко коррупционные механизмы остаются нетронутыми именно потому, что местная администрация оказывается вовлечена в незаконные операции. Региональные чиновники зачастую не стремятся расследовать махинации — напротив, они выступают участниками преступных схем. Попытки проведения ревизий извне или внедрения преобразований встречают активное сопротивление, поскольку угрожают сложившейся системе взаимоотношений. Преодолеть подобный порочный цикл практически невозможно без активного участия центральной власти либо массового общественного протеста.

Ограничиваться представлением антикоррупционной деятельности как исключительной прерогативы силовых структур — путь к провалу долгосрочной стратегии. Критическое значение имеют социальные установки граждан, степень их политической активности и приверженность законопослушному поведению. Отсутствие поддержки со стороны населения превращает все антикоррупционные инициативы в пустую бюрократическую процедуру, лишённую подлинного стремления к переменам [4].

Формирование нетерпимости к коррупции должно начинаться с раннего возраста. Необходима систематическая работа в школах, колледжах, вузах, направленная на развитие у молодёжи критического мышления, уважения к закону и понимания последствий нечестного поведения. Кроме того, важно показывать реальные примеры — когда человек, отказавшийся от взятки, получает поддержку и защиту, а не остаётся один на один с системой.

Большое значение имеет и роль средств массовой информации [1]. Эффективное противодействие взяточничеству требует системного подхода. Простое ужесточение санкций или принятие дополнительных нормативных актов не принесёт желаемого результата. Необходимо создать условия, при которых участие в коррупционных практиках станет рискованным, затруднительным и экономически нецелесообразным. Достичь этого можно

только через реальную подконтрольность государственных структур населению и обеспечение полной открытости действий должностных лиц для широкой общественности.

Активность СМИ, расследовательская деятельность, обсуждения на онлайн-площадках способны внести существенный вклад в выявление незаконных финансовых операций и влияние на позицию граждан по данному вопросу. Но реализация такого потенциала невозможна без гарантий свободы выражения взглядов и обеспечения безопасности людей, готовых публично поднимать острые темы.

Международное сотрудничество играет критическую роль, поскольку коррупционные схемы уже не ограничиваются территорией одного государства. Эффективное противодействие требует объединённых усилий: координации следственных действий, обмена данными между странами и заключения межгосударственных договоров. Такая кооперация позволяет выстроить глобальную систему контроля, препятствующую сокрытию незаконно полученных средств.

Параллельно следует пересмотреть принципы работы с персоналом на ключевых должностях. Недостаточно просто проверять биографию кандидатов — требуется системная подготовка, включающая освоение этических норм противодействия коррупции. Регулярное повышение квалификации руководителей с акцентом на антикоррупционные практики становится фундаментом для построения обновлённой модели управления. Именно комплексный подход к кадровым вопросам способен трансформировать корпоративную этику на всех уровнях власти.

Искоренение коррупции невозможно без длительных усилий и настойчивости — это комплексный процесс, требующий системных изменений в обществе. Данная проблема представляет собой нечто большее, чем обычное нарушение закона: она пронизывает саму структуру социума, отражается в менталитете людей и их повседневном поведении. Одних лишь законодательных мер недостаточно — необходима масштабная трансформация общественных отношений и ценностей [4].

Прогресс невозможен без активного развития в данном направлении. Лишь через консолидацию ресурсов власти, гражданского общества, образовательных учреждений и медиа можно достичь реальных перемен. Необходимо выстроить систему, где принципиальность станет фундаментом общественных отношений, вытеснив практику использования личных контактов. При таком подходе коррупционные схемы, сегодня кажущиеся неискоренимыми, начнут утрачивать свои позиции.

В ходе анализа были определены ключевые направления для усиления борьбы с коррупцией среди служащих полиции. К приоритетным мерам отнесены: оптимизация работы антикоррупционных структур, укрепление социальных гарантий для работников правоохранительных

органов, а также систематический мониторинг и анализ финансовой информации о доходах, тратах и имущественных обязательствах сотрудников.

Для укрепления доверия населения необходимо усовершенствовать открытость работы ведомства. Кроме того, важно развивать правовую культуру служащих по-

лиции. Руководителям следует регулярно обучаться методам борьбы с коррупцией в подчиненных коллективах. Также требуется поднять авторитет силовых структур в обществе. Стоит отметить, что результативность данной системы определяется именно комплексным использованием всех перечисленных инструментов.

Литература:

1. Авраменко, В. С. Коррупция в России: причины, последствия, методы борьбы / В. С. Авраменко, В. А. Сорокина // Актуальные вопросы современной экономической науки: Материалы XIII Международной научной конференции, Астрахань, 21 апреля 2023 года / Составители: Е. О. Вострикова, И. В. Чертина. — Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева», 2023. — С. 69–72.
2. Беляева, О. В. К вопросу последствий денонсации Россией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: обеспечение коррупционной борьбы / О. В. Беляева, О. Ю. Гомозова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2023. — № 2(95). — С. 106–113.
3. Васичкина, Т. В. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России / Т. В. Васичкина // NovaInfo.Ru. — 2025. — № 146. — С. 261–264.
4. Дементьева, Д. Д. Проблемы борьбы с коррупцией и развития антикоррупционного комплаенса в России / Д. Д. Дементьева, А. Н. Дерюга // Интернаука. — 2024. — № 22–4(339). — С. 26–28.
5. Кондракова, И. А. Проблемы борьбы с коррупцией в России / И. А. Кондракова, В. П. Кузьмин. — Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2024. — 172 с

Исправительные работы как альтернатива лишению свободы и особенности их назначения

Абрамова Виталина Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тулиглов Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

Предметом исследования являются исправительные работы как вид уголовного наказания, применяемый вместо лишения свободы, в том числе к несовершеннолетним. Цель работы состоит в раскрытии карательного содержания этого наказания и в характеристике особенностей его назначения несовершеннолетним с учётом изменений, внесённых Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также обобщение опубликованных статистических сведений за 2023–2024 годы. Показано, что после реформы, связавшей назначение исправительных работ с наличием основного места работы, это наказание стало практически недоступным для несовершеннолетних, обучающихся очно.

Ключевые слова: исправительные работы, уголовное наказание, альтернатива лишению свободы, несовершеннолетние, назначение наказания, основное место работы, удержания из заработной платы, уголовно-исполнительная инспекция, индивидуализация наказания

Correctional labor as an alternative to imprisonment and the specifics of its imposition

The subject of the study is correctional labor as a punishment applied instead of imprisonment, including to minors. The aim is to reveal its punitive content and the features of its imposition on minors in light of Federal Law No. 218-FZ of 23 July 2025. The methodology combines formal legal and comparative legal analysis with published statistics for 2023–2024. It is shown that after the reform, which made primary employment a precondition for this punishment, correctional labor has become practically unavailable for minors in full-time education.

Keywords: *correctional labor, criminal punishment, alternative to imprisonment, minors, sentencing, primary employment, wage deductions, penal inspection, individualization of punishment*

Введение

Уголовная политика последних полутора десятилетий развивается под знаком экономии репрессии, и место лишения свободы в системе наказаний, закреплённой статьёй 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, меняется. В 2024 году к исправительным работам районные суды осудили 40,0 тыс. лиц, или 9,6 % осуждённых [2]. Видовая принадлежность наказаний, не связанных с изоляцией от общества, неравномерна, так, основную нагрузку несут штраф, обязательные работы и условное осуждение, тогда как меры, требующие организационных усилий государства, назначаются реже.

В отношении несовершеннолетних эта неравномерность выражена ещё сильнее. В 2024 году осуждено 11 944 несовершеннолетних против 12 769 в 2023 году; условное осуждение получили 32,2 %, реальное лишение свободы назначается менее чем каждому пятому, а доля исправительных работ составила лишь 1,9 % в 2023 году и 2,0 % в 2024 году¹ [3].

Исправительные работы занимают в этом ряду особое положение, соединяя имущественное взыскание с обязанностью трудиться. Они не разрывают социальных связей осуждённого, а для подростка — связей с семьёй и учёбой, и сохраняют принудительный характер, отличающий наказание от иных мер уголовно-правового воздействия.

Цель статьи состоит в раскрытии их содержания как альтернативы лишению свободы и в характеристике особенностей назначения несовершеннолетним после изменений, вступивших в силу 20 января 2026 года.

Согласно статье 50 УК РФ наказание устанавливается на срок от двух месяцев до двух лет, а из заработной платы осуждённого в доход государства удерживается от пяти до двадцати процентов [1]. Несовершеннолетним оно назначается на срок до одного года, размер удержаний для них тот же [1; 4].

Карательное содержание исправительных работ не сводится к денежному изъятию: оно включает материальные, трудовые и иные ограничения прав осуждённого в процессе выполнения им общественно полезного труда [4]. Эти правоограничения закреплёны в главе 7 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [5]. Осуждённый не вправе отказаться от предложенной работы и уволиться по собственному желанию без письменного разрешения уголовно-исполнительной инспекции, а ежегодный оплачиваемый отпуск сокращается до восемнадцати рабочих дней.

До 20 января 2026 года наказание назначалось и лицам, не имевшим основного места работы, и отбывалось тогда

в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ [6] этот порядок изменён: исправительные работы назначаются только осуждённому, имеющему основное место работы, и отбываются по этому месту. Реформа устранила главную причину неисполнимости приговоров, но сузила круг лиц, которым наказание доступно: прежде оно служило альтернативой лишению свободы для любого трудоспособного подсудимого, теперь — лишь для работающего. Наиболее ощутимо это для несовершеннолетних.

Ограничение задаёт санкция нормы Особенной части, описывая круг деяний, где лишение свободы замещается трудовым воздействием. Иное ограничение носит личный характер, так как часть пятая статьи 50 УК РФ исключает назначение исправительных работ инвалидам первой группы, беременным женщинам, женщинам с детьми в возрасте до трёх лет, военнослужащим по призыву и части военнослужащих по контракту [1]. Несовершеннолетие в этот перечень не входит, однако для подростков действуют ограничения трудового законодательства.

Трудовой договор по общему правилу заключается с шестнадцати лет, с пятнадцати — при получении общего образования не в очной форме, а с четырнадцати — лишь для лёгкого труда в свободное от учёбы время с согласия родителя и органа опеки и попечительства [7]. Рабочее время работников моложе восемнадцати лет сокращено до 24 или 35 часов в неделю, а при повременной оплате заработная плата выплачивается с учётом сокращённой продолжительности работы [7]. Поэтому имущественная составляющая наказания для подростка слабее, чем для взрослого.

Ещё до реформы в литературе отмечалось, что назначать исправительные работы учащимся очной формы обучения нецелесообразно [4]. После 20 января 2026 года это уже не вопрос целесообразности: при отсутствии основного места работы наказание назначено быть не может, и для учащегося подростка мера, сохранённая в части четвёртой статьи 88 УК РФ, фактически становится недоступной. Суд вынужден выбирать между обязательными работами, не требующими трудового договора, штрафом, который при отсутствии заработка может взыскиваться с родителей лишь с их согласия и условным осуждением. Перечень наказаний для несовершеннолетних сужается как побочный результат общей реформы.

Соответствие подсудимого этим требованиям исполнения приговора ещё не гарантирует. Глазков М. Б. [8], об-

¹ Сведения о судимости за 2025 год полностью не опубликованы, поэтому статистически оценить последствия реформы пока нельзя.

общая практику уголовно-исполнительных инспекций, отмечает, что суды нередко не проверяют действительную трудоспособность осуждённого и возможность его трудоустройства. В отношении несовершеннолетнего суду следует, кроме того, проверить соблюдение при заключении трудового договора требований статьи 63 ТК РФ и учесть условия жизни и воспитания подростка, как того требует статья 89 УК РФ [1].

Особенности есть и на стадии исполнения. Работодатель может расторгнуть трудовой договор с несовершеннолетним по своей инициативе лишь с согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних [7], что затрудняет поиск работодателя. При злом уклонении неотбытое наказание может быть заменено принудительными работами или лишением свободы, но принудительные работы несовершеннолетним не назначаются, а лишение свободы невозможно для впервые совершивших преступление небольшой тяжести, а в возрасте до шестнадцати лет — и средней тяжести [1]. Для этих подростков угроза замены наказания, придающая ему принудительность, во многом номинальна.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 01.10.2026).
3. Редькина Е. А., Архипова М. В. Условное осуждение несовершеннолетних: некоторые статистические закономерности // Вестник Российского университета кооперации. 2025. № 2 (60). С. 111–118.
4. Гусев А. С., Казак И. Б. Особенности исправительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). С. 214–215.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412277024/> (дата обращения: 01.10.2026).
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
8. Глазков М. Б. Наказания в виде обязательных и исправительных работ — разрыв между законом и реальностью: разбор изменений 2026 г. // Уголовная юстиция. 2026. № 27. С. 72–77.

Заключение

Исправительные работы сохраняют значение реальной альтернативы лишению свободы. Они удерживают осуждённого в привычной социальной среде, обеспечивают источник дохода и обходятся дешевле содержания в исправительном учреждении, а угроза замены наказания более строгим видом придаёт им принудительность.

Изменения, вступившие в силу 20 января 2026 года, устранили главную причину неисполнимости приговоров, но для несовершеннолетних, большинство которых учится и не работает, эта мера фактически выпала из числа применимых наказаний, хотя часть четвёртая статьи 88 УК РФ её формально сохраняет. Для работающих подростков исправительные работы возможны, однако их потенциал снижен сокращённым рабочим временем, небольшим заработком и ограниченными последствиями уклонения. Представляется, что законодателю следует либо предусмотреть для несовершеннолетних специальный порядок отбывания исправительных работ, учитывающий их обучение, либо признать, что эту функцию выполняют обязательные работы, и согласовать с этим статью 88 УК РФ.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в России: современное состояние и перспективы развития

Аманжолова Эльмира Ермухановна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье исследуется современное состояние правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Анализируются положения законопроекта о поддержке развития технологий ИИ, подходы к определению ответственности за вред, причинённый системами ИИ, проблемы авторского права на сгенерированный контент. Рассматриваются уголовно-правовые аспекты использования ИИ, включая дипфейки и инициативы по признанию ис-

пользования ИИ отягчающим обстоятельством. Выявляются проблемные аспекты правоприменения и формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, ответственность, дипфейк, авторское право, уголовное право, судебная практика, законопроект.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) ставит перед правовой системой России принципиально новые задачи. Темпы внедрения ИИ в публичное управление и коммерческую среду опережают темпы формирования правовой базы, что порождает принципиальные неопределённости: кто несёт ответственность при причинении вреда решением алгоритма — разработчик, владелец сервиса или пользователь? Каков правовой статус сгенерированного контента? Каким образом обеспечивается защита прав граждан от противоправного использования ИИ?

Актуальность темы обусловлена тем, что в 2026 году российское законодательство об ИИ переживает период активного формирования. Принят законопроект о поддержке развития технологий ИИ, Верховный Суд РФ инициировал масштабное обобщение судебной практики, в Государственную Думу внесены инициативы о признании использования дипфейков отягчающим обстоятельством. Вместе с тем целостная система правового регулирования ИИ в России пока не сформирована, что создаёт существенные риски как для правообладателей, так и для пользователей.

Ключевым событием 2026 года стало принятие Государственной Думой федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта». [1]

Закон предусматривает формирование двух базовых направлений — суверенной и национальной модели ИИ. Для суверенных моделей устанавливаются требования по локализации обработки данных на территории РФ с участием российских юридических лиц, для национальных — возможность использовать отдельные компоненты, созданные за рубежом. Вводятся базовые понятия в сфере ИИ: «искусственный интеллект», «большая фундаментальная модель искусственного интеллекта», «состав данных», «обучение модели», «разработчик», «российское юридическое лицо».

Закон также содержит положения о маркировке ИИ-контента. Она не будет обязательной — владельцы смогут использовать её по собственному желанию, а социальные сети должны будут обеспечить им такую возможность. Кроме того, присутствует блок вопросов, касающихся авторских прав при обучении ИИ-моделей: если материалы получены законно или опубликованы в открытом доступе без ограничений со стороны правообладателей, их использование не считается нарушением прав.

Закон вступает в силу постепенно — с 1 сентября 2026 года по 1 марта 2027 года, что обеспечивает переходный период для адаптации участников рынка.

Одной из наиболее дискуссионных проблем является определение субъекта ответственности за вред, причинённый системами ИИ. Заместитель Министра юстиции

РФ В. Федоров на XIV Петербургском международном юридическом форуме отметил: «Искусственный интеллект сам по себе не может быть субъектом преступления, поскольку, несмотря на автономность, он не обладает сознанием, волей и правосубъектностью. В то же время к его применению причастны разработчики моделей искусственного интеллекта, обладатели исключительных прав на соответствующее программное обеспечение, операторы систем, владельцы сервисов и конечные пользователи».

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработало единые правила работы с ИИ, согласно которым если использование ИИ причинило вред, человек получит право на компенсацию — по общим правилам гражданского законодательства. Разработчики моделей ИИ обязаны исключать дискриминационные алгоритмы и блокировать создание противоправного контента. [3]

В доктрине высказываются предложения о закреплении в федеральном законе об ИИ чёткой многоуровневой системы распределения ответственности с классификацией ИИ-систем по уровню риска. Для систем высокого риска, применяемых в государственном управлении, предлагается предусмотреть солидарную ответственность разработчика, оператора и владельца сервиса с правом регрессного требования к виновному участнику.

Проблема авторских прав на результаты, созданные с использованием ИИ, находится в стадии активного формирования судебной практики. Показательным является дело дизайнера А. Позднякова, который обратился в суд с иском о взыскании компенсации за использование созданных им с помощью ИИ изображений «Джоконда с вином» и «Статуя Свободы с вином» на одежде и термокружках [6]. Пресненский районный суд Москвы отказал в удовлетворении иска, указав, что дача команд для искусственного интеллекта представляет собой простые механические действия и носит исключительно технический характер. Вклад истца ограничивался уточнением команд, что не считается творчеством. Московский городской суд проверял законность этого решения.

Данное дело демонстрирует позицию российских судов: простое формулирование промптов не признаётся творческим вкладом, достаточным для возникновения авторских прав. Вместе с тем остаётся открытым вопрос о том, какая степень человеческого участия в работе с ИИ может быть признана творческой.

В арбитражной практике формируется и иной подход. Решение по делу № А66–10984/2025 сформировало два важных прецедента: суд не стал отказывать в защите прав только на том основании, что изображение создано ИИ. Это свидетельствует о постепенном признании охрано-

способности контента, созданного с использованием ИИ, при условии доказанности творческого вклада человека.

В уголовном праве России отсутствует чёткая ответственность за использование ИИ в преступных схемах. В Государственную Думу внесён законопроект, предлагающий внести изменения в статью 63 УК РФ, включив использование ИИ как отягчающее обстоятельство. Следственный комитет РФ также предложил дополнить статью 63 УК об отягчающих обстоятельствах пунктом о совершении умышленного преступления с использованием технологий искусственного интеллекта. МВД России поддержало эту инициативу, отметив, что использование технологий ИИ в преступных целях представляет повышенную общественную опасность. [2]

Верховный Суд РФ в письме от 19.03.2026 № 4-ВС-2432/26 представил официальный отзыв на проект федерального закона № 1288702–8, предлагающий дополнить статью 63 УК РФ пунктом «х» — «совершение преступления с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения (в том числе электронного) или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта». [4]

Особую озабоченность вызывает использование дипфейков в преступных целях. В Госдуму внесён законопроект об уголовной ответственности за дипфейки. Согласно статье 272.1 УК РФ, уже предусмотрена ответственность за незаконное использование или передачу компьютерной информации, за что может грозить штраф до 300 тысяч рублей, принудительные работы или лишение свободы на срок до четырёх лет.

Росфинмониторинг допускает введение отдельных специальных составов за преступления с использованием ИИ. Это может быть как корректировка действующих составов (включение ИИ в виде отягчающего обстоятельства), так и создание новых специальных составов.

В 2026 году Верховный Суд РФ впервые в масштабах страны инициировал всесторонний анализ судебных дел, затрагивающих сферу использования технологий ИИ. Председатель Верховного Суда РФ И. Краснов дал поручение о проведении такого обобщения с учётом всех видов судопроизводства.

Перед судами поставлен ряд конкретных задач. В первую очередь им предстоит оценить, насколько часто использование ИИ становится предметом судебных споров или совершённых правонарушений. Особое внимание будет обращено на возмещение вреда, причинённого решениями ИИ, и на вопрос выбора надлежащего ответчика по таким искам. Отдельный блок посвящён защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений, созданных с помощью ИИ, включая случаи использования дипфейков, и защите интеллектуальной собственности, в том числе при обучении больших языковых моделей без согласия автора.

План обобщения также включает изучение административных и уголовных дел по вопросам оспаривания

решений властей, принятых на основе предложений ИИ; фиксации правонарушений системами видеоаналитики и распознавания лиц; квалификации преступлений с использованием дипфейков и мошеннических схем с чат-ботами. Судам предстоит оценить практику признания доказательствами документов и заключений, сформированных ИИ, а также случаи обжалования судебных актов по тем мотивам, что судья использовал ИИ-инструменты для их вынесения.

По результатам изучения судебной практики Верховный Суд при необходимости даст разъяснения для обеспечения её единообразия, а полученные данные смогут стать ориентиром для законодателя при выборе модели правового регулирования.

Анализ современного состояния правового регулирования ИИ позволяет выделить несколько проблемных аспектов.

Во-первых, сохраняется неопределённость в распределении ответственности за вред, причинённый системами ИИ. Представляется необходимым закрепить в федеральном законе об ИИ многоуровневую систему распределения ответственности с классификацией ИИ-систем по уровню риска, как это предлагается в доктрине.

Во-вторых, критерии творческого вклада человека в результаты, созданные с использованием ИИ, остаются неопределёнными. Целесообразно законодательно закрепить, что простое формулирование промптов не признаётся творческим вкладом, а творческим вкладом следует считать существенную модификацию сгенерированного материала или включение оригинального человеческого выражения.

В-третьих, требуется уточнение уголовно-правовых норм. Признание использования ИИ отягчающим обстоятельством является необходимым, но недостаточным шагом. Целесообразно рассмотреть вопрос о введении специальных составов преступлений, совершаемых с использованием ИИ, особенно в сферах, где риск причинения вреда наиболее высок.

В-четвёртых, необходимо развивать механизмы маркировки ИИ-контента. Хотя законопроект предусматривает добровольную маркировку, представляется, что для отдельных категорий контента (например, аудиовизуальных материалов, используемых в публичном пространстве) маркировка должна быть обязательной.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Российское законодательство об искусственном интеллекте находится в стадии активного формирования. Принятие законопроекта о поддержке развития технологий ИИ создаёт рамочные основы регулирования, однако значительное количество вопросов остаётся за пределами законодательного регулирования и требует дальнейшей проработки. Наиболее проблемными аспектами являются определение ответственности за вред, причинённый системами ИИ, критерии охраноспособности сгенерированного контента и уголовно-правовая оценка использования ИИ в преступных целях. Судебная практика по этим вопросам находится в стадии

формирования, и масштабное обобщение, инициированное Верховным Судом РФ, должно стать важным шагом к обеспечению единообразия правоприменения. Представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства в направлении закрепления

многоуровневой системы ответственности, уточнения критериев творческого вклада, развития механизмов маркировки ИИ-контента и введения специальных уголовно-правовых норм. Это будет способствовать балансу интересов разработчиков, пользователей и общества в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 июля 2026 года № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»
2. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2026 № 4-ВС-2432/26 на проект федерального закона № 1288702-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 08.10.2026).
3. Информация Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.03.2026 «Разработаны единые правила работы с искусственным интеллектом» // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 08.10.2026).
4. Верховный Суд проведет масштабное обобщение судебной практики по делам, связанным с использованием искусственного интеллекта // Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа. — 27.05.2026. — URL: <https://faszso.arbitr.ru/material/390924> (дата обращения: 08.10.2026).
5. Эксперт предлагает дожидаться разъяснений Верховного суда по преступлениям с ИИ // РАПСИ. — 25.03.2026. — URL: <https://rapsi-pravo.ru> (дата обращения: 08.10.2026).
6. Суд проверит, распространяется ли авторское право на нейросетевую «Джоконду с вином» // Вестник интеллектуального права. — 04.08.2026. — URL: <https://vestnikip.ru/news/12344> (дата обращения: 08.10.2026).

Вопросы квалификации мошенничества и критерии его отграничения от смежных составов преступлений

Анохина Мария Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тулиглов Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются отличительные черты такого состава преступления как мошенничество с анализом обмана и злоупотребления доверием как способов совершения преступления как одного из факторов разграничения мошенничества со схожими составами преступления при конкуренции норм уголовного права.

Ключевые слова: мошенничество; обман как способ совершения преступления; злоупотребление доверием; состав преступления; конкуренция норм права.

Issues of fraud qualification and criteria for distinguishing it from related criminal offenses

The article explores the distinguishing characteristics of fraud as a criminal act, with a detailed analysis of deception and abuse of trust as constituent methods of the offense. It further considers these elements as key criteria for differentiating fraud from related crimes in situations involving the conflict of criminal law provisions.

Keywords: fraud, deception as a modus operandi, abuse of trust, elements of the offense, conflict of criminal law provisions.

В УК РФ нет прямого упоминания о конкуренции уголовно-правовых норм. Однако в ч. 3 ст. 17 УК РФ законодательно закреплено правило: если деяние подпадает под действие общей и специальной норм, совокупность преступлений не образуется, а ответственность наступает по специальной норме.

Тем самым в законе фактически учтена ситуация, когда одно и то же преступление охватывается двумя нормами — общей и специальной, — но применению подлежит только специальная. В доктрине уголовного права такие случаи принято рассматривать как конкуренцию норм.

При этом в теории уголовного права при анализе конкуренции норм проводят разграничение между смежными и конкурирующими составами преступлений.

Смежные составы преступлений характеризуются наличием нескольких совпадающих признаков, однако каждый из них имеет как минимум один уникальный признак, отличающий его от другого. Например, мошенничество имеет смежные составы с кражей, грабежом и разбоем, поскольку все они включают в себя хищение. Однако способы их совершения различаются: кража осуществляется тайно, грабеж — открыто, разбой — с применением насилия, а мошенничество — путем обмана или злоупотребления доверием.

Конкурирующие нормы отличаются от смежных тем, что специальная норма включает в себя все признаки общей нормы и дополнительно содержит специфический признак, отсутствующий в общей норме. В случае смежных норм совпадение признаков происходит частично, и они различаются по одному или нескольким существенным признакам. Важно, чтобы эти различающиеся признаки не находились в соотношении части и целого или общей и специальной нормы.

Для иллюстрации можно привести пример: мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, имеет конкурирующие нормы в виде специальных составов мошенничества, описанных в статьях 159.1–159.3, 159.5 и 159.6 УК РФ. Эти специальные составы отличаются от общего состава мошенничества дополнительными специфическими признаками, которые отсутствуют в ст. 159 УК РФ [1, с. 151–152].

На практике определенные сложности возникают в ситуациях, когда предметом преступления являются деньги: согласно ст. 128 ГК РФ, они относятся к имуществу, и потому бывает непросто разграничить мошенничество и фальшивомонетничество.

В этой связи важно учитывать позицию Пленума Верховного Суда РФ: в абзаце 3 пункта 3 Постановления от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» разъяснено, что если фальшивые деньги имеют явное несоответствие подлинным банкнотам, находящимся в обращении, действия виновного следует квалифицировать как мошенничество.

На наш взгляд, для обеспечения единообразия правоприменительной практики целесообразно внести дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг». В частности, следует детально раскрыть содержание оценочных категорий «существенное сходство» и «явное несоответствие» — это позволит снизить уровень неопределенности при квалификации подобных деяний.

Еще одной чертой, которая отличает мошенничество от других форм хищения, выступает специфический способ совершения преступления — обман либо злоупотребление доверием. При этом в действующем УК РФ отсутствуют легальные определения этих понятий, из-за чего

у правоприменителей возникают сложности с их трактовкой [2, с. 95–96].

Согласно разъяснениям Пленума, под обманом следует понимать сознательное сообщение заведомо ложной информации, умолчание о значимых фактах либо совершение умышленных действий, цель которых — ввести владельца имущества или иное лицо в заблуждение. Важно учитывать, что если обман применялся лишь как средство для упрощения доступа к чужому имуществу, содеянное подлежит квалификации не как мошенничество, а как кража либо грабеж.

Второй способ совершения хищения выступает злоупотребление доверием. Согласно пункту 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», злоупотребление доверием трактуется как использование в корыстных целях доверительных отношений с владельцем имущества либо иным лицом, наделенным полномочиями принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. К данному способу относятся также ситуации, когда лицо принимает на себя определенные обязательства, заведомо не намереваясь их исполнять, с целью безвозмездного обращения чужого имущества или права на него в свою пользу либо в пользу третьих лиц.

В отечественной доктрине внимание на производный характер данного способа, поскольку ряд авторов полагает, что злоупотребление доверием не оказывает самостоятельного влияния на квалификацию и фактически является разновидностью обмана. С одной стороны, обман играет ключевую роль при квалификации деяния как мошенничества, поскольку злоупотребление доверием без сопутствующего обмана невозможно.

Вместе с тем существует и противоположный взгляд. Ряд исследователей полагает, что «злоупотребление доверием является самостоятельным способом совершения преступлений против собственности и не является разновидностью обмана». На наш взгляд, эта позиция заслуживает поддержки, поскольку в отдельных случаях обман сам по себе не находится в причинной связи с преступным результатом, тогда как доверительные отношения могут использоваться как непосредственный способ завладения имуществом. Например, потерпевший может добровольно передать имущество виновному, опираясь на его авторитет либо длительные дружеские связи, и в такой ситуации именно злоупотребление доверием, а не обман служит способом совершения хищения [3, с. 112–113].

Наличие альтернативных способов в конструкции диспозиции ст. 159 УК РФ на практике создает трудности при разграничении мошенничества и состава, предусмотренного ст. 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»). Согласно пункту 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», квалификация по ст. 165 УК РФ требуется в случаях, когда в деянии от-

сутствуют признаки противоправности, корыстной цели, а также безвозмездного изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного либо иных лиц.

В юридической литературе помимо названных критериев выделяется и дополнительный. Так, ответственность по ст. 159 УК РФ наступает тогда, когда ущерб потерпевшему выразился в фактическом выбытии имущества из его владения. Применительно же к ст. 165 УК РФ вред рассматривается как упущенная выгода собственника.

Следовательно, для того чтобы квалифицировать деяние как мошенничество, а не как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления до-

верием, необходимо установить всю совокупность признаков хищения, включая корыстную цель.

Изучение объективных признаков состава преступления, закрепленного в ст. 159 УК РФ, свидетельствует о том, что в современной следственной и судебной практике попрежнему нет единообразия в квалификации этого деяния и в его разграничении со смежными составами. Во многом это обусловлено не столько особенностями законодательной техники, использованной при формировании действующего уголовного закона, сколько значительной объемностью и сложностью дефиниций, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Литература:

1. Шеслер А. В. Проблемы квалификации мошенничества // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1 (26).
2. Третьяк М. И. Проблемы квалификации новых способов мошенничества // Юридическая наука. 2024. № 2.
3. Розенко С. В. Проблемы квалификации и наказуемости специальных составов мошенничества // Юридический журнал. 2021. № 3 (5).

Меры защиты прав корпораций на товарный знак, не являющиеся мерами ответственности

Апрельков Юрий Максимович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Корпорации, защищающей товарный знак, нужно остановить нарушение до того, как будут доказаны вина и размер убытков, однако граница между мерами защиты и мерами ответственности в части четвертой Гражданского кодекса РФ проведена неполно. Цель состоит в том, чтобы определить круг мер защиты исключительного права на товарный знак, не являющихся ответственностью, и оценить условия их результативности; использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический методы. Установлено, что для корпорации-нарушителя критерий вины почти утрачивает разграничительное значение. Причина в том, что убытки и компенсация взыскиваются с предпринимателя независимо от вины. Различие поэтому смещается к адресату требования и к его направленности на будущий оборот товара. Таможенное пресечение ввоза контрафакта в 2025 году заметно выросло, что повышает значение превентивных инструментов. Предложены классификация мер и порядок их сочетания в одном споре, пригодные при подготовке исков и внутренних правил корпораций по охране средств индивидуализации.

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право, меры защиты, гражданско-правовая ответственность, пресечение нарушения, обеспечительные меры, контрафакт.

Введение

Если товарный знак корпорации тиражируется на складах импортеров и в карточках маркетплейсов, взыскание компенсации само по себе не возвращает правообладателю рынок: деньги поступают после того, как контрафактная партия распродана, а покупатель уже связал знак с товаром чужого производства.

Масштаб явления задает таможенная статистика. В 2025 году Федеральная таможенная служба (далее — ФТС) в России пресекла около 8 млн единиц контрафактной продукции и выявила более 7,9 тыс. случаев соответствую-

ющих нарушений [5]. Основная их часть задержана при таможенном контроле, то есть до того, как вопрос о вине декларанта вообще ставился. Между тем гражданское право описывает подобные инструменты разрозненно, и корпоративный правообладатель выбирает их скорее по сложившейся судебной практике, чем по ясному доктринальному критерию.

В. А. Дозорцев, на чью позицию опирается В. В. Киселев, подчеркивал своеобразие защиты интеллектуальных прав: «примитивных, грубых способов защиты права, существующих в сфере материальных объектов в сфере интеллектуальных прав нет» [2]. Сам В. В. Ки-

селев переносит акцент на процессуальную сторону и связывает действенность обеспечительных мер с их соразмерностью объему и характеру нарушения [2].

Обобщенная в системе ГАРАНТ судебная практика исходит из того, что «взыскание компенсации не ставится в зависимость от того обстоятельства, знал ли нарушитель о неправомерности своих действий» [7]. Здесь и возникает затруднение. Если меры ответственности применяются к предпринимателю без вины (п. 3 ст. 1250 ГК РФ [1]), то в спорах между корпорациями вина перестает отделять их от мер защиты. Неясно, какой признак тогда разграничивает обе группы и что он дает правообладателю при выборе требования. Цель статьи — обосновать критерий выделения мер защиты права корпорации на товарный знак, не являющихся ответственностью, и определить условия их сочетания.

Разграничение мер защиты и мер ответственности в охране товарного знака

Из требований, перечисленных в п. 1 ст. 1252 ГК РФ, мерами ответственности п. 3 ст. 1250 прямо называет лишь возмещение убытков (подп. 3 п. 1 ст. 1252) и выплату компенсации [1]. Прочие требования закон определяет через их адресата. Требование о пресечении по подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ обращено «к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, а также к иным лицам, которые могут пресечь такие действия» [1].

Круг обязанных лиц здесь шире круга нарушителей: требование может быть адресовано оператору маркетплейса, владельцу сайта или складу ответственного хранения, которые сами товарный знак не используют, но способны прекратить размещение или отгрузку товара.

Центральная для темы норма — п. 5 ст. 1250 ГК РФ: «Отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интеллектуальных прав» [1]. Далее норма называет публикацию решения суда, пресечение действий и изъятие с уничтожением контрафактных материальных носителей, причем оборот «таких мер, как» оставляет перечень открытым. По существу, к той же группе тяготеет и признание права (подп. 1 п. 1 ст. 1252), поскольку оно лишь устраняет неопределенность в принадлежности знака. Корпорации-правообладателю достаточно доказать факт незаконного использования обозначения; умысел или неосторожность продавца в предмет доказывания не входят.

Взыскание с нарушителя расходов на публикацию решения и уничтожение контрафакта внешне сближает эти требования с санкцией. Сходство поверхностное: размер расходов задан стоимостью самих действий и не растет при умысле, тогда как компенсацию по подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ суд определяет по своему усмотрению исходя из характера нарушения [1].

Если вина не разграничивает меры в спорах между коммерческими организациями, разграничение прихо-

дится строить на ином признаке. Ответственность измеряет уже причиненное, меры защиты определяют дальнейшую судьбу товара и обозначения. По направленности воздействия нами предложена авторская классификация из трех групп: — пресекаательно-превентивные меры (пресечение действий, обеспечительные меры по п. 2 ст. 1252 ГК РФ, таможенное приостановление выпуска), обращенные к будущему обороту; — изъятие и уничтожение контрафакта, при котором воздействие направлено на материальные носители независимо от того, кто ими владеет; — констатирующие требования: признание права и публикация решения суда с указанием действительного правообладателя.

Законодатель сам использует критерий, близкий к предложенному. Согласно п. 5 ст. 1253.1 ГК РФ, к информационному посреднику могут быть предъявлены требования о защите интеллектуальных прав, «не связанные с применением мер гражданско-правовой ответственности», в том числе об удалении информации или ограничении доступа к ней [1]. Пресекаательно-превентивная группа при этом ограничена соразмерностью. По п. 2 ст. 1252 ГК РФ в обеспечение иска допускаются «соразмерные объему и характеру правонарушения обеспечительные меры» [1]. В. В. Киселев выводит пределы таких мер из требования соразмерности [2]; для корпорации-ответчика с широким ассортиментом несоразмерный запрет остановил бы и законный оборот.

С виной связаны только убытки и компенсация, но для корпорации-нарушителя они применяются независимо от нее. Различие сохраняется по адресату: пресечение и изъятие достигают перевозчиков и хранителей, тогда как публикация решения, подобно мерам ответственности, обращена лишь к нарушителю.

Таможенное пресечение ввоза контрафакта в 2024–2025 годах

Безвиновную природу мер защиты нагляднее всего демонстрирует приостановление выпуска товаров таможенными органами. Правообладатель заранее вносит товарный знак в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС); при обнаружении партии с признаками контрафактности ее выпуск приостанавливается. Вину декларанта таможня не устанавливает. Административное дело по ст. 14.10 КоАП РФ может последовать позже [3], однако от его исхода приостановление не зависит и решает собственную задачу: не допустить товар во внутренний оборот.

Для корпорации, чей знак внесен в ТРОИС, каждая задержанная на границе единица товара означает иск, который не придется предъявлять розничным продавцам. Экономия измеряется прежде всего временем: товар не попадает на склады и в карточки маркетплейсов, откуда его пришлось бы изымать отдельным требованием к хранителю по подп. 4 п. 1 ст. 1252 ГК РФ [1]. Масштаб эффекта поддается измерению.

Согласно данным ФТС за девять месяцев 2025 года объем вырос примерно в 1,8 раза. [6] На IV квартал приходится ориентировочно около 0,5 млн единиц, тогда как средний квартал января–сентября дал около 2,5 млн. [5] Для корпоративных правообладателей существенна не квартальная динамика, а сама величина: миллионы единиц выведены из оборота без доказывания вины. Исковой защите подобный масштаб недоступен, поскольку каждое требование о пресечении рассматривается в отдельном деле.

Таможенный канал охватывает лишь трансграничное перемещение товаров. Партия, произведенная в России или ввезенная из государства — члена ЕАЭС без таможенного контроля на внутренней границе союза, в ТРОИС не попадает; правообладателю остаются иски меры защиты.

Допустим, хозяйственное общество — правообладатель знака для бытовой химии обнаруживает в карточках Wildberries и Ozon товар с обозначением, сходным до степени смешения. Требование о пресечении здесь целесообразно обратиться одновременно к продавцу и к оператору площадки как к лицу, способному прекратить размещение (подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ). Оператор в части размещения предложений выступает информационным посредником и отвечает по особым правилам ст. 1253.1 ГК РФ, но от требований, не связанных с ответственностью, это его не освобождает [1]. Разъяснения о применении этих норм судами даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 [4].

Чем ближе адресат требования к инфраструктуре оборота (таможня, склад, торговая площадка), тем меньше для корпорации-правообладателя значат личность и вина конкретного продавца.

Пресекательные и превентивные меры дают правообладателю наибольший охват, но различаются издержками и скоростью. Таможенная мера быстра, однако требует заблаговременного включения знака в реестр; исковое пресечение доступно всегда, но растягивается на месяцы судебного процесса. Порядок их сочетания в одном споре законом не определен.

Сочетание мер защиты в споре корпоративного правообладателя

В отличие от убытков и компенсации, (п. 3 ст. 1252 ГК РФ [1]), закон не ставит меры защиты в отношении альтернативы. Корпорация вправе в одном процессе просить об обеспечительном запрете, пресечении, изъятии носителей и публикации решения; выбор между убытками и компенсацией за ней при этом сохраняется.

Результативность пресечения определяется прежде всего исполнимостью решения. Запрет «использовать товарный знак» без указания товаров и площадок трудно исполнить принудительно: приставу неясно, какие действия ответчика его нарушают. Полагаем, что корпоративному истцу лучше формулировать требование через

конкретные действия — ввоз партий, размещение карточек с определенными артикулами, использование обозначения в доменном имени. Подобная конкретизация согласуется и с требованием соразмерности, на котором настаивает В. В. Киселев [2]. Подготовка такого иска дороже, зато повторное нарушение затем выявляется в исполнительном производстве без нового спора.

Таможенная и исковая защита пока действуют для правообладателя раздельно. Сведения, полученные при приостановлении выпуска (о декларанте, объеме и маршруте партии), могли бы служить основанием для немедленного иска о пресечении к получателю и перевозчику. В связи с этим предлагаем следующую последовательность действий: — знак заранее вносится в ТРОИС, чтобы приостановление выпуска наступало без задержки; — обеспечительный запрет заявляется вместе с иском о пресечении, если партия уже выпущена и лежит на складе; — к хранителю и перевозчику — требование об изъятии по подп. 4 п. 1 ст. 1252 ГК РФ, не дожидаясь установления личности продавца; — публикация решения на той торговой площадке, где реализовывался контрафакт.

Если рост пресеченного таможенной объема, сохранится, доля споров, где корпорация ограничивается мерами защиты без взыскания компенсации, по нашей оценке, будет увеличиваться. Сдерживающим условием останется внутренний оборот товаров из государств ЕАЭС, где правообладателю доступен лишь исковой путь.

Для лица, не ведущего предпринимательской деятельности, граница между мерами защиты и ответственностью сохраняет прежнее значение. Гражданин, перепродающий несколько единиц контрафакта, отвечает за убытки лишь при вине, тогда как пресечение и изъятие применяются к нему безусловно (пп. 3 и 5 ст. 1250 ГК РФ [1]). Поэтому критерий адресата и направленности, удобный для споров между корпорациями, в отношении граждан дополняет критерий вины, но не заменяет его.

Заключение

Для корпорации-нарушителя вина утрачивает разграничительное значение, поскольку убытки и компенсация взыскиваются с предпринимателя независимо от нее, и меры защиты, не являющиеся ответственностью, выделяются по иному основанию — по адресату требования и его направленности на будущий оборот товара.

К этой группе относятся признание права, пресечение действий, изъятие и уничтожение контрафактных носителей, публикация решения суда, обеспечительные меры и таможенное приостановление выпуска. Внутри нее мы различаем пресекаательно-превентивные, изъятийные и констатирующие требования. Наиболее результативны пресекаательно-превентивные меры, причем таможенная опережает исковую по оперативности, а исковая — по охвату третьих лиц. Их сочетание в одном споре с обеспечительным запретом, конкретизированным по товарам и площадкам, позволяет корпорации остановить

нарушение до решения вопроса о компенсации. Корпоративным юристам эти выводы пригодны при составлении исков и внутренних регламентов охраны средств индивидуализации.

Выводы рассчитаны на споры между коммерческими организациями и для граждан-нарушителей верны лишь в части адресата, но не вины. Дальнейшего изучения тре-

буют исполнимость запретов в отношении информационных посредников и допустимость публикации решения на торговой площадке, где реализовывался контрафакт.

Отдельный вопрос — как распределять расходы на хранение и уничтожение задержанных таможен партий между правообладателем, декларантом и складом временного хранения, если нарушитель не установлен.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в действующей редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
2. Киселев В. В. Обеспечительные меры в делах о защите интеллектуальных прав // Молодой ученый. 2021. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85535>
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/
5. ФТС в 2025 году пресекла около 8 млн единиц контрафактной продукции // Альта-Софт. 19.03.2026. URL: https://www.alt.ru/external_news/126509/
6. ФТС пресекла оборот около 7,5 миллиона единиц контрафакта за девять месяцев // РИА Новости. 13.12.2025. URL: <https://ria.ru/20251213/fts-2061824127.html>
7. Энциклопедия судебной практики. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Защита исключительных прав (ст. 1252 ГК РФ) // Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/57590871/>

Институт недействительности сделки в РФ

Ахметчина Татьяна Ильдаровна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье рассматриваются правовые основания признания сделки недействительной по российскому гражданскому законодательству. Выделены признаки недействительных сделок. В этой статье разберем основные виды недействительности сделок.

Ключевые слова: недействительность сделки, виды, гражданское законодательство, ничтожность, оспоримость.

В соответствии с гражданским законодательством под недействительностью сделки понимается правовое признание действия сторон недействительным и отсутствие юридических последствий. Гражданский кодекс РФ регулирует основания и порядок признания сделок недействительными, устанавливая права сторон на защиту в случае, если сделка нарушает закон или права участников.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами: во-первых, растёт количество споров о действительности сделок в сложных экономических конструкциях (цепочки отчуждений, корпоративные конфликты, «вывод активов», номинальные и прикрывающие сделки); во-вторых, наблюдается тенденция к усилению значения оценочных категорий (добросовестность, разумность, соразмерность последствий), что повышает роль судебного усмотрения; в-третьих, цифровизация оборота порождает новые риски дефектов волеизъявления и доказа-

тельственные проблемы, включая идентификацию лица, подтверждение условий сделки и разграничение «ошибки алгоритма» и порока воли [4, с.697].

Правовая природа недействительных сделок обусловлена нарушением установленных гражданским правом норм и принципов. Данный институт выполняет охранительную функцию, обеспечивая защиту правопорядка в сфере гражданского оборота. Недействительность сделки означает отсутствие юридических последствий, на которые была направлена воля сторон [3].

В системе гражданско-правовых отношений недействительные сделки выступают механизмом противодействия противоправному поведению участников. Они предотвращают реализацию противозаконных интересов и охраняют стабильность имущественного оборота. Институт недействительности обеспечивает баланс между принципом автономии воли субъектов и необходимостью защиты публичных интересов. Это достигается через

установление законодательных ограничений для свободного волеизъявления сторон.

Основания признания сделок недействительными систематизированы в Гражданском кодексе РФ. Законодатель выделяет общие и специальные условия недействительности.

Общие основания применяются ко всем видам сделок независимо от их субъектного состава или содержания.

К ним относятся нарушения требований о дееспособности сторон, формы сделки, содержания волеизъявления. Специальные основания связаны с конкретными видами гражданско-правовых договоров. «По общему правилу, последствием несоблюдения простой письменной формы сделки является невозможность ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п. 1 ст. 162 ГК РФ) [1].

В случаях, прямо указанных в законе, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность (п. 2 ст. 162 ГК РФ) [1]. Данная норма иллюстрирует дифференцированный подход законодателя к последствиям нарушения формы сделки.

ГК РФ и определяет, при каких условиях сделка может считаться незаконной. Среди признаков недействительности выделяются:

1) Несоответствие закону, то есть если совершаемая сделка противоречит гражданскому законодательству РФ то она может быть признана недействительной.

2) Нарушение интересов участников. Сделка не должна ущемлять права сторон. Например, в деле № А40–3032/20 суд признал договор дарения недействительным, так как были нарушены права третьего лица, имеющего преимущественное право на владение имуществом [2].

3) Существенное заблуждение. Если участник совершает сделку в условиях значительного заблуждения, она может быть признана оспоримой [6].

В гражданском праве недействительные сделки классифицируются по нескольким основаниям: по основанию недействительности (причине признания сделки недействительной), по процессуальному порядку установления недействительности (на оспоримые, требующие судебного признания, и ничтожные, недействительные в силу закона), и по моменту вступления в силу последствий недействительности (обычно с момента совершения) [7, с.383].

Гражданский кодекс РФ делит недействительные сделки на два вида.

1) Ничтожные сделки — недействительны с момента их совершения независимо от признания этого судом. К ним относятся, например:

- сделки, нарушающие требования закона и посягающие на публичные интересы или права третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ) [1];
- мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые недееспособным или малолетним (до 14 лет) гражданином;

– сделки, совершённые без необходимого по закону согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа.

2 Оспоримые сделки — признаются недействительными только по решению суда. К ним относятся, например:

- сделки, нарушающие требования закона (но не посягающие на публичные интересы или права третьих лиц) (п. 1 ст. 168 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые в противоречии с целями деятельности организации (ст. 173 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 178, 179 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые лицом, ограниченным в дееспособности, или несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет без согласия родителей (ст. 175, 176 ГК РФ) [1];
- сделки, совершённые гражданином, который не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ) [1].

В юридической практике закреплено понятие «частичная недействительность сделки» — это ситуация, когда суд признаёт недействительным не всю сделку целиком, а только одно или несколько её отдельных условий. При этом остальные условия сохраняют силу, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной части. Это правило закреплено в **статье 180 Гражданского кодекса РФ** [1].

Ключевой вопрос, который решает суд: можно ли «отделить» оспариваемое условие от остального договора так, чтобы он не потерял смысл. Для этого анализируют два критерия.

1. Объективный: способна ли сделка существовать без этой части? Если исключение условия разрушает весь смысл договора (например, в кредитном договоре условие о комиссии за обслуживание делает бессмысленным весь график платежей), суд признает сделку недействительной полностью.

2. Субъективный: как сами участники относились к этому условию при заключении сделки? Если сторона, оспаривающая условие, не смогла доказать, что без него стороны вообще не стали бы подписывать договор, суд может отказать в частичном оспаривании [5].

Например, в договоре купли-продажи товара условие о штрафе за возврат товара в ненадлежащем состоянии признано недействительным. Если остальные условия (цена, сроки, порядок приёмки) законны и стороны в целом были бы готовы заключить сделку и без этого штрафного условия, то суд, как правило, оставляет в силе остальную часть договора. Виды недействительных сделок приведены в таблице 1.

Таким образом, институт недействительности сделки ограждает участников гражданского оборота от неправомерных действий, нарушающих их права. Современное российское законодательство обеспечивает возможности оспорить и аннулировать сделки, совершённые с нарушениями.

Таблица 1. Виды недействительных сделок

Вид сделки	Содержание	Срок исковой давности	Правовые последствия
Ничтожная сделка	С момента заключения не имеет юридической силы, так как противоречит ГК РФ	3 года	Реституция, возмещение убытков
Оспоримая сделка	Сделка, признание недействительной которой требует решения Суда.	1 год	Реституция, возмещение убытков
Частичная недействительность	Одно из условий сделки, противоречит ГК РФ	Зависит от типа сделки	Недействительность части сделки

Литература:

1.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2.

Решение Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы) от 18 мая 2020 г. по делу № А40–3032/2020. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JywGjF7hlUov/> (дата обращения: 07.10.2026)

3.

Александров А. Ю. Общая характеристика недействительных сделок в гражданском праве РФ / А. Ю. Александров, Д. Н. Упилкова // Дневник науки. — 2026. — № 1 (109).

4.

Куватов Д. Р. Правовая природа недействительных сделок / Д. Р. Куватов // Аллея науки. — 2026. — Т. 1. — № 1 (112). — С. 697–708.

5.

Крашенинникова Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 1125 с.

6.

Недействительность сделок: понятие, виды и последствия// Правовая — навигационная система Закон РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/articles/nedejstvitelnost-sdelok-ponyatie-vidy-i-posledstviya/> (дата обращения: 07.10.2026)

7.

Сепста С. А. Недействительные сделки и их последствия: вопросы теории и правоприменительной практики / С. А. Сепста // Вестник науки. — 2025. — Т. 2. — № 1 (82). — С. 385–393.

Цифровые платформы занятости: проблемы переквалификации
гражданско-правовых отношений в трудовые

Байрамкулова Халимат Османовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сергеевко Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Развитие цифровой экономики привело к появлению платформенной занятости, опосредованной цифровой платформой. Её правовой режим не определён: формально отношения оформляются гражданско-правовыми договорами, фактически же нередко содержат признаки трудовых.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровые платформы, переквалификация отношений, гражданско-правовой договор, трудовые отношения, самозанятые, алгоритмическое управление, экономическая зависимость, гибридная модель регулирования, социальные гарантии.

Платформенная занятость позиционируется как свободный выбор исполнителя, однако на практике операторы требуют регистрации в качестве самозанятых или ИП. Такая модель выгодна платформе: экономия на страховых взносах (до 30 % ФОТ) и НДФЛ, тогда как исполнитель самостоятельно уплачивает 4–6 % НПД, лишаясь отпуска, больничных и защиты от произвольного отключения [2].

Особую остроту проблеме придаёт то, что регистрация в качестве самозанятого или индивидуального предпри-

нимателя нередко носит вынужденный характер и навязывается под угрозой недопуска к работе. Такие действия прямо противоречат закону, однако на практике встречаются достаточно часто [1]. По данным ФНС России, число зарегистрированных самозанятых к марту 2025 г. превысило 13 млн человек, при этом реально ведущих деятельность и получающих доход по налогу на профессиональный доход — порядка 63 % от общего числа [7]. Это означает, что как минимум треть зарегистрированных либо не ведут деятельность, либо не получают дохода —

что затрудняет идентификацию реальных трудовых отношений. До 2025 г. отношения платформ и исполнителей не имели специального регулирования: применялись общие нормы ГК о свободе договора (ст. 421), тогда как ТК не содержал норм о цифровой занятости. Это создало разрыв между договорной формой и фактическим содержанием [2].

Таким образом, гражданско-правовая форма легализует доход, но одновременно перекладывает на исполнителя предпринимательские риски и избавляет платформу от трудовых обязанностей.

Одним из ключевых признаков трудовых отношений, игнорируемых при формальной квалификации платформенной занятости, является алгоритмическое управление. Цифровые платформы используют автоматизированные системы распределения заказов, оценки качества работы, рейтингования и применения санкций, которые фактически выполняют функции, традиционно присущие работодателю: определение объёма и режима работы, контроль качества и дисциплинарное воздействие. В доктрине выделяют три признака, сближающих платформенную занятость с трудовой: личная зависимость (запрет передачи заказа), экономическая зависимость (доход от платформы — основной) и алгоритмический контроль (тарифы, доступ, санкции) [2].

Неоднородность платформенной занятости требует дифференцированного подхода. Для исполнителей, использующих платформу как дополнительный канал заказов, трудовой договор был бы чрезмерным. Для постоянно работающих через одну платформу, зависящих от её тарифов и рейтинга, необходим промежуточный режим [6]. В доктрине предлагается статус «самозанятый, работающий посредством платформ», закреплённый в законодательстве о занятости, с применением признаков личной, экономической зависимости и алгоритмического контроля [8].

Таким образом, алгоритмическое управление и экономическая зависимость представляют собой содержательные признаки фактического подчинения исполнителя, которые должны учитываться при квалификации платформенных отношений независимо от формы заключённого договора.

ТК закрепляет признаки трудовых отношений: личное выполнение функции, подчинение ПВТР, обеспечение условий труда работодателем, контроль и систематичность (ст. 15, ч. 1 ст. 56) [1]. Гражданско-правовой договор предполагает результат, а не процесс.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29.05.2018 № 15 указал на необходимость анализа фактических обстоятельств: наличие устойчивых организационно-управленческих связей, подчинение режиму работы, обеспечение условий труда заказчиком, а также отсутствие у данного лица иной предпринимательской деятельности, кроме работы у заказчика [1].

Применительно к платформенной занятости российская судебная практика остаётся преимущественно фор-

мальной. Суды рассматривают платформы как информационный сервис и отказывают в признании отношений трудовыми, ссылаясь на отсутствие подчинения внутреннему распорядку и самостоятельное обеспечение условий труда. Показательно апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2018 по делу № 33–15213/2018, которым водителю такси отказано в признании трудовых отношений с платформой [10]. В то же время отдельные решения свидетельствуют о постепенном смещении акцента в сторону анализа фактических обстоятельств: в Определении Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 № 88–42809/2023 суд признал наличие экономической зависимости и элементов контроля со стороны платформы, хотя и не установил прямую обязанность оператора как работодателя [2].

Таким образом, российская практика квалификации платформенных отношений носит противоречивый характер: формально суды ориентируются на приоритет фактического содержания над формой договора, однако применительно к цифровым платформам этот подход реализуется фрагментарно из-за отсутствия адаптированных критериев контроля в цифровой среде.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ стал первой попыткой законодателя ответить на вызовы цифровой экономики: он ввёл понятия «оператор цифровой платформы» и «партнёр-исполнитель», обязал раскрывать параметры алгоритмического распределения заказов и установил минимальное страхование от несчастных случаев [2]. Однако гражданско-правовая природа отношений сохранена — Трудовой кодекс на исполнителей не распространён, статус работников не предоставлен. Многие условия применения алгоритмов остались вне регулирования, а механизмы контроля недостаточно эффективны [2].

Сопоставление новелл закона с международными стандартами свидетельствует о том, что российский законодатель избрал путь, отличный от европейского. В Испании широко используется категория «зависимого самозанятого», а «Закон о курьерах» 2021 г. распространил трудовое право на работников платформенных служб доставки. В странах БРИКС единая модель отсутствует: Бразилия практически уравнила платформенных работников с наёмными, Индия ввела специальный статус с социальным обеспечением, Китай избрал путь «мягкого права», ЮАР сохранила статус независимых подрядчиков [2].

Обоснованным представляется переход к гибридной модели, сочетающей договорную автономию с отдельными социальными гарантиями. В доктрине предлагаются: закрепление в Трудовом кодексе главы о труде платформенных работников [9]; статус «самозанятый, работающий посредством платформ» [8]; поэтапное введение гарантий для экономически зависимых исполнителей [6]. Действующая гражданско-правовая модель регулирования платформенной занятости не устраняет ключевой проблемы — отсутствия статуса работника

у платформенных исполнителей и связанного с этим разрыва между юридической формой и фактическим содержанием отношений.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее перспективным направлением развития правового регулирования платформенной занятости является гибридная модель, сочетающая договорную автономию с минималь-

ными социальными гарантиями и разработкой критериев выявления отношений фактического подчинения. Реализация такого подхода позволит сократить разрыв между юридической формой и реальным содержанием платформенной занятости, обеспечив более сбалансированное распределение рисков между участниками цифровой экономики.

Литература:

1. Булатов, А. С. Подмена трудовых отношений гражданско-правовыми договорами с участием самозанятых и индивидуальных предпринимателей: проблемы квалификации и правовые последствия / А. С. Булатов // Право и практика. — 2025. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podmena-trudovyh-otnosheniy-grazhdansko-pravovymi-dogovorami-s-uchastiem-samozanyatyh-i-individualnyh-predprimateley-problemy> (дата обращения: 05.10.2026).
2. Зарубин, А. И. Правовая природа платформенной занятости в Российской Федерации: от гражданско-правовых договоров к гибридной модели регулирования / А. И. Зарубин // Теория и практика общественного развития. — 2026. — № 4. — С. 254–259.
3. Зуева, К. А. Ограничения правового регулирования трудовых отношений между исполнителями услуг и цифровыми платформами / К. А. Зуева // Финансовые рынки и банки. — 2023. — № 2. — С. 60–64.
4. Колотова, Н. В. Социальная защита лиц, выполняющих работу на цифровых платформах труда: подходы к проблеме / Н. В. Колотова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2025. — Т. 29, № 4. — С. 930–946.
5. Работник или самозанятый? Риски переквалификации отношений с самозанятым в трудовые // Молодой учёный. — 2024. — № 21 (521). — URL: <https://moluch.ru/archive/521/114966> (дата обращения: 05.10.2026).
6. Фасхутдинова, Г. И. Государственное регулирование платформенной занятости в условиях цифровизации рынка труда / Г. И. Фасхутдинова, А. Ю. Халиков, А. И. Михайлова // Прикладные экономические исследования. — 2026. — № 6. — С. 220–229.
7. Формирование правовой среды для самозанятых в России: вызовы, динамика, перспективы // Молодой учёный. — 2025. — № 20 (589). — URL: <https://www.moluch.ru/archive/589/128571> (дата обращения: 05.10.2026).
8. Чаштанова, Д. П. Правовые способы определения статуса занятых посредством платформ: аспекты предоставления социально-трудовых гарантий / Д. П. Чаштанова // Юридическая наука. — 2024. — № 3. — С. 60–67.
9. Черных, Н. В. Федеральный закон о платформенной экономике: взгляд с позиции трудового права / Н. В. Черных // Вектор юридической науки. — 2026. — № 2. — С. 20–29.
10. Чесалина, О. В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ / О. В. Чесалина // Herald of the Euro-Asian Law Congress. — 2020. — № 1. — С. 108–117.

Вещественные доказательств: понятие, классификация, процессуальный статус

Байрамов Рашад Бахышович, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В данной статье даются понятие, сущность и классификация вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Дается перечень вещественных доказательств.

Ключевые слова: вещественное доказательство, микрообъекты, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, уголовное преследование.

Во все времена преступность имела особое значение, так как ее увеличение с каждым годом негативным образом сказывается на развитии общества, его безопасности и благополучии. Преступность проявляется во всех сферах жизни общества, где-то ее проявления более серьезные и наносящие урон и ущерб большому количеству граждан, где-то преступность проявляется в наименее вы-

раженных формах. В любом случае преступность должна пресекаться и наказываться.

Вся процессуальная деятельность лиц, осуществляющих уголовное преследование, направлена на установление обстоятельств совершенного преступления. Законодательно перечень таких обстоятельств закреплён в ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Дознаватель, следователь обязаны установить все факты совершенного преступного деяния, закрепить их процессуально в материалах уголовного дела, придать им статус доказательств по уголовному делу.

Вещественным доказательствам посвящена ст. 81 УПК РФ, где не содержится четкого их определения. По смыслу статьи, вещественными доказательствами по уголовному делу могут быть предметы, которые служили средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления; на которые было направлено преступное деяние; деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления. Перечень вещественных доказательств носит открытый характер: «иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела» [5].

Но данный перечень не охватывает все объекты, которые могут признаваться вещественными доказательствами. Так, например, микроследы веществ и иные микрообъекты по смыслу статьи 81 УПК РФ прямо не относятся к вещественным доказательствам. Однако по результатам анализа судебной и следственной практики нами был сделан вывод о том, что микроследы и микрообъекты признаются вещественными доказательствами. [1, с. 10].

Однако, к примеру, В. Н. Косарев и И. В. Макогон утверждают, что «вещество в молекулярном состоянии нельзя признавать материальным объектом даже в микроколичестве, если отсутствует его материальное образование, поддающееся какому-либо исследованию» [4, с. 29.].

Спорным вопросом является также принадлежность электронной компьютерной информации к вещественным доказательствам. Например, Н. А. Зигура предлагает признавать такие сведения самостоятельным видом доказательств [3, с. 8.].

Полагаем, что мнения ученых, оспаривающих возможность признания рассмотренных выше объектов вещественными доказательствами, возникают из-за неоднозначности толкования дефиниции «предмет», используемой в статье 81 УПК РФ, так как на практике не только предметы, но и состояния объектов материального мира могут сохранять на себе сведения, имеющие значение для уголовного дела и совпадающие с признаками вещественных доказательств.

Стоит также отметить, что сам по себе предмет или документ как таковой не является вещественным доказательством. Вещественным доказательством может являться только материальный объект с его конкретными качествами, способными установить связь с необходи-

мыми доказательственными фактами. Поэтому главным характерным признаком вещественного доказательства является его причинная связь с устанавливаемым событием. Без восприятия этого признака лицом, осуществляющим доказывание по уголовным делам, сам по себе материальный объект не несет значимой информации для уголовного судопроизводства. Ряд ученых-процессуалистов, исходя из такой точки зрения, считают вещественные доказательства объективно-субъективной категорией [2, с. 37.].

Вещественные доказательства являются разновидностью доказательств в целом. Поэтому им присущи также признаки, предъявляемые ко всем видам доказательств в соответствии с УПК РФ. Такие признаки перечислены в статье 88 УПК РФ — относимость, допустимость, достоверность, а в совокупности все собранные доказательства должны отвечать признаку достаточности.

Кроме того, стоит помнить, что предметы или иные материальные объекты, которые изымаются на первоначальном этапе расследования, еще не являются вещественными доказательствами, а только претендуют быть ими, поскольку связь таких материальных объектов с событием преступления достоверно ещё не установлена. Нередко на практике встречаются случаи, когда изъятые предметы не приобретают процессуального статуса вещественных доказательств, например, если не подтверждается их связь с совершенным преступлением. Для придания материальному объекту процессуального статуса вещественного доказательства такой объект необходимо осмотреть, приобщить к уголовному делу, определить место его хранения.

Таким образом, вещественное доказательство — это не просто предмет или документ, это целая система, которая, как следствие, требует строгого соблюдения определенной процессуальной формы.

Таким образом, вещественные доказательства представляют особую категорию доказательств для целей уголовного судопроизводства. Под доказательствами понимаются сведения, на основании которых суд устанавливает виновность лица и выносит соответствующий вердикт. Вещественными доказательствами выступают физические, материальные объекты, несущие в себе информацию о преступлении, в том числе обладающие трассологическими следами. Вещественные доказательства образуют наибольшую категорию доказательств, так как практически при каждом преступлении существует в непосредственной близости объект, хранящий в себе информацию, которая подтверждает или опровергает факт совершения деяния.

Литература:

1. Бибииков В. В. Микрообъекты в раскрытии и расследовании преступлений. — М., 1985. — С. 10.
2. Егоров Н. Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. — М.: Юрлитинформ, 2007. — С. 37.
3. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — С. 8.

4. Косарев В. Н., Макогон И. В. Использование микрообъектов в расследовании преступлений. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2005. — С. 29.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Собирание и представление вещественных доказательств

Байрамов Рашад Бахышович, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В данной статье рассматривается процесс доказывания по уголовному делу, происходящий с использованием вещественных доказательств. Анализируется собирание доказательств как первичный элемент процесса доказывания.

Ключевые слова: вещественное доказательство, собирание вещественных доказательств, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Процесс доказывания по уголовному делу происходит с использованием доказательств, в том числе вещественных. Первоочередным в использовании в уголовном судопроизводстве доказательств выступает их сбор и представление. Таким образом, чтобы вещественные доказательства могли фигурировать в уголовном деле, требуется провести надлежащим образом оформленный сбор вещественных доказательств.

Собирание доказательств как первичный элемент и как самостоятельный этап процесса доказывания не только имеет важное значение для установления события преступления при расследовании уголовного дела, но и служит предпосылкой для принятия законного и справедливого судебного решения.

Особенности собирания вещественных доказательств заключаются во внимательном изучении обстановки и определении наиболее подходящих и существенных для уголовного дела предметов, которые могут выступить доказательством по делу, а также будут иметь на себе следы, подлежащие экспертизе. Сам по себе сбор вещественных доказательств не является процессом доказывания, а только отражает познание объекта, который возможно будет иметь значение для дела.

Для того, чтобы надлежащим образом собрать вещественные доказательства, необходимо следовать поставленным при этом задачам, а именно: зафиксировать место, время и условия, при которых был обнаружен предмет, выступающий в качестве вещественного доказательства; определить подлинность вещественного доказательства; исключить вероятность фальсификации или подмены вещественного доказательства.

Фальсификация или подмена вещественных доказательств на месте преступления явление достаточно распространенное, поэтому к сотрудникам и экспертам в данном случае предъявляются повышенные требования к внимательности и определению причастности исследуемых объектов к месту и событию. Но при этом, иногда на первый взгляд может показаться, что вещественное

доказательство не имеет отношение к данному преступлению, так как вызывает сомнение неестественное положение предмета либо его состояние. Но и это может быть обманчивым впечатлением, в связи с чем лучше доверить экспертам исследование такого вещественного доказательства на его соответствие и уже затем принять решение о его относимости и допустимости [2, с. 9].

Относимость и допустимость вещественного доказательства может также определяться на этапе собирания, так как именно тогда начинается анализ и отбор доказательств. Относимость и допустимость вещественного доказательства может также определяться на этапе собирания, так как именно тогда начинается анализ и отбор доказательств [3, с. 27].

Законодателем регламентирован порядок собирания и проверки вещественных доказательств, установлена система действий, которая позволяет эффективно собирать и проверять вещественные доказательства.

При рассматриваемом процессуальном действии важным остается и то обстоятельство, что определенное следственное действие с вещественным доказательством при определенных обстоятельствах нельзя произвести повторно. Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что удостоверение факта и обстоятельств обнаружения вещественного доказательства может в последующем иметь значение для доказывания по уголовному делу.

Собирание вещественных доказательств сопровождается такими процессуальными и следственными действиями, как осмотр, выемка, обыск. Невозможность своевременного исследования вещественных доказательств может повлиять на их утрату без возможности их восстановления, на изменение свойств, имеющих значение для дела.

После предварительного осмотра вещественных доказательств, такие предметы и следы должны быть исследованы, и установлена возможность их относимости к преступлению и делу. Осмотр фиксируется в протоколе следственных действий. При этом в ряде случаев такой осмотр может потре-

бовать много времени, либо на месте обнаружения объекта исследования могут отсутствовать условия для его надлежащего осмотра. В этих случаях осмотр осуществляется по месту производства следствия [1, с. 134.].

Собирание вещественных доказательств требует внимательности и ответственности от следователя и дознавателя, а также знания процессуальных основ и современного научно-технического оснащения.

Современные научно-технические средства позволяют с помощью специальных приборов и устройств обнаруживать скрытые следы, оставшиеся на предметах, которые в последующем могут также послужить вещественным доказательством. Также с помощью видеофиксации происходит обследование места события и других объектов, которые в последующем могут потребоваться в качестве доказательства.

Таким образом, собирание вещественных доказательств, статья 86 УПК РФ [4], представляет собой упорядоченный процесс, направленный на получение объектов, которые смогут служить основанием для доказывания в уголовном процессе по уголовному делу. Собирание включает в себя осмотр, обыск и выемку доказательств для последующего исследования и анализа на их соответствие и допустимость по делу. Собирание вещественных доказательств представляет собой сложный процесс, который вбирает в себя разные взаимосвязанные этапы. Уголовно-процессуальный порядок осмотра, обнаружения, обыска и выемки, освидетельствования и получения образцов представляет собой упорядоченные методические действия, которые преследуют цель выявить и изъять для дела материальные объекты, которые в дальнейшем станут вещественными доказательствами.

Литература:

1. Бондарь А. П. Уголовное право России. Общая часть: учебник. — М., 2016. — С. 134.
2. Веденеева Т. А. Уголовно-правовая характеристика фальсификации доказательств: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2011. — С. 9.
3. Костенко Р. В., Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: монография. — М.: Юрлитинформ, 2018. — С. 27.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Основные проблемы и пути совершенствования действующего законодательства в сфере регламентации участия специалиста в процессе раскрытия, расследования и рассмотрения уголовных дел

Булатова Алина Ринатовна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В настоящее время основная проблема в участии специалиста в уголовном процессе обусловлена несколькими факторами. Один из которых — это сложности его уголовно-процессуального статуса и отсутствия в законе его права на отказ от участия в уголовном процессе.

В настоящее время законодательное определение специалиста сформулировано недостаточно четко вследствие отсутствия законодательного определения специальных познаний.

На наш взгляд, имеются противоречия между содержанием части 1 пункта 3 ст. 58 УПК РФ и ст.ст. 61, 70, 71 УПК РФ. Законодатель установил, что при вступлении в процесс судопроизводства специалист может отказаться от приглашения, только если он не обладает нужными для реализации процесса доказывания знаниями.

Однако вступивший в процесс специалист подлежит отводу при выявлении обстоятельств, предусмотренных ст. 61 и 70 УПК РФ.

Кроме того, остро стоит проблемный вопрос о возможности изъятия образцов для сравнительного исследования принудительно.

Общие правила для изъятия образцов для сравнительного исследования и порядок производства этого действия регламентированы ст. 202 УПК РФ.

Законодатель в этой статье четко говорит о том, что следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, а также у свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах.

Отдельно оговаривается, что при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. О получении образцов для сравнительного исследования следователь вы-

носит постановление. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалистов. Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении.

Однако специалист находится в ином процессуальном положении.

Рассмотрим пример из практики.

Определением судьи следователю было отказано в проведении следственного действия по получению образцов для сравнительного исследования.

Это определение кассационная инстанция отменила.

Из материалов дела установлено, что 23 августа 2011 года следователем было вынесено постановление о получении у А. образцов голоса, необходимых для производства судебно-фоноскопической экспертизы.

В протоколе получения образцов голоса указано, что А. отказался от дачи образцов голоса, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ.

Судья же указал, что в соответствии с ч. ч. 1, 3 ст. 202 УПК РФ следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, а также у свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, и составить протокол в соответствии со ст. 166 и ст. 167 УПК РФ, а о получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление, при этом судья дал оценку тому факту, что следователь уже предпринимал попытку произвести процессуальное действие для получения образцов голоса, предусмотренное ст. 202 УПК РФ.

Также судья указал, что следователь не представил доказательств того, что были исчерпаны все указанные в законе способы и методы получения образцов голоса А., поэтому оснований для проведения обыска не имеется. С таким решением судьи судебная коллегия не могла согласиться, так как оно не основано на нормах УПК РФ. Согласно ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в его производстве.

А исходя из ст. 29 УПК РФ, в полномочия суда не входит дача указаний органу предварительного следствия, когда и какие следственные действия необходимо проводить по уголовному делу. В связи с вышеизложенным постановление судьи было отменено, так как судья рассмотрел лишь довод отыскания свободных образцов голоса А., но оставил без рассмотрения довод «отыскания предметов, имеющих значение для расследования данного уголовного дела». При новом рассмотрении судье было рекомендовано проверить изложенные в ходатайстве основания для производства обыска в жилище А. и постановить судебное решение в соответствии с нормами УПК РФ.

Что же касается участия специалиста в этих проверочных действиях, то, в научной литературе выдвигается предложение о корректировке ст. 58 УПК РФ и дополнении ее фразой «для содействия в осуществлении по поручению уполномоченных органов и должностных лиц проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела».

Часть 2 этой же статьи, посвященной вызову специалиста и порядку его участия в уголовном судопроизводстве, необходимо дополнить ссылкой на ст. 144 УПК РФ.

Пункт 1 ч. 3 ст. 58 УПК РФ изложить в следующей редакции: «отказаться от участия в производстве процессуальных действий, в том числе при проверке сообщения о преступлении, если он не обладает соответствующими специальными знаниями».

Необходимо также предусмотреть порядок привлечения специалиста к проведению проверочных действий и закрепить его в соответствующих нормах УПК РФ, связанных с регламентацией деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Думается, что следователь, дознаватель, придя к выводу, что для осуществления проверочных действий необходимо участие специалиста, в своем требовании о проведении документальной проверки, ревизии, исследования предметов, документов и трупов, адресованном соответствующей организации, должен указывать на необходимость осуществления этих проверочных действий специалистом (либо с участием специалиста), работающим в этой организации, с обязательным уведомлением о том, кому поручено производство данных действий, а также дела.

На практике суды признают допустимым принудительное изъятие образцов для сравнительного исследования.

Например, у человека были принудительно изъяты образцы крови.

Суд указал, что указанное действие было произведено на основании постановления следователя от 6 октября 2020 г., с участием обвиняемого и двух понятых, протокол получения образцов для сравнительного исследования подписан всеми участвующими лицами. Сведений о получении образцов для сравнительного исследования методами, опасными для жизни и здоровья или унижающими честь и достоинство обвиняемого, в протоколе нет.

Выводы:

Согласно части 1 статьи 17 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ эксперт сделав вывод, что он один не справиться с экспертизой, может самостоятельно решить вопрос о привлечении к экспертному исследованию экспертов путем направления ходатайства своему руководителю. Это недопустимо с позиции норм УПК РФ, потому что следователь об этом даже в известность не ставится.

Специалисту такое право не предоставлено.

В части изъятия образцов для сравнительного исследования необходимо изменение содержания ст. 202 УПК РФ. Полагаем разумным в ней предусмотреть такое дополнение «По всем делам о половых преступлениях, следователь обязан назначить соответствующую судебную

экспертизу, и обязан изъять образцы для сравнительного исследования с привлечением эксперта соответствующей профессиональной подготовки».

Дополнить ст. 202 УПК РФ пунктом 4 следующего содержания «Допускается принудительное изъятие биологических образцов для сравнительного исследования в отношении подозреваемых и обвиняемых, признанных ограниченно или полностью не дееспособными, а также по всем половым преступлениям, совершенным в отношении несовершеннолетних».

Принудительное изъятие образцов для сравнительного исследования производится с санкции прокурора на основании постановления следователя.

В этом случае изъятие образцов производится медицинским работником, имеющим статус эксперта, при наличии двух понятых».

Кроме того для создания условий заинтересованности обвиняемого и подозреваемого в добровольном предоставлении биологических образцов для сравнительного исследования предусмотреть новое смягчающее вину обстоятельство в перечне обстоятельств, которые имеются в ст. 61 УПК РФ и в ней добавить пунктом «л» следующего содержания «Добровольное предоставление биологических образцов (кровь, моча, сперма, подногтевое содержимое и т.д.) для сравнительного исследования по делам об изнасиловании и другим половым преступлениям».

Ст.64 УК РФ дополнить пунктом «со» следующего содержания: «Отказ от предоставления биологических образцов (кровь, моча, сперма, подногтевое содержимое и т.д.) для сравнительного исследования по делам об изнасиловании и другим половым преступлениям».

Отличие неоконченного преступления от оконченного

Васюренко Валерия Антоновна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена различиям оконченного и неоконченного преступлений в российском уголовном праве. На основе анализа разных подходов и законодательной регламентации определяются критерии отличия (полнота состава, стадии деяния и правила назначения наказания). Формулируется авторское определение неоконченного преступления.

Ключевые слова: оконченное преступление, неоконченное преступление, приготовление, покушение, состав преступления, статья 30 УК РФ, статья 66 УК РФ.

Институт неоконченного преступления занимает выдающееся положение в структуре российского уголовного права. С одной стороны, закрепленная на законодательном уровне ответственность за приготовительные действия и покушение говорит о готовности государства противодействовать преступности на этапах, не ожидая наступления общественно вредных последствий. С другой стороны, этот институт вызывает едва ли не самое большое число споров в науке и сложностей на практике, так как требует правовой оценки незавершенных действий, по самой природе не дающих возможности составить целостной картины преступного посягательства.

Понятие оконченного преступления традиционно раскрывается конструкцией состава, олицетворяющей совокупность объективных и субъективных признаков, определяющих деяние общественно опасным и противоправным.

Е. В. Благов указывает, что преступление признается оконченным в том случае, когда в совершенном деянии содержатся все без исключения элементы состава, предусмотренного конкретной нормой Особенной части УК РФ, момент окончания определяется конструкцией состава, являющейся и материальной, и формальной [5].

Д. М. Королева концентрируется на том, что оконченным следует считать деяние, где полностью реализованы признаки объективной стороны, описанные в дис-

позиции статьи, независимо от наступления вредных последствий, если речь идет о формальном составе, либо при наступлении указанных в законе последствий, когда состав сконструирован материальным [6].

Таким образом, оконченное преступление — деяние, полностью соответствующее законодательной модели состава, предусмотренной конкретной статьей, и не требующее дополнительных условий для признания его завершенным с точки зрения уголовного закона.

Неоконченное преступление — стадия реализации преступного намерения, где лицо не достигает конечного результата, предусмотренного составом конкретного преступления, по причинам, не зависящим от его воли.

А. А. Анисимов, анализируя данный институт, указывает, что неоконченное преступление определяется незавершенностью действий (бездействия), направленных на достижение преступного результата, либо отсутствием самого результата, предусмотренного законом в качестве признака объективной стороны. По мнению этого исследователя, также требуется наличие прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления [3].

Е. С. Байбакова определяет неоконченное преступление умышленным созданием условий или совершение действий, непосредственно направленных на совершение преступления, но не доведенных до конца из-за обстоя-

тельств, не зависящих от воли виновного, указывая, что уголовный закон выделяет две самостоятельные формы такого деяния — приготовление и покушение [4].

Исходя из приведенных мнений, определим, что неоконченное преступление не содержит всех признаков состава, предусмотренного статьей Особенной части, поэтому для его квалификации требуется ссылка на статью 30 УК РФ.

Таким образом, неоконченное преступление всегда определяется недоведением до конца либо действий, либо наступления последствий, отличая его от оконченного преступления, где элементы состава полностью реализованы и не требуют дополнительной квалификации.

Уголовный кодекс Российской Федерации [1] достаточно конкретно регламентирует рассматриваемый вопрос, устанавливая легальные определения обоих понятий в статье 29 и детализируя виды неоконченного преступления в статье 30, законодатель исходит из материальной и формальной конструкций состава, определяя момент окончания деяния.

В ч.1 статьи 29 УК РФ указано, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Ч. 2 этой же статьи устанавливает, что неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление, уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье Особенной части, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, но со ссылкой на статью 30 УК РФ.

Статья 30 УК РФ раскрывает содержание приготовления приисканием, изготовлением или приспособлением средств или орудий совершения преступления, приисканием соучастников, сговором на совершение преступления либо иное умышленным созданием условий для совершения преступления, если преступление не доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Ч. 2 статьи 30 УК РФ содержит положение о том, что уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлениям, ограничивая круг деяний, подлежащих наказанию на данной стадии.

Покушением на преступление признаются умышленные действия или бездействие лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, выделяя момент начала выполнения объективной стороны.

Также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 года № 40 [2] содержит разъяснения, касающиеся применения правил назначения наказания при совершении неоконченных преступлений. В п. 34 данного постановления указано, что при применении статей 62, 65 и 68 УК РФ в случае совершения неоконченного преступления указанная в этих нормах часть наказания исчисляется от срока или размера наказания, назначаемых по правилам статьи 66 УК

РФ. Данное разъяснение ориентирует суды на последовательное применение сначала правил, установленных для неоконченного преступления, и только затем — общих правил смягчения или усиления наказания, отражая особую законодательную конструкцию ответственности за незавершенное преступление. В п. 48 постановления также отмечается, что при любом виде рецидива преступлений срок наказания за неоконченное преступление бывает ниже низшего предела строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, если в результате применения правил статьи 66 УК РФ верхний предел наказания совпадает с нижним пределом или оказывается менее строгим.

Исходя из этого, выявлено, что Пленум рассматривает неоконченное преступление деянием с меньшей степенью общественной опасности. Таким образом, судебная практика дифференцирует подход к определению наказания за оконченные и неоконченные преступления.

Анализ приведенных теоретических положений и нормативных источников дает возможность сделать вывод о том, что главное отличие оконченного и неоконченного преступления заключается в полноте реализации объективной стороны состава, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК РФ. Оконченное преступление определяется наличием всех элементов состава в том виде, в каком они описаны в законе (влекая квалификацию по статье Особенной части без дополнительных ссылок на статью 30 УК РФ). А неоконченное преступление всегда связано с отсутствием хотя бы одного признака состава.

Таким образом, неоконченное преступление — умышленное общественно опасное деяние, выразившееся в создании условий для совершения преступления либо в совершении действий (бездействия), непосредственно направленных на реализацию состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но не завершенное по независящим от виновного обстоятельствам. Исходя из этого, критерии отличия неоконченного преступления от оконченного представим в виде следующих положений:

- отсутствие в содеянном всех признаков состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ;
- наличие стадии приготовления или покушения, не доведенных до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного;
- неукоснительность прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления, при отсутствии которого деяние не признается неоконченным;
- потребность квалификации по статье Особенной части со ссылкой на статью 30 УК РФ;
- применение специальных правил назначения наказания, предусмотренных статьями 66 УК РФ, снижающих пределы ответственности по сравнению с оконченным преступлением;
- ограничение уголовной ответственности за приготовление только тяжкими и особо тяжкими преступлениями, а покушение наказуемо во всех случаях.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в редакции от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 40 // Российская газета. — 2026. — 16 января. — № 7.
3. Анисимов, А. А. Современные концепции уголовной ответственности за неоконченное преступление / А. А. Анисимов // Закон и власть. — 2026. — № 7. — С. 303–306.
4. Байбакова, Е. С. Неоконченное преступление: проблемы теории и практики / Е. С. Байбакова // Развитие науки и образования: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам XXV Международной научно-практической конференции, Анапа, 24 апреля 2026 года. — Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2026. — С. 103–112.
5. Благов, Е. В. О понятии оконченного преступления / Е. В. Благов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — С. 175–182.
6. Королева, Д. М. Разграничение оконченного и неоконченного преступления в теории и судебной практике / Д. М. Королева // Наукосфера. — 2026. — № 1–1. — С. 316–321.

Назначение наказания при неоконченном преступлении в соучастии

Васюренко Валерия Антоновна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена проблеме назначения наказания при неоконченном преступлении в соучастии. Анализируются доктринальные подходы к определению стадии и пределов наказания для соучастников, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 59. Формулируются критерии, обеспечивающие дифференциацию ответственности с учётом роли каждого участника и обстоятельств прерывания преступления.

Ключевые слова: неоконченное преступление, соучастие, назначение наказания, статья 66 УК РФ, судебная практика, соучастники, пределы наказания.

Назначение наказания при неоконченном преступлении в соучастии — проблема, требующая одновременного учета двух разнонаправленных направлений: законодательной регламентации ответственности за неоконченную преступную деятельность; специальных правил ответственности соучастников. Вопрос о том, как именно следует исчислять срок или размер наказания для организатора, подстрекателя или пособника, если исполнитель не довел преступление до конца по независящим от него обстоятельствам, вызывает оживленные споры в доктрине и требует обращения к разъяснениям высшей судебной инстанции.

Сущность проблемы заключается в том, что статья 66 УК РФ [1] устанавливает пределы наказания только за приготовление и покушение, но не содержит конкретного указания на характерные черты применения этих пределов к соучастникам, чья роль в преступлении бывает разной.

Т. В. Вражкина, Д. В. Яковлев и Ю. В. Еременко отстаивают позицию, согласно которой при назначении наказания соучастникам неоконченного преступления требуется учитывать выполненную каждым из них роль

в реализации совместного преступного умысла. Исследователи указывают, что пределам, установленным статьей 66 УК РФ, следует применяться к каждому соучастнику самостоятельно, независимо от того, удалось ли исполнителю достичь преступного результата или нет, так как степень реализации умысла у каждого соучастника бывает разной. Но если действия соучастника направлены на содействие исполнителю, уже совершившего требуемые действия для наступления результата, но результат не наступил по независящим причинам, то содеянное таким соучастником следует квалифицировать покушением на преступление (влечет применение трехчетвертного предела наказания) [3].

Р. А. Эфрикян и Н. В. Голубихина придерживаются несколько иного подхода, концентрируясь на потребности разграничения стадий неоконченного преступления применительно к каждому соучастнику. Если организатор, подстрекатель или пособник выполнили все действия, требовавшиеся от них для создания условий совершения преступления, но исполнитель только начал совершение объективной стороны, то содеянное этими соучастниками следует считать приготовлением, а не покушением,

даже если исполнитель уже предпринял конкретные шаги к достижению результата [6].

Соучастники, в отличие от исполнителя, не контролируют дальнейшее развитие событий, и их вклад в преступление завершается в момент выполнения ими функций, поэтому стадия неоконченного преступления для них определяется моментом окончания их собственных действий.

Н. А. Гасимова полагает, что если исполнитель совершил действия, направленные непосредственно на достижение преступного результата, то есть начал покушение, то все соучастники, оказывавшие ему содействие, должны нести ответственность за покушение на преступление, так как их действия связаны с действиями исполнителя и содействовали возникновению непосредственной опасности для охраняемых общественных отношений. Разрыв объединенного преступного акта в оценке разных соучастников противоречит принципу справедливости, так как приводит к назначению непропорционально мягких наказаний лицам, чей вклад в создание опасной ситуации оказался значимым [4].

Судебная практика по данному вопросу (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 59 [2]) дает конкретные ориентиры, применяемые при назначении наказания в рассматриваемых случаях. Так, Верховный Суд разъясняет, что при наличии оснований, предусмотренных статьями 68 УК РФ, то есть при рецидиве преступлений, одна треть максимального срока наиболее строгого вида наказания, берущаяся за основу для исчисления наказания, должна определяться либо от максимального срока, предусмотренного санкцией за оконченное преступление, либо от максимального срока, назначаемого с учетом положений статьи 66 УК РФ за неоконченное преступление.

Другое разъяснение в том же постановлении касается ситуации, когда лицо совершило несколько неоконченных преступлений, и суд назначает наказание по совокупности преступлений в соответствии со статьями 69 УК РФ. Верховный Суд указывает, что вначале следует с учетом требований части 5 статьи 62 УК РФ определить максимальный срок или размер наказания, назначаемый в связи с рассмотрением дела в особом порядке за каждое из совершенных преступлений, а затем назначить окончательное наказание, размер которого определяется исходя из срока или размера наказания за наиболее тяжкое из совершенных преступлений без учета положений части 5 статьи 62 УК РФ. Также следует иметь в виду, что за каждое из совершенных преступлений наказание должно быть назначено с применением правил статьи 62 УК РФ, и если лицо совершило несколько неоконченных преступлений, то за каждое из них наказание назначается в соответствии со статьями 66 и частью 5 статьи 62 УК РФ, а наказание по совокупности не превышает больше, чем наполовину максимальный срок или размер наказания, назначаемого за наиболее тяжкое из совершенных неоконченных преступлений по правилам статьи 66 УК РФ.

Анализируя взаимодействие статьи 66 УК РФ и общих правил назначения наказания при соучастии, нельзя не

отметить, что закон не устанавливает каких-либо специальных ограничений для соучастников в отличие от исполнителя, но это не означает, что пределы, предусмотренные для приготовления и покушения, автоматически распространяются на всех участников преступления в одинаковом объеме.

Практика исходит из того, что если соучастник выполнил все действия, которые считал требуемыми для достижения преступного результата, но результат не наступил по причинам, не зависящим от него, то его действия должны квалифицироваться покушением, так как он совершил все, что зависело от него, и тем самым создал реальную угрозу причинения вреда охраняемым интересам. В случае же, когда соучастник только создал условия для совершения преступления, но не оказал непосредственного влияния на развитие событий, его действия надлежит рассматривать приготовлением.

Для правильного определения стадии неоконченного преступления применительно к каждому соучастнику требуется учитывать момент, когда преступная деятельность конкретного лица прервана или когда она завершилась в рамках выполнения отведенной ему роли. Организатор, разработавший план преступления, распределивший роли среди участников и обеспечивший условия для его совершения, но не принимавший непосредственного участия в выполнении объективной стороны, завершает действия еще до того, как исполнитель приступает к непосредственному совершению преступления, поэтому его деятельность чаще всего квалифицируется приготовлением к преступлению.

В то же время подстрекатель, склонивший другое лицо к совершению преступления, и пособник, предоставивший средства или устроивший препятствия, признаются совершившими покушение, если их действия содействовали началу выполнения объективной стороны исполнителем.

В доктрине также обсуждается вопрос о том, как следует учитывать личность виновного и обстоятельства, в силу которых преступление не доведено до конца, применительно к соучастникам. Статья 66 УК РФ предписывает учитывать обстоятельства, в силу которых преступление не доведено до конца, означая потребность установить, зависели ли эти обстоятельства от воли соучастника или нет, и насколько добровольно он отказался от продолжения преступной деятельности. Если неоконченное преступление прервано в результате действий самого соучастника (если он добровольно отказался от дальнейшего участия в преступлении), то наказание должно быть назначено с учетом этого обстоятельства, и в некоторых случаях возможно даже освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к соответствующей статье. В случае же, когда преступление прервано по независящим от соучастника обстоятельствам (когда исполнитель задержан сотрудниками полиции или сам отказался довести преступление до конца и т. д.) наказанию следует быть назначенным в пределах, установленных статьей 66 УК РФ [5].

Таким образом, назначение наказания при неоконченном преступлении в соучастии — процесс, требующий учета множества обстоятельств, охватывая стадию неоконченного преступления для каждого соучастника, его роль, характер и степень участия, обстоятельства, в силу которых преступление не доведено до конца. Судебная практика выработала объединенный подход к применению пределов, установленных статьей 66 УК РФ, обеспечивая возможность «эластичного» использования этих пределов в зависимости от конкретных обстоятельств дела и роли каждого соучастника.

Исходя из всего изложенного. Следует выделить, правила назначения наказания за неоконченное преступление в соучастии основаны на сочетании принципа единства ответственности за совместное преступление

и принципа дифференциации ответственности в зависимости от роли каждого соучастника, а критериями назначения наказания в таких случаях являются:

- установление выполненной каждым соучастником роли и степени реализации его умысла;
- определение стадии неоконченного преступления применительно к каждому участнику (приготовление или покушение);
- применение пределов наказания, предусмотренных статьей 66 УК РФ, с учетом характера и степени участия лица;
- учет обстоятельств, в силу которых преступление не доведено до конца;
- соблюдение правил исчисления наказания при рецидиве и совокупности преступлений, исключающих двойное применение ограничений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в редакции от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 // Российская газета. — 2015. — 29 декабря. — № 295.
3. Вражкина, Т. В. Пределы уголовной ответственности при назначении наказания за неоконченное преступление / Т. В. Вражкина, Д. В. Яковлев, Ю. В. Еременко // Молодежь и кооперация: Сборник статей и тезисов докладов по итогам Всероссийского научно-образовательного фестиваля студенческих научных обществ (СНО) образовательных организаций Российской Федерации, Чебоксары, 18–20 сентября 2024 года. — Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. — С. 409–413.
4. Гасимова, Н. А. Проблемы назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии / Н. А. Гасимова // Lex criminalis scientiarum. — 2026. — С. 88–94.
5. Килимбаев, Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Килимбаев Роман Валерьевич. — Рязань, 2021. — 187 с.
6. Эфрикян, Р. А. Некоторые вопросы назначения наказаний в российском уголовном праве: вопросы теории и практики / Р. А. Эфрикян, Н. В. Голубихина // Современная научная мысль. — 2025. — № 6. — С. 275–280.

Взаимодействие статьи 66 Уголовного кодекса Российской Федерации с другими нормами о назначении наказания

Васюренко Валерия Антоновна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена анализу правил назначения наказания за неоконченные преступления (приготовление и покушение) в соотношении с иными уголовно-правовыми нормами (статьи 62, 64, 65, 68, 69 УК РФ). Рассматривается приоритет специальной нормы, исчисление долей наказания от пониженного максимума, дифференциация ответственности соучастников, позиции Пленума Верховного Суда. Предлагаются принципы применения статьи 66 УК РФ.

Ключевые слова: статья 66 УК РФ, неоконченное преступление, назначение наказания, покушение, приготовление, рецидив, соучастие.

Ст. 66 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает специальные правила определения меры ответственности для случаев, когда преступная деятельность лица не доведена до конца по независящим от него обстоятельствам.

Взаимодействие ст. 66 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] с другими нормами о назначении наказания можно проследить на примере ее соотношения с положениями ст. 62 Уголовного кодекса РФ, регулирующей смягчение наказания при наличии определенных

обстоятельств (явка с повинной, инициативное содействие раскрытию преступления или рассмотрение дела в особом порядке).

Согласно разъяснениям Верховного Суда [2], если лицо совершило неоконченное преступление и одновременно имеются основания для применения ст. 62 УК РФ, то правила данной ст. применяются после того, как будут соблюдены ограничения, установленные статьей 66 УК РФ. Суд первоначально определяет максимальный предел наказания с учетом неоконченности деяния, сокращая его до половины или трех четвертей от санкции за оконченное преступление, а затем уже от этой пониженной величины исчисляет соответствующие доли, предусмотренные статьей 62 УК РФ (две трети при особом порядке судебного разбирательства и т. д.). Такая последовательность обеспечивает соблюдение принципа иерархии норм, где специальное правило о неоконченных преступлениях имеет приоритет перед общими правилами смягчения, и предоставляет возможность избежать двойного снижения наказания без учета характерных черт незавершенного деяния. В случае если применение ст. 66 УК РФ приводит к тому, что наказание оказывается менее строгим, чем минимальная мера, предусмотренная санкцией ст. 62 УК РФ за оконченное преступление, то ссылка на ст. 64 УК РФ, допускающую назначение более мягкого наказания, не требуется, так как закон уже учитывает эту ситуацию в самой конструкции ст. 66 УК РФ.

Другим значимым компонентом является взаимодействие ст. 66 УК РФ с положениями ст. 68 УК РФ, устанавливающей правила назначения наказания при рецидиве преступлений. В данной ситуации ст. 68 УК РФ предусматривает, что при рецидиве срок наказания не бывает менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление, но это правило применяется с учетом характерных черт неоконченного деяния. Если лицо совершило покушение или приготовление при наличии рецидива, то суд обязан первоначально применить положения ст. 66, определив максимальный предел наказания за неоконченное преступление, и только затем исчислять одну треть от этого уже пониженного предела. При покушении максимальный срок сокращается до трех четвертей от санкции, а затем от полученной величины берется одна треть, являющаяся нижней границей наказания при рецидиве, причем данная граница имеет возможность оказаться ниже низшего предела, предусмотренного санкцией за оконченное преступление (допускается законом в силу характерных черт незавершенного деяния) [5].

Пленум Верховного Суда указывает [3], что при любом виде рецидива срок наказания за неоконченное преступление бывает ниже низшего предела наиболее строгого вида наказания, если в результате применения правил ст. 66 УК РФ верхний предел совпадает с низшим или оказывается менее строгим, говоря об «эластичности» и адаптивности уголовного закона к оценке неоконченных деяний. Также следует отметить, что при совокупности

преступлений, когда лицо совершает несколько неоконченных деяний, суд применяет ст. 69 УК РФ, но с учетом ограничений ст. 66 для каждого преступления в отдельности, окончательное наказание не имеет возможности быть превышенным больше, чем наполовину максимального срока, назначаемого за наиболее тяжкое из неоконченных преступлений с учетом правил ст. 66 УК РФ.

Особую значимость имеет взаимодействие ст. 66 УК РФ с положениями ст. 65 УК РФ. В данном случае, если присяжные признают подсудимого заслуживающим снисхождения, срок или размер наказания не превысит двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. Но если преступление является неоконченным, то суд обязан первоначально применить ст. 66 УК РФ, то есть сократить максимальный предел наказания до половины или трех четвертей от санкции за оконченное деяние, и только затем исчислить две трети от полученной величины [6].

Такая последовательность объясняется тем, что ст. 66 УК РФ является специальной нормой, имеющей приоритет перед общими правилами, установленными для случаев снисхождения (подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда от 23 декабря 2025 года, где указано, что при применении статей 62, 65 и 68 УК РФ в случае совершения неоконченного преступления часть наказания, указанная в этих нормах, исчисляется от срока или размера наказания, назначаемые по правилам ст. 66) УК РФ.

Анализ взаимодействия ст. 66 Уголовного кодекса с нормами о соучастии требует отдельного рассмотрения, так как закон не устанавливает специальных ограничений для соучастников в отличие от исполнителя, но это не означает, что пределы, предусмотренные для приготовления и покушения, автоматически распространяются на всех участников преступления в одинаковом объеме.

Практика исходит из того, что если соучастник выполнил все действия, которые считал целесообразными для достижения преступного результата, но результат не наступил по причинам, не зависящим от него, то его действия должны квалифицироваться покушением, так как он совершил все, что зависело от него, и тем самым создал реальную угрозу причинения вреда охраняемым интересам. В случае же, когда соучастник только создал условия для совершения преступления, но не оказал непосредственного влияния на развитие событий, его действия надлежит рассматривать приготовлением, влеча применение ограничений, предусмотренных частью 2 ст. 66 УК РФ [4]. Для правильного определения стадии неоконченного преступления применительно к каждому соучастнику требуется учитывать момент, когда преступная деятельность конкретного лица прервана или когда она завершилась в рамках выполнения отведенной ему роли (значимо при оценке действий организатора, разработавшего план преступления и распределил роли, но не принимавшего непосредственного участия в выполнении объективной стороны).

В такой ситуации деятельность организатора чаще всего квалифицируется приготовлением, так как он завершает действия еще до того, как исполнитель приступает к непосредственному совершению преступления, и поэтому наказание ему назначается с учетом ограничений, установленных частью 2 ст. 66 УК РФ. В то же время подстрекатель, склонивший другое лицо к совершению преступления, и пособник, предоставивший средства или устранивший препятствия, признаются совершившими покушение, если их действия содействовали началу выполнения объективной стороны исполнителем, привлекая применение более мягкого, но все же ограниченного предела, установленного частью 3 ст. 66 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 года № 59 [3] содержит конкретные ориентиры, применяемые при назначении наказания в рассматриваемых случаях, и разъясняет, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 68 УК РФ, то есть при рецидиве преступлений, одна треть максимального срока наиболее строгого вида наказания, берущаяся за основу для исчисления наказания, должна определяться либо от максимального срока, предусмотренного санкцией за оконченное преступление, либо от максимального срока, назначаемого с учетом положений ст. 66 за неоконченное преступление.

В Постановлении Пленума Верховного Суда от 23 декабря 2025 года № 40 [2] в пункте 34 указано, что при применении статей 62, 65 и 68 УК РФ в случае совершения неоконченного преступления указанная в этих нормах часть наказания исчисляется от срока или размера наказания, назначаемых по правилам ст. 66 УК РФ.

В пункте 48 постановления также отмечается, что при любом виде рецидива преступлений срок наказания за неоконченное преступление будет ниже низшего предела наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией, соответствующей статьи Особенной части УК РФ, если в результате применения правил ст. 66 верхний предел наказания совпадает с нижним пределом или оказывается менее строгим.

Таким образом, в ходе исследования выделены следующие компоненты взаимодействия ст. 66 УК РФ с другими нормами о назначении наказания:

- приоритетное применение правил ст. 66 перед статьями 62, 65 и 68 Уголовного кодекса;
- исчисление долей наказания от пониженного максимума, установленного статьей 66;
- допустимость назначения наказания ниже низшего предела санкции без ссылки на ст. 64;
- учет неоконченности при рецидиве, снисхождении и особом порядке судебного разбирательства;
- невозможность применения смертной казни и пожизненного лишения свободы за неоконченные деяния;
- дифференциация ответственности соучастников в зависимости от стадии их действий;
- поэтапное определение наказания при совокупности неоконченных преступлений;
- учет обстоятельств, в силу которых преступление не доведено до конца, при индивидуализации ответственности;
- соблюдение установленных пределов при любом сочетании с другими нормами о назначении наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в редакции от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 40 // Российская газета. — 2026. — 16 января. — № 7.
3. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 // Российская газета. — 2015. — 29 декабря. — № 295.
4. Саркисов, В. Как правильно рассчитывается наказание при смягчающих обстоятельствах: ВС разъяснил два важных для практики вопроса применения ч. 1 ст. 62 УК РФ / В. Саркисов // Адвокатская газета. — 2023. — 15 февраля. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-pravilno-rasschityvaetsya-nakazanie-pri-smyagchayushchikh-obstoyatelstvakh/> (дата обращения: 06.10.2026).
5. Хромов, Е. В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ: постатейный / Е. В. Хромов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: КонсультантПлюс, 2025. — Гл. 6. Неоконченное преступление. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2026).
6. Неоконченное преступление. Глава 6 УК РФ с комментариями // ukodeksrf.ru: неофициальный информационно-образовательный сайт. — URL: <https://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-6> (дата обращения: 06.10.2026).

Проблемы квалификации деяния как неоконченного преступления

Васюренко Валерия Антоновна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена проблемам квалификации неоконченных преступлений в уголовном праве России. Автор анализирует трудности правоприменения, возникающие из-за абстрактности норм статей 29 и 30 УК РФ. В работе выявлены типичные ошибки (необоснованное признание приготовления покушением, избыточная квалификация деяний и размытость границ с добровольным отказом). Отмечается отсутствие в законе легального определения неоконченного преступления, порождающее субъективное усмотрение судов.

Ключевые слова: неоконченное преступление, квалификация преступлений, приготовление к преступлению, покушение на преступление, уголовный закон, правоприменительная практика, совершенствование законодательства.

Как известно, поступление следует считать оконченным в том случае, если в деянии, совершенном лицом, имеются все признаки состава преступления, предусмотренные положениями УК РФ. Из этого законодательного определения следует вывод, что юридический момент окончания преступления зависит от характеристик законодательной конструкции его объективной стороны. Для того, чтобы в содеянном признать наличие определенных признаков неоконченного преступления, следует решить вопрос о том, каким образом законодателем регулируются параметры того или иного деяния в самом тексте УК РФ. Другими словами, правильная квалификация неоконченного преступления зависит во многом от законодателя, то есть от того, с какой степенью конкретизации законодателем закреплено конкретное общественно опасное деяние.

Весомыми проблемами квалификации преступных деяний считаются проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой неоконченных преступлений в уголовном праве Российской Федерации. Такое положение определено характерными чертами изложения самого нормативного материала, на практике воспринимаемого далеко не идеально. В правоприменительной практике встречаются ошибки в квалификации действий виновных в неоконченных преступлениях, в разграничении неоконченного преступления и добровольного отказа от доведения преступления до конца. В связи с этим подробный анализ проблем квалификации деяния неоконченным преступлением вызывает интерес [4].

Анализ научной литературы предоставляет возможность выявить ряд проблем в квалификации неоконченных преступлений, носящих и теоретический, и сугубо практический характер.

Существующая нормативная база не обеспечивает должной определенности, порождая ошибки в правоприменительной деятельности. Так, А. Г. Байсугурова концентрируется на отсутствии единообразных критериев для разграничения стадий совершения преступления, приводящем к необоснованному признанию приготовления покушением или к двойной квалификации деяния. Также исследователь указывает на типичную ситуацию, когда действия, объективно образующие только приготовление, ошибочно квалифицируются покушением [2].

Приведенная ситуация происходит из-за размытости границы создания условий для совершения преступления и непосредственного посягательства на объект. Встречаются и грубые ошибки, приводящие к избыточной квалификации, по мнению этого исследователя, когда одни и те же действия лица одновременно подводятся под признаки и приготовления, и покушения. Усложнения определены отсутствием в правоприменении критериев для разграничения и видов неоконченного преступления между собой, и для проведения границы с добровольным отказом или оконченным преступлением, создающих почву для судебных ошибок и нарушения принципа справедливости.

М. К. Деева рассматривает проблему с позиции момента начала воздействия на объект уголовно-правовой охраны, указывая на потребность подробного исследования процесса покушения. Также автором сосредотачивается внимание на ситуации, когда при покушении объект уголовно-правовой охраны начинает претерпевать негативные изменения, но итоговый вред ему не причиняется. Возможный путь решения, предлагаемый исследователем, заключается в концентрации на процессе покушения и его последствиях для объекта охраны [3].

Исходя из изложенного, определено, что действующая редакция статей 29 и 30 УК РФ страдает от излишней абстрактности. Легальное определение приготовления и покушения, данное в законе, не содержит конкретных временных или содержательных критериев, дающих возможность отличить одну стадию от другой, порождая ситуацию, когда правоприменитель вынужден руководствоваться субъективным усмотрением, неизбежно приводя к разному в практике. Проблема также усиливается тем, что отсутствие законодательной конкретизации не сформирует устойчивую судебную позицию по данному вопросу.

В некоторых исследованиях также прослеживается проблема соотношения неоконченного преступления с его общественной опасностью. Так, А. Г. Байсугурова и М.К. Деева не рассматривают вопрос о наказуемости приготовления, но логика их рассуждений подводит к выводу о том, что критерии опасности деяния также не формализованы. Исходя из этого, суды по-разному оценивают степень угрозы, исходящей от приготовительных

действий, влияя на квалификацию и, как следствие, на размер наказания.

В ходе исследования приведенных и многих других позиции по анализируемому вопросу, выявлено, что в уголовном законе нет конкретного легального определения понятия неоконченного преступления, которое бы предоставило возможность единообразно квалифицировать деяния, не доведенные до конца [4]. Выделенная проблема следует из анализа статей 29 и 30 УК РФ, где законодатель ограничился только перечислением видов неоконченного преступления, не раскрыв его сущностные признаки.

Правоприменитель вынужден самостоятельно определять границы приготовления и покушения, неоконченного преступления и оконченного деяния. На практике это выражается в ситуациях, когда действия, являющиеся приготовлением, ошибочно признаются покушением, влеча неправильную квалификацию и назначение строго наказания.

Представляется, что для решения этой проблемы следует внести изменения в статью 29 УК РФ, дополнив её законодательным определением понятия неоконченного преступления, связующим воедино все его признаки и предоставило возможность отграничить его от оконченного преступления.

Так, предлагается следующая редакция части 2 статьи 29 УК РФ: «2. Неоконченным преступлением признается умышленное деяние, не доведенное до конца по не зависящим от лица обстоятельствам и выразившееся в приготовлении к преступлению или в покушении на преступление, в деянии лица отсутствуют все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Предлагаемая формулировка даст возможность судам подробнее и конкретнее определять момент окончания преступления и, соответственно, отграничивать его от неоконченных деяний.

Также в ходе исследования выявлено, что типичной является ситуация, когда действия, образующие объективно только приготовление, необоснованно признаются покушением. В статье 30 УК РФ законодатель использует оценочные категории («непосредственно направленные на совершение преступления»), не раскрывающие содержательного отличия создания условий и начала посягатель-

ства. Описываемая неопределенность порождает ошибки в правоприменении, приводящие к необоснованному усилению ответственности.

Для решения этой проблемы, полагаем, требуется конкретизировать понятие покушения, указав в законе на такой его признак, как начало выполнения объективной стороны состава преступления, создающее непосредственную угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Предлагается изложить часть 3 статьи 30 УК РФ в следующей редакции: «3. Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на выполнение объективной стороны состава преступления и создающие непосредственную угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, если преступление не доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

Разработанное уточнение отграничит покушение от приготовления, так как для приготовления характерно создание условий, а для покушения — начало выполнения объективной стороны; устранил ошибки, связанные с избыточной квалификацией, когда одни и те же действия подводятся под признаки и приготовления, и покушения. Правоприменитель получит критерий, основанный на степени реализации преступного умысла.

Таким образом, в ходе исследования выявлены следующие проблемы и предложены пути их решения:

1) отсутствие в уголовном законе конкретного легального определения неоконченного преступления.

Для решения данной проблемы предлагается дополнить статью 29 УК РФ законодательным определением, связывающим все признаки неоконченного преступления и предоставит возможность отграничить его от оконченного деяния.

2) отсутствие критериев разграничения приготовления и покушения.

Путем решения данной проблемы видится конкретизация понятия покушения с указанием на начало выполнения объективной стороны состава, создающее непосредственную угрозу причинения вреда охраняемому объекту.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в редакции от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Байсугурова, А. Г. Проблемы квалификации неоконченного и оконченного преступления / А. Г. Байсугурова // Вестник науки. — 2026. — С. 126–134.
3. Деева, М. К. Неоконченное преступление: перспективы решения проблем квалификации / М. К. Деева // Научный диалог: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2024 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. — С. 82–87.
4. Дзуцев, А. Ю. Проблемы квалификации неоконченных преступлений / А. Ю. Дзуцев, М. М. Галачиева // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей. — Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), ИП Цопанова А. Ю., 2024. — С. 126–130.

Коллизия экологических и санитарно-эпидемиологических составов административных правонарушений: практика квалификации и проект примечания к главе 8 КоАП РФ

Выгузова Валентина Викторовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется проблема коллизии составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ (несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами). На основе анализа нормативных источников, доктринальных публикаций и правоприменительной практики, включая дело Оренбургского областного суда № 21–27/2024, показано, что формальное разграничение составов по отраслевому признаку не устранило их фактического совпадения по объективной стороне. Выявлено отсутствие единообразной судебной практики на уровне Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных судов, что создаёт риск произвольной квалификации в зависимости от ведомственной принадлежности проверяющего органа. Обоснованы авторские критерии разграничения составов и предложен проект примечания к главе 8 КоАП РФ.

До 17 июня 2019 года ст. 8.2 КоАП РФ [1] являлась единой нормой, устанавливавшей ответственность за несоблюдение как экологических, так и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления. Федеральный закон от 17.06.2019 № 141-ФЗ [5] изменил структуру ответственности, разделив единый состав на три самостоятельных: ст. 8.2 (экологические требования), ст. 6.35 (санитарно-эпидемиологические требования) и ст. 8.2.3 (отходы животноводства).

Законодатель исходил из формальной логики разграничения по отраслевому признаку регулирующего законодательства: ст. 8.2 охраняет общественные отношения в области охраны окружающей среды и отсылает к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» [2] и Федеральному закону «Об отходах производства и потребления» [3], тогда как ст. 6.35 охраняет общественные отношения в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и отсылает к Федеральному закону «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4] и санитарным правилам (СанПиН).

Однако диспозиции обеих статей описывают одни и те же действия: сбор, накопление, транспортирование, обработку, утилизацию или обезвреживание отходов производства и потребления. Такое тождество объективной стороны при формальном различии объекта и создаёт классическую коллизию конкурирующих составов.

Ключевая причина коллизии — пересечение целей и сфер действия базовых законов. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» (ст. 1) определяет свою цель как «предотвращение вредного воздействия отходов... на здоровье человека и окружающую среду», а Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 22) требует, чтобы обращение с отходами было безопасным «для здоровья населения и среды обитания».

Как видно, оба закона включают в предмет регулирования охрану здоровья человека (населения) и окру-

жающей среды (среды обитания). Поэтому одно и то же деяние — например, размещение отходов с нарушением установленных правил — может быть квалифицировано как по ст. 8.2, так и по ст. 6.35 КоАП РФ, в зависимости от того, какой закон административный орган сочтёт нарушенным.

В российской правовой доктрине проблемы коллизий административно-деликтных норм в сфере охраны окружающей среды отмечаются, но целостного исследования конкуренции ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ не проводилось.

Е. В. Евсикова и Г. А. Петросян констатируют, что «административно-деликтный инструментарий не всегда эффективно используется правоприменителем, в том числе в силу коллизий и пробелов в административно-деликтном законодательстве» [6, с. 267]. Д. Г. Домрачев указывает на «ряд специфических проблем, связанных как с процедурой осуществления проверок, так и с непосредственным рассмотрением административных дел» [7, с. 52]. В. А. Власов обращает внимание на то, что изменения законодательства «либо создают новые трудности с дифференциацией, либо создают реальные коллизии между нормами».

Эмпирическая база формировалась путём целевого поиска судебных актов по всем инстанциям (Верховный Суд РФ, кассационные и апелляционные суды) с использованием поиска по сферам administrative и business, а также дополнительного поиска по ключевым словам, связанным с переквалификацией и разграничением составов ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ.

Отсутствие правовых позиций высших и вышестоящих судов по вопросу разграничения конкурирующих составов свидетельствует о правовой неопределённости и создаёт риск произвольной квалификации.

Постановлением государственного инспектора Росприроднадзора от 4 августа 2023 года МУП «Водоканализационное хозяйство г. Бузулука» было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.2 КоАП РФ со штрафом 100 000 рублей, поскольку проверка выявила

Таблица 1. Результаты поиска правовых позиций по разграничению ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ

Инстанция	Результат
Верховный Суд РФ	Судебные акты, содержащие прямые критерии разграничения ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ, не обнаружены
Кассационные суды	Судебные акты по вопросу разграничения ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ не обнаружены
Апелляционные суды	Судебные акты по вопросу разграничения не обнаружены

нарушения требований к обращению с отходами производства и потребления [8].

Примечательно, что в решении Оренбургского областного суда вопрос о возможной квалификации деяния по ст. 6.35 КоАП РФ вообще не обсуждается, хотя объективная сторона допущенного правонарушения подпадает под диспозиции обеих статей. Выбор состава оказался предопределён ведомственной принадлежностью проверяющего органа (Росприроднадзор, а не Роспотребнадзор), а не объективными признаками правонарушения.

Это дело — репрезентативный пример ведомственно-обусловленной квалификации: суд не даёт оценки конкуренции норм и не проверяет обоснованность выбора административным органом конкретного состава.

Показательно постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25.02.2019 № 4а-611/18: суд признал недопустимой перекалфикацию со ст. 8.2 на ст. 8.41 КоАП РФ ввиду различия родовых объектов и прекратил производство за отсутствием состава [9]. Эта логика применима и к соотношению ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ: перекалфикация между ними может быть признана недопустимой, а значит, судьба дела зависит от изначально правильного выбора состава ещё на стадии возбуждения.

В деле № 5–1/2025 Рубцовского городского суда (10.01.2025) ООО «Управляющая компания «Легион» привлечено по ч. 1 ст. 6.35 КоАП РФ по результатам прокурорской проверки соблюдения санитарного законодательства [10]. Здесь виден альтернативный путь квалификации: прокуратура выявила нарушение санитарных правил (СанПиН), и дело попало в суд по ст. 6.35, а не в Росприроднадзор по ст. 8.2.

Аналогично в деле № 5–22/2022 Гагаринского районного суда г. Москвы (07.02.2022) ТСН (Ж) «Шишкин Лес-2» привлечено по ч. 1 ст. 6.35 КоАП РФ за сброс сточных вод, не соответствующих СанПиН 1.2.3685–21: приоритет квалификации по ст. 6.35 возник потому, что проверку проводил Роспотребнадзор [11].

Иными словами, на практике выбор между ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ определяется не столько объективными признаками состава, сколько тем, какой орган проводил проверку — Росприроднадзор или Роспотребнадзор. Это ведомственно-обусловленная, а не юридическая квалификация.

На основе анализа нормативных источников, доктрины и правоприменительной практики предлагается система критериев разграничения.

Основным критерием разграничения должен служить родовой объект административного правонарушения.

По ст. 8.2 КоАП РФ объектом выступают общественные отношения в области охраны окружающей среды как естественной экологической системы; нарушение должно иметь характер воздействия на окружающую среду в целом (почвы, воды, атмосферный воздух, биоразнообразие), выходящего за рамки исключительно санитарно-гигиенических параметров. По ст. 6.35 КоАП РФ объектом выступают общественные отношения в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, и нарушение выражается в несоблюдении санитарных правил и гигиенических нормативов (СанПиН), устанавливающих безопасные для человека уровни воздействия факторов среды обитания.

В практическом плане это означает следующее: если нарушение при обращении с отходами состоит в несоблюдении требований СанПиН к контейнерной площадке (например, отсутствие ограждения или твёрдого покрытия), но не повлекло загрязнения почв, вод или атмосферы за пределами санитарно-защитной зоны, деяние квалифицируется по ст. 6.35 КоАП РФ; если же нарушение выразилось в размещении отходов вне установленных мест с загрязнением земельного участка — по ст. 8.2 КоАП РФ.

В силу бланкетного характера обеих статей квалификация должна определяться тем, какие именно нормативные требования нарушены. Нарушение требований, установленных Федеральным законом «Об охране окружающей среды», Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» и подзаконными актами Минприроды России (приказы об утверждении порядка учёта, паспортизации, нормативов образования отходов), влечёт применение ст. 8.2 КоАП РФ; нарушение требований, установленных Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и санитарными правилами и гигиеническими нормативами (СанПиН, СП, ГН), принимаемыми Роспотребнадзором, — ст. 6.35 КоАП РФ.

Если деяние повлекло причинение вреда здоровью человека (возникновение инфекционных заболеваний, отравлений), квалификация должна производиться по ч. 3 ст. 6.35 КоАП РФ как по специальному квалифицирующему признаку; если причинён вред окружающей среде (деградация почв, загрязнение водных объектов, гибель объектов животного или растительного мира) — по ч. 3 или ч. 6 ст. 8.2 КоАП РФ. При одновременном причинении вреда здоровью человека и окружающей среде приоритет имеет специальный состав — ч. 3 ст. 6.35 КоАП РФ.

Если на основании указанных критериев квалификацию невозможно определить однозначно, сомнения толкуются в пользу лица, привлекаемого к ответственности, по правилам ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ («неустраняемые сомнения толкуются в пользу этого лица»). В таком случае применению подлежит состав с менее строгой санкцией: по ч. 1 ст. 8.2 штраф для юридических лиц составляет 100–250 тыс. рублей, тогда как по ч. 1 ст. 6.35–250–350 тыс. рублей.

Анализ действующего КоАП РФ показывает, что примечания в нём традиционно относятся к конкретным статьям, а не к главам в целом (например, примечание к ст. 2.4 раскрывает понятие должностного лица, примечание к ст. 1.5 устанавливает исключение из презумпции невиновности, примечания к статьям главы 8 регулируют ответственность индивидуальных предпринимателей как юридических лиц). Однако для разрешения межотраслевой коллизии между ст. 8.2 и ст. 6.35, расположенной в главе 6, требуется норма именно на уровне главы, поскольку коллизия выходит за рамки одной статьи.

В связи с этим предлагается дополнить главу 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях новым примечанием следующего содержания.

Примечание. При разграничении административных правонарушений, предусмотренных настоящей главой, и административных правонарушений, предусмотренных статьёй 6.35 настоящего Кодекса, применяются следующие правила:

1) если деяние, связанное с обращением с отходами производства и потребления, заключается в несоблюдении требований, установленных Федеральным законом «Об охране окружающей среды» и (или) Федеральным законом «Об отходах производства и потребления», а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами в области охраны окружающей среды, и по своему характеру направлено на предотвращение негативного воздействия на окружающую среду как естественную экологическую систему, оно подлежит квалификации по соответствующим статьям настоящей главы;

2) если деяние, связанное с обращением с отходами производства и потребления, заключается в несоблюдении санитарно-эпидемиологических требований, установленных Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и (или) санитарными правилами и гигиеническими нормативами, и по своему характеру направлено на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, оно подлежит квалификации по статье 6.35 настоящего Кодекса;

3) при невозможности однозначного разграничения на основании правил, предусмотренных пунктами 1 и 2 настоящего примечания, дело подлежит рассмотрению по правилам части 4 статьи 1.5 настоящего Кодекса; в этом случае применению подлежит норма, предусматривающая менее строгое административное наказание.

По своему функциональному назначению предлагаемое примечание устраняет коллизию между конкурирующими составами, имеющими тождественную объективную сторону, но различную отраслевую принадлежность: оно устанавливает формализованные критерии, позволяющие правоприменителю однозначно определить, по какой статье следует квалифицировать деяние.

Структурно норма состоит из трёх пунктов, реализующих различные правовые механизмы: первый устанавливает правило квалификации по ст. 8.2 и иным статьям главы 8, второй — по ст. 6.35, а третий служит «правилом-предохранителем» на случай неустраняемых сомнений, реализуя принцип *in dubio pro reo* (ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ) через выбор менее строгой санкции.

С точки зрения законодательной техники конструкция использует приёмы, уже апробированные в КоАП РФ: дефинитивный элемент (определение критериев разграничения), отсылочный элемент (указание на конкретные федеральные законы) и коллизионный элемент (правило разрешения неустраняемых сомнений).

Принятие примечания позволит преодолеть ведомственно-обусловленную квалификацию, поскольку критерий привязывается к объективному содержанию деяния и нарушенным нормам, а не к выбранному проверяющему органу; снизить риски отмены постановлений по мотиву неправильной квалификации; обеспечить единообразную практику применения конкурирующих составов.

Коллизия составов ст. 8.2 и ст. 6.35 КоАП РФ носит объективный характер: она обусловлена тождеством объективной стороны и пересечением объектов правовой охраны. Реформа 2019 года (Федеральный закон № 141-ФЗ) формально разграничила составы, но не устранила их содержательного пересечения.

Правоприменительная практика единообразных критериев разграничения не выработала: отсутствие правовых позиций Верховного Суда РФ и кассационных судов по данному вопросу создаёт пространство для произвольной квалификации, которая фактически определяется ведомственной принадлежностью проверяющего органа, а не объективными признаками состава. Дело № 21–27/2024 Оренбургского областного суда — репрезентативный пример такой «ведомственно-обусловленной» квалификации.

Предлагаемые критерии разграничения (по объекту посягательства, по отсылочному законодательству, по характеру последствий) позволяют правоприменителю объективно определить применимую норму независимо от того, какой орган проводил проверку.

Проект примечания к главе 8 КоАП РФ представляет собой законодательное решение коллизии, основанное на апробированных приёмах юридической техники. Его принятие будет способствовать единообразию квалификации и укреплению законности в сфере административной ответственности за правонарушения при обращении с отходами производства и потребления.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 26. Ст. 3009.
4. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.
5. Федеральный закон от 17.06.2019 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25. Ст. 3161.
6. Евсикова Е. В., Петросян Г. А. Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 259–269.
7. Домрачев Д. Г. Проблемы применения административного законодательства в сфере охраны окружающей среды и природопользования // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 6. С. 49–55.
8. Решение Оренбургского областного суда от 13.02.2024 № 21–27/2024 (21–723/2023) по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 8.2 КоАП РФ, в отношении МУП «ВКХ г. Бузулука» // СудАкт.ру.
9. Постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25.02.2019 № 4а-611/18.
10. Постановление Рубцовского городского суда Алтайского края от 10.01.2025 № 5–1/2025 по ч. 1 ст. 6.35 КоАП РФ.
11. Постановление Гагаринского районного суда г. Москвы от 07.02.2022 № 5–22/2022 по ч. 1 ст. 6.35 КоАП РФ.

Правовые проблемы конкурсных процедур на право заключения концессионных соглашений

Габдрафикова Эмма Руслановна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует существующие в настоящее время правовые проблемы конкурсных процедур на право заключения концессионных соглашений. Проведенное исследование позволяет сделать однозначный вывод о наличии правовых проблем в области законодательного регулирования конкурсных процедур на право заключения концессионных соглашений, что на практике приводит к возникновению различных антимонопольных и судебных споров, что, как следствие, влечёт за собой подрыв доверия частных инвесторов к государству как контрагенту и претуплению развития механизмов ГЧП в России.

Ключевые слова: ГЧП, государственно-частное партнерство, концессия, концессионное соглашение, механизм ГЧП, форма ГЧП, конкурсные процедуры.

В современных условиях экономических вызовов особый интерес для частных инвесторов представляет возможность ведения предпринимательской деятельности во взаимодействии с государственным сектором, поскольку последний видится надежным партнером, способным обеспечить устойчивую стабильность бизнес проекта. Одним из наиболее эффективных способов обеспечения такого взаимодействия является механизм государственно-частного партнерства (далее — ГЧП). Для частного сектора механизм ГЧП — это выгодный способ реализовать долгосрочный бизнес проект с использованием государственного недвижимого имущества. При этом при реализации проекта государственно-частного

партнерства предприниматели могут получить и получают определенные гарантии, в том числе финансовые, способствующие повышению эффективности их частных вложений.

При этом необходимо отметить, что сотрудничество в рамках ГЧП выгодно не только для частной стороны. Значимость механизма государственно-частного партнерства особенно подчеркивается в последние годы как на региональном, так и на федеральном уровнях. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, признавая важность института ГЧП в Российской Федерации, систематически в различных видах и формах призывает государственные структуры

улучшать механизм государственно-частного партнерства [1].

Однако необходимо отметить, что несмотря на казалось бы взаимную заинтересованность частной и публичной сторон в реализации проектов государственно-частного партнерства, часть бизнес сообщества зачастую всё же скептически относится к установлению такого формата частно-публичных отношений ввиду различных практических аспектов, вытекающих из несовершенства правового регулирования.

Наиболее распространенной формой государственно-частного партнерства являются концессионные соглашения. Сущность концессионных соглашений урегулирована Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Федеральный закон № 115) и состоит в следующем: «По концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, за исключением случаев, если концессионное соглашение заключается в отношении объекта, предусмотренного пунктом 21 части 1 статьи 4 Федерального закона № 115) (далее — объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности» [2].

Всего существует 2 законных способа заключения концессионных соглашений:

- 1) по итогам конкурсных процедур, организуемых публично-правовым образованием;
- 2) без проведения конкурса в случаях, предусмотренных Федеральным законом № 115, в том числе по частной концессионной инициативе.

Наиболее распространенным способом заключения концессионных соглашений является конкурс, порядок проведения которого урегулирован законом. Дело в том, что конкурс в подавляющем большинстве случаев является наиболее удобным механизмом заключения концессий для публичного лица, поскольку конкурс позволяет не только заранее определить главные предпочтительные условия того или иного соглашения, но также отсеять «неподходящих» для себя контрагентов.

В соответствии с положениями Федерального закона № 115, организатор конкурса (собственник имущества — публично-правовое образование) перед его проведением должен утвердить конкурсную документацию, которая должна содержать в том числе «требования, которые предъявляются к участникам конкурса (в том числе

требования к их квалификации, профессиональным, деловым качествам) и в соответствии с которыми проводится предварительный отбор участников конкурса» [2]. При этом действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает каких-либо норм, дающих основания для сужения свободы организаторов торгов в определении требований, которые предъявляются к участникам конкурса [3]. Только лишь Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает лишь одно общее правило, что при проведении конкурса «запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции» [4].

Зачастую на практике публично-правовые образования, являющиеся организаторами конкурса, устанавливают в конкурсной документации такие требования к участникам конкурса, которые могут ограничивать возможность участия в конкурсе отдельных представителей бизнес сообщества.

Практике известно множество случаев, когда лица, желающие принять участие в конкурсных процедурах на право заключения концессионного соглашения, но не соответствующие требованиям конкурса по формальному признаку, обращаются в антимонопольные органы и суды для признания таких требований неправомерными и ограничивающими конкуренцию.

Последствием вышеописанной ситуации является снижение доверия частных инвесторов к государству как к потенциальному бизнес партнёру. Механизм концессионного соглашения, как правило, предполагает осуществление значительных финансовых вложений со стороны инвестора, которые он рассчитывает окупить. Принимая решение об участии в проекте ГЧП на условиях концессионного соглашения, частная сторона оценивает не только его экономическую целесообразность, но и стабильность правовых условий, в которых ей предстоит осуществлять свою деятельность. Если уже на этапе проведения конкурса возникают вопросы относительно обоснованности установленных требований, равенства участников или порядка определения победителя, у инвестора появляются основания сомневаться в предсказуемости дальнейших взаимоотношений с публичной стороной.

В связи с этим представляется необходимым совершенствование законодательства о концессионных соглашениях в части установления более чётких требований к организации и проведению конкурсных процедур. При этом особое внимание следует уделить обеспечению равных условий участия в конкурсе, обоснованности предъявляемых требований и предсказуемости действий организатора. Это позволит снизить вероятность возникновения споров и обеспечить более понятные условия для потенциальных инвесторов. Именно это является одним из важных условий укрепления доверия частного сектора к государству как партнеру и дальнейшего развития ГЧП в России.

Литература:

1. Путин призвал улучшить механизм государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // Официальный сайт РИА Новости. Режим доступа URL: <https://ria.ru/20240905/putin-1970733078.html> (дата обращения: 09.09.2026).
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126.
3. Килинкаров В. В. Килинкарова Е. В. Актуальные проблемы и тенденции в практике разрешения споров в сфере публично-частного партнерства в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мониторинга правоприменения СПбГУ. Режим доступа URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/administrativnoe-regulirovanie/item/418-aktualnye-problemy-i-tendentsii-v-praktike-razresheniya-sporov-v-sfere-publichno-chastnogo-partnerstva-v-rossii.html?ysclid=mv3r22nd440845971> (дата обращения: 09.09.2026).
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

Учет возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних при выборе тактики допроса

Газарян Алена Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстова Марина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье рассматривается, как возраст и личные особенности несовершеннолетнего влияют на тактику допроса. С опорой на УПК и практику Верховного суда разбираются правила по длительности допроса, участию педагога или психолога, формулировке вопросов и видеозаписи. Отдельно отмечаются риски внушаемости, усталости, зависимости от взрослых и повторной травматизации. Как итог предлагаются меры, чтобы снизить вероятность недостоверных показаний и усилить защиту прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего; тактика допроса; возрастные особенности; психологические особенности; судебная практика.

Возраст при допросе несовершеннолетнего важен не формально, а для оценки достоверности показаний. Дети и подростки по-другому воспринимают время, последовательность событий и сложные вопросы. На их ответы влияют опыт, внимание, словарный запас, эмоции и зависимость от взрослых.

Поэтому в УПК РФ предусмотрены специальные правила. Для потерпевших и свидетелей статья 191 УПК РФ устанавливает разные ограничения по времени в зависимости от возраста, а до 16 лет обязательно участие педагога или психолога. После 16 лет специалист обычно привлекается по решению следователя. Для подозреваемых и обвиняемых статья 425 УПК РФ ограничивает допрос 2 часами без перерыва и 4 часами в день; педагог или психолог обязателен до 16 лет и в отдельных случаях после 16. Верховный Суд РФ требует учитывать индивидуальные особенности и уровень психического развития [2].

Также отмечают, что допрос проходит эффективнее, если заранее оценить речь, внимание, эмоциональную устойчивость и внушаемость несовершеннолетнего. Е. А. Таюрская, Е. В. Горбачева и Е. В. Шишмарева обоснованно указывают на необходимость индивидуализировать приемы допроса с учетом возраста и психоэмо-

ционального состояния [14]. На практике это означает, что следователю следует заранее выяснить условия воспитания, отношения в семье, круг общения и состояние здоровья. Р. Ф. Галиева обращает внимание на значение подготовки к допросу и изучения личности несовершеннолетнего [13]. Начинать целесообразно со свободного рассказа. Уточняющие вопросы должны быть короткими, понятными и касаться одного обстоятельства. Нельзя подсказывать ребенку версию события или повторять вопрос только потому, что первый ответ не совпал с ожиданиями следователя. В отношении малолетних особенно важно выяснять источник сведений. Нужно установить, видел ли ребенок событие сам, обсуждал ли его со взрослыми и что ему говорили до официального допроса.

Показательным является определение Верховного Суда РФ от 4 сентября 2014 г. № 56-АПУ14–34. Трехлетнюю потерпевшую до процессуального допроса расспрашивали взрослые, задавая вопросы, предполагающие нужный ответ. Лицо, проводившее первоначальный допрос, также признало использование наводящих вопросов. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза указывала на повышенную внушаемость ребенка. Позднее следователь с участием педагога допрашивал девочку в ночное время

около трех часов и использовал наводящие формулировки. Протокол был признан недопустимым доказательством, а Верховный Суд оставил оправдательный приговор без изменения [7]. Этот случай показывает, что присутствие педагога само по себе не исправляет ошибочную тактику. Если вопрос формирует содержание ответа, а ребенок устал и ориентируется на реакцию взрослого, достоверность результата резко снижается. Современная статья 191 УПК РФ ограничивает следственное действие с ребенком до семи лет тридцатью минутами без перерыва и одним часом в общей сложности [2]. Однако и этот срок является предельным. При заметной усталости или тревоге допрос должен завершаться раньше.

Значение специалиста подтверждается и определением Верховного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 64-О10–5СП. Пятнадцатилетний подсудимый был допрошен в судебном заседании без педагога или психолога. Нарушение стало одним из оснований для отмены приговора и направления дела на новое рассмотрение [6]. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает, что показания несовершеннолетнего, полученные без обязательного участия педагога или психолога, являются недопустимыми доказательствами [4]. Вместе с тем проблема не исчерпывается присутствием специалиста. Закон почти не раскрывает его практические функции при выборе тактики. В результате участие иногда сводится к наблюдению и подписи в протоколе. Представляется необходимым закрепить право специалиста до начала допроса давать рекомендации о доступной форме вопросов, а в ходе следственного действия требовать перерыв при признаках истощения и обращать внимание следователя на непонятную или внушающую формулировку. Для потерпевшего после насилия, ребенка с выраженной тревогой или особенностями развития предпочтительно участие психолога, а не только педагога. Необходимость специальных психологических знаний подробно раскрывается и в работе Е. В. Васько [15].

Другую проблему выявляет кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 18-УД23–42-А3. Свидетелям было шестнадцать и семнадцать лет. Их допрашивали на предварительном следствии и в суде без педагога или психолога, но в присутствии законных представителей. Верховный Суд признал такой порядок соответствующим статьям 191 и 280 УПК РФ [8]. С точки зрения действующего закона этот вывод обоснован. Одновременно дело показывает условность жесткой возрастной границы. Внушаемость, страх перед взрослым, интеллектуальная незрелость или зависимость от родственника не исчезают автоматически после шестнадцатилетия. Поэтому решение о допросе лица от шестнадцати до восемнадцати лет без психолога должно быть мотиви-

рованным. Следовательно следует учитывать не только дату рождения, но и сведения о развитии, эмоциональном состоянии, характере расследуемого события и отношениях с другими участниками. Для несовершеннолетнего обвиняемого подобная оценка частично вытекает из статьи 421 УПК РФ [2]. Для свидетеля и потерпевшего такого подробного правила нет, что создает пробел в гарантиях.

Положительный пример дает кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 июня 2026 г. № 45-УД26–16-А2. Допросы несовершеннолетних потерпевшей и свидетелей на предварительном следствии проводились с участием законного представителя и психолога либо педагога. Видеозаписи дают суду возможность проверить, не было ли давления и наводящих вопросов. Если продолжение допроса в суде может ухудшить психическое состояние потерпевшей, суд прекращает допрос и рассматривает ранее данные показания по правилам [9]. Это помогает снизить риск повторной травматизации. Пленум Верховного Суда РФ тоже допускает использование прежних показаний несовершеннолетних при соблюдении гарантий [5]. На практике хорошая видеозапись позволяет и оценить, как были получены сведения, и реже заставлять ребенка снова переживать тяжелое событие. Статья 191 УПК РФ требует вести видеозапись допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, если они или их законный представитель не возражают [2].

Анализ законодательства и практики позволяет выделить три системные проблемы. Первая связана с формальным участием педагога или психолога, поскольку закон почти не определяет содержание их помощи. Вторая состоит в жесткой границе шестнадцати лет, хотя психологическая уязвимость индивидуальна. Третья проблема заключается в неодинаковом регулировании видеофиксации для потерпевших и свидетелей, с одной стороны, и несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, с другой [2]. Для их устранения предлагается до первого содержательного допроса проводить краткую письменную оценку процессуальной уязвимости. В ней следует отражать возраст, уровень развития речи, способность понимать вопросы, эмоциональное состояние, сведения о здоровье, отношения со значимыми взрослыми и возможное внешнее влияние. Для лиц от шестнадцати до восемнадцати лет решение не приглашать психолога следует мотивировать.

Таким образом, чтобы выбрать допустимую и эффективную тактику допроса, нужно обязательно учитывать возраст и психологию несовершеннолетнего. Судебная практика показывает, что одного формального соблюдения процедур часто недостаточно: из-за внушаемости, эмоциональной нестабильности, быстрой утомляемости и зависимости от взрослых показания могут быть недостоверными.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и изменениями от 06.10.2022) // Официальное опубликование правовых актов. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 24.09.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.09.2026).
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 24.09.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/8276/> (дата обращения: 24.09.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 24.09.2026).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2010 № 64-О10-5СП // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrfr.ru/files/13415/> (дата обращения: 24.09.2026).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2014 № 56-АПУ14-34 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrfr.ru/files/14781/> (дата обращения: 24.09.2026).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 18-УД23-42-А3 // Судебная практика. — URL: <https://apkrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19122023-n-18-ud23-42-a3/> (дата обращения: 24.09.2026).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2026 № 45-УД26-16-А2 // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://base.garant.ru/414405737/> (дата обращения: 24.09.2026).
10. Пудовикова, Т. Ф. Тактика допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства с учетом их возрастных особенностей / Т. Ф. Пудовикова // Российский судья. — 2026. — № 8. — С. 38–41.
11. Долженко, Н. И. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве / Н. И. Долженко, Е. А. Купряшина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 1. — С. 257–266.
12. Гиниатуллина, И. А. К вопросу о психологическом аспекте тактики проведения допроса несовершеннолетних лиц / И. А. Гиниатуллина, Л. Г. Биккузина, А. И. Салимгареева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 5–4 (92). — С. 188–191.
13. Галиева, Р. Ф. Тактические особенности производства допроса несовершеннолетних обвиняемых в неблагоприятной ситуации / Р. Ф. Галиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 7–1 (94). — С. 105–108.
14. Таюрская, Е. А. Тактические особенности допроса отдельных категорий лиц / Е. А. Таюрская, Е. В. Горбачева, Е. В. Шишмарева // Сибирский юридический вестник. — 2023. — № 4 (103). — С. 105–109.
15. Васкэ, Е. В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия: учебник для вузов / Е. В. Васкэ. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 296 с.

Перспективы развития института гражданства в Российской Федерации

Галанина Ольга Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы развития института гражданства в Российской Федерации. Анализируется новое законодательство о гражданстве — Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», выявляются его новеллы и недостатки. Обобщаются научные воззрения отечественных исследователей на понятие и сущность гражданства, принципы правового регулирования. Рассматривается правоприменительная практика, включая позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам приобретения и прекращения гражданства. Предлагаются направления совершенствования законодательства о гражданстве, в том числе в части регулирования множественного гражданства, упрощенного порядка натурализации, защиты прав уязвимых категорий лиц.

Ключевые слова: гражданство, Конституция Российской Федерации, Федеральный закон о гражданстве, натурализация, множественное гражданство, правоприменительная практика, Конституционный Суд, правовой статус личности.

Гражданство — один из ключевых институтов конституционного права, определяющий правовой статус личности в государстве и устойчивую правовую связь человека с государством. В статье 6 Конституции Российской Федерации закреплено, что гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения, а гражданин не может быть лишен своего гражданства или права изменить его [1]. Эти конституционные положения задают фундаментальные принципы, на которых строится все отраслевое регулирование.

Институт гражданства в России переживает период активной трансформации. Принятие Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Закон о гражданстве 2023 г.), вступившего в силу 26 октября 2023 г., ознаменовало смену правовой парадигмы в данной сфере [2]. С принятием нового закона, отразившего современные социальные и политические реальности, начинается новый период становления института гражданства. Наличие существенных новелл, касающихся оснований и порядка приобретения и прекращения российского гражданства, норм материального и процессуального характера, обуславливает необходимость изучения нового федерального закона о гражданстве с целью обеспечения эффективности механизма его реализации. [3, с. 109]. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и научной литературы, новый закон не решил всех накопленных проблем и породил новые вопросы.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления новелл законодательства о гражданстве в контексте конституционных принципов, доктринальных подходов и складывающейся правоприменительной практики. Скорость законодательных изменений, наличие пробелов и коллизий, а также противоречивость судебной практики требуют научного анализа и выработки рекомендаций по совершенствованию правового регулирования.

В отечественной конституционно-правовой доктрине сложились два основных подхода к пониманию гражданства: как принадлежности лица к государству и как правовой связи лица с государством. О. Е. Кутафин рассматривал гражданство как самостоятельный институт в системе конституционного права, определяя его через категорию «принадлежность к государству» [4, с. 444]. С. А. Авакьян, развивая концепцию гражданства как правовой связи, подчеркивал, что эта связь выражается в совокупности взаимных прав и обязанностей и носит устойчивый характер [5, с. 18]. В. Л. Бабурина предложила комплексную концепцию гражданства как правового состояния, правоотношения, правовой принадлежности и субъективного права, обосновав, что эти аспекты взаимообусловлены и отражают разные стороны многогранного явления [6, с. 8].

Диссертационное исследование В. А. Дрогавцевой, защищенное в 2023 году, выявило цикличность историко-правового развития института гражданства в России и обосновало прогноз «положительного поворота», фундаментом которого составит конкретизация новых положений законодательства с учетом анализа правоприменительной практики [7, с. 13]. Автор предложил авторскую классификацию периодов развития законодательства о российском гражданстве и обосновала необходимость дифференцирования принципов гражданства для обеспечения своевременного реагирования государства на меняющиеся общественные отношения.

В исследовании, опубликованном на платформе «КиберЛенинка» в 2025 году, проанализированы актуальные проблемы гражданства Российской Федерации по четырём направлениям: сложность приобретения гражданства, избыточная бюрократизация процедур, неопределенность оснований для прекращения гражданства и пробелы в защите статуса детей и лиц без гражданства [8, с. 51]. Автор отметил, что непроработанность механизмов защиты для отдельных категорий лиц может приводить к ситуации правовой «серой зоны» при аннулировании паспорта.

М. А. Шлапак выделила в качестве главной проблемы совершенствования законодательного регулирования вопросов гражданства соответствие законодательной базы потребностям общественных отношений и реализацию конституционных положений [9, с. 132]. Автор указала на многочисленные факты нарушений прав иностранных граждан и лиц без гражданства, связанных с несовершенством миграционного учета и неопределенностью норм об изъятии ранее выданных паспортов [9, с. 134].

Диссертационное исследование Н. Е. Пирязева, подготовленное в 2025 году, посвящено правовому регулированию прекращения гражданства по инициативе государства. Автор обосновал необходимость установления пресекательного срока, в течение которого после натурализации возможна отмена решения о приеме в гражданство, и предложил закрепить дополнительные гарантии стабильности конституционно-правового статуса натурализованных граждан [10, с. 126].

Цель настоящего исследования — на основе комплексного анализа научных воззрений, действующего законодательства и правоприменительной практики выявить тенденции и перспективы развития института гражданства в Российской Федерации, а также сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1) проанализировать новеллы Закона о гражданстве 2023 года; 2) обобщить правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам гражданства; 3) выявить пробелы и коллизии действующего законода-

тельства; 4) разработать предложения по его совершенствованию.

Анализ Закона о гражданстве 2023 года показывает, что законодатель предпринял попытку системного обновления правового регулирования. Закон закрепляет пять оснований приобретения гражданства: по рождению, в результате приема в гражданство, в результате признания гражданином Российской Федерации, в результате выбора гражданства при изменении Государственной границы (оптация) и в соответствии с международным договором [2, ст. 12]. Общий порядок приема в гражданство предусматривает пять лет постоянного проживания, владение русским языком, знание истории России и основ законодательства [2, ст. 15]. Упрощенный порядок значительно расширен: в нем предусмотрены категории от участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников до иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы [2, ст. 16].

Введение понятия множественного гражданства — одна из ключевых новелл. Гражданин Российской Федерации, имеющий двойное или множественное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как ее гражданин вне зависимости от места его проживания, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором [2, ст. 10]. Это положение развивает конституционную норму статьи 62, согласно которой наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства [1, ст. 62]. Вместе с тем в научной литературе отмечается отсутствие четкого разграничения понятий «двойное гражданство» (при наличии межгосударственного договора) и «второе гражданство» (при его отсутствии), что порождает неопределенность в правовом статусе соответствующих лиц [11, с. 3].

Закон о гражданстве 2023 года существенно расширил перечень оснований прекращения гражданства. Гражданство прекращается в случае выхода из гражданства по собственному волеизъявлению, а также в связи с отменой решения о приеме в гражданство [2, ст. 22]. Основания для отклонения заявления о приеме в гражданство включают участие в вооруженных конфликтах, террористической и экстремистской деятельности, наличие неснятой судимости за умышленные преступления [2, ст. 18]. Введение Присяги гражданина Российской Федерации стало важным элементом, подчеркивающим осознанный и ответственный характер приобретения гражданства [2, ст. 21].

Анализ правоприменительной практики показывает, что наибольшее количество споров возникает в связи с проверкой наличия или отсутствия гражданства. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 мая 1996 г. № 12-П указал, что произвольное, без учета волеизъявления гражданина лишение или даже временное прекращение законно приобретенного гражданства нару-

шает статью 6 Конституции Российской Федерации и умаляет достоинство личности [12]. Эта правовая позиция сохраняет свою силу и в условиях действия нового закона.

Особое значение имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 г. № 18-П, в котором Суд признал пункт 3 части 1 статьи 4 Закона о гражданстве 2023 года не противоречащим Конституции, поскольку по конституционно-правовому смыслу он означает, что лицо, родившееся на территории РСФСР, являвшееся гражданином СССР по рождению, выехавшее из СССР на постоянное место жительства за границу до 6 февраля 1992 г., поставленное на консульский учет как гражданин Российской Федерации и документированное российским паспортом, не может по истечении десяти лет со дня постановки на консульский учет признаваться лицом, не приобретшим гражданство Российской Федерации, если для этого нет иных предусмотренных законом оснований [13]. Суд подчеркнул, что отсутствие сведений о признании лица гражданином в государственных базах данных не может вести к выводу о неприобретении лицом гражданства. Критерием достоверности может являться длительность срока, в течение которого лицо признавалось российским гражданином [13].

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2026 г. № 2440-О, вынесенное по жалобе А. М. Шуманяна, подтвердило, что взаимосвязанное регулирование статьи 40 Закона о гражданстве 2023 г. образует единый механизм разрешения спорных вопросов гражданства, создавая нормативные условия для преодоления правовой неопределенности статуса личности [14]. Вместе с тем Суд отметил, что предусмотренное Законом о гражданстве 1991 г. регулирование носило льготный и переходный характер, что должно учитываться при оценке правового статуса конкретных категорий лиц.

Одной из наиболее острых проблем остается отсутствие пресекающего срока для отмены решения о приеме в гражданство. Как обоснованно указывает Н. Е. Пирязева, установление возможности прекращения гражданства вследствие установления факта противоправных действий бессрочно или спустя длительный период ведет к неопределенности конституционно-правового статуса натурализованных граждан и препятствует реализации принципа равенства российского гражданства вне зависимости от оснований его приобретения [10, с. 13]. Представляется целесообразным закрепить в законе пресекающий срок, по истечении которого отмена решения о приеме в гражданство не допускается, за исключением случаев, когда лицо совершило преступление против основ конституционного строя и безопасности государства.

Еще одной проблемной сферой является регулирование гражданства детей. Статья 8 Закона устанавливает, что гражданство ребенка следует гражданству родителей, а гражданство Российской Федерации ребенка не может быть прекращено, если в результате он станет лицом без гражданства [2, ст. 8]. Однако в случае прекращения гра-

жданства обоими родителями статус ребенка остается неопределенным — закон не дает четкого ответа на эту ситуацию. Отсутствуют ясные механизмы защиты прав ребенка на образование, медицинскую помощь и социальное обеспечение в подобных случаях [8, с. 52].

Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» предусмотрел образование на базе Главного управления по вопросам миграции МВД России Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан [15, с. 12]. Это решение требует оперативного принятия ряда подзаконных нормативных правовых актов, что свидетельствует о незавершенности процесса правового регулирования в данной сфере. Кроме того, часть положений Закона о гражданстве 2023 года, касающихся отдельных категорий иностранных граждан, имеющих право на упрощенное получение гражданства, регулируется не самим законом, а указами Президента Российской Федерации (например, Указ от 4 января 2024 г. № 11), что не вполне соответствует принципу регулирования гражданства исключительно федеральным законом [15, с. 11].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Во-первых, принятие Закона о гражданстве 2023 года стало значимым шагом в развитии института гражданства, однако процесс законотворчества в этой сфере далек от завершения. Ряд ключевых положений регулируется подзаконными актами, что не соответствует конституционному требованию о регулировании гражданства федеральным законом. Необходимо перенести нормы об упрощенном порядке натурализации для отдельных категорий иностранных граждан непосредственно в текст

Закона о гражданстве, дополнив его соответствующими статьями.

Во-вторых, необходимо законодательно разграничить понятия «двойное гражданство» и «множественное гражданство», определив правовой режим каждого из них. Следует закрепить в законе права и обязанности лиц, обладающих иностранным гражданством наряду с российским, включая особенности реализации политических прав, налоговых обязательств и воинской обязанности.

В-третьих, целесообразно установить пресекательный срок (например, десять лет), по истечении которого отмена решения о приеме в гражданство не допускается, за исключением случаев совершения лицом преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Это обеспечит стабильность конституционно-правового статуса натурализованных граждан и реализацию принципа равенства гражданства.

В-четвертых, необходимо восполнить пробелы в регулировании гражданства детей, особенно в случаях прекращения гражданства обоими родителями, а также при усыновлении российских детей иностранными гражданами. Следует закрепить исчерпывающий перечень гарантий защиты прав ребенка, включая право на образование, медицинскую помощь и социальное обеспечение.

В-пятых, России целесообразно рассмотреть вопрос о присоединении к Конвенции о статусе апатридов 1954 г. и Конвенции о сокращении безгражданства 1961 г., что позволит обеспечить дополнительные гарантии защиты прав лиц без гражданства на территории Российской Федерации и приведет национальное законодательство в соответствие с международными стандартами.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию устойчивой и предсказуемой правовой модели института гражданства, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов, защиту прав личности и интересов государственной безопасности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.10.2026).
2. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.10.2026).
3. Кофтун, О. А. Основные новеллы федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года / О. А. Кофтун, Н. Д. Терещенко. — Текст: непосредственный // «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». — 2024. — № 4. — С. 109–114. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-novelly-federalnogo-zakona-o-grazhdanstve-rossiyskoy-federatsii-2023-goda> (дата обращения 12.10.2026).
4. Кутафин О. Е. Российское гражданство. М.: Юристъ, 2003. 480 с.
5. Авакьян С. А. Гражданство Российской Федерации: вопросы и ответы. М.: Российский юридический дом, 2005. 320 с.
6. Бабурина, В. Л. Гражданство Российской Федерации: Конституционно-правовая теория и практика: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бабурина Вера Леонидовна; ФГБОУ ВО «Саратовский нац. исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского». — Воронеж, 2017. — 22 с. // URL: <https://law.vsu.ru/structure/constlaw/tasks/butusova-autoreferat.pdf?ysclid=mv4tuzhklz955214920> (дата обращения 12.10.2026).
7. Дрогавцева, Е. А. Право на гражданство: Конституционные гарантии и проблемы реализации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дрогавцева Екатерина Александровна; ФГКОУ ВО

- «Санкт-Петербургский ун-т М-ва внутренних дел Российской Федерации». — СПб., 2023. — 273 с. // URL: <https://diss.unn.ru/files/2023/1340/diss-Drogavtseva-1340.pdf> (дата обращения 12.10.2026)
8. Пастух В.Д., Морозова А.Н. Актуальные проблемы гражданства Российской Федерации // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-grazhdanstva-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 08.10.2026).
 9. Шлапак М. А. Проблемы совершенствования законодательного регулирования вопросов гражданства в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 4А. С. 132-138. // URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2020-4/18-shlapak.pdf> (дата обращения: 12.10.2026).
 10. Пирязева, Н. Е. Прекращение гражданства Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пирязева Наталья Евгеньевна; Федеральное гос. науч. учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». — М., 2025. — 172 с. // URL: <https://izak.ru/upload/iblock/83a/2btydsn0vfindulj79ke0l4qbkfjq3dz/Dissertatsiya-Piryezova.pdf?ysclid=mv4wji976169796268> (дата обращения 12.10.2026).
 11. Павлов А. С., Шустанова А. М. Двойное гражданство в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Дневник науки. 2020. № 12. // URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/12/law/Paulov_Shustanova.pdf (дата обращения 12.10.2026).
 12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.1996 № 12-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 76 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 3. URL: http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/decreed_of_court/constitutional_court/20941.html (дата обращения: 08.10.2026).
 13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision832574.pdf?ysclid=mv514li7c839775331> (дата обращения: 08.10.2026).
 14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2026 № 2440-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуманьяна А. М. // URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision942880.pdf> (дата обращения: 08.10.2026).
 15. Герасименко Ю.В., Смышникова Т.Б. Институт российского гражданства и современные тенденции его развития // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-rossiyskogo-grazhdanstva-i-sovremennye-tendentsii-ego-razvitiya> (дата обращения: 08.10.2026).

Процессуальные и служебные документы в системе экономической безопасности организации: правовой режим и риски

Гачегова Софья Сергеевна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Рассматривается классификация и правовой режим процессуальных документов, подаваемых организацией, и внутренних служебных документов в контексте экономической безопасности. На основе ГПК РФ, АПК РФ, ГК РФ, ТК РФ и ГОСТ Р 7.0.97–2016 выделены основные группы документов, требования к их оформлению и риски нарушений. Предложены меры по снижению документационных рисков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, процессуальные документы, служебные документы, делопроизводство, исковое заявление, реквизиты документов, документооборот, информационная безопасность.

Procedural and official documents in the system of economic security of an organization: legal regime and risks

Gachegova Sofya Sergeevna, student

Perm State National Research University

The article examines the classification and legal regime of procedural documents filed by an organisation and internal official documents in the context of economic security. Based on Russian procedural and civil legislation, labour law and GOST R 7.0.97–2016, it identifies document groups, key execution requirements and risks arising from documentation failures. Practical risk-reduction measures are proposed.

Keywords: economic security, procedural documents, official documents, office work, statement of claim, document requisites, document workflow, information security.

Организация использует документы для фиксации юридически значимых решений, подтверждения фактов и защиты имущественных интересов. Ошибки при их подготовке, передаче и хранении ведут к процессуальным потерям, трудовым спорам, финансовому ущербу и утрате доказательств. Документирование — регламентированная фиксация информации, документооборот — организация работы с созданными и поступившими документами [2, с. 15; 3, с. 22]. Цель исследования — классифицировать процессуальные и служебные документы, охарактеризовать их правовой режим и определить связанные с ними риски экономической безопасности.

Материалы и методы исследования

Использованы системный, аналитический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Материал составили положения ГПК РФ, АПК РФ, ГК РФ, ТК РФ, ГОСТ Р 7.0.97–2016 и научная литература по документационному обеспечению управления.

Результаты исследования и их обсуждение

Законодательство не даёт универсального определения процессуального документа. Для организации практически значимы документы, направляемые в суд или иные уполномоченные органы: иски, ходатайства, жалобы, возражения. Исковое заявление должно соответствовать ст. 131 ГПК РФ и ст. 125 АПК РФ — сведения о сторонах, обстоятельства требований, подтверждающие доказательства [4; 5]. Несоблюдение требований грозит оставлением без движения или возвращением, ростом расходов и пропуском сроков. Ходатайства, жалобы и возражения также требуют соблюдения формы, содержания и сроков [6, с. 45; 9].

Согласно ГОСТ Р 7.0.97–2016 организационно-распорядительная документация включает организационные, распорядительные и информационно-справочные документы [7]. Их функции различны, но каждая группа влияет на распределение полномочий, фиксацию решений и доказуемость действий.

Таблица 1. Основные группы служебных документов

Группа	Примеры	Назначение и значение
Организационные	Устав, положение, регламент, штатное расписание, должностная инструкция	Закрепляют структуру, функции и ответственность; снижают риск неясного распределения полномочий
Распорядительные	Приказ, распоряжение, решение	Фиксируют обязательные управленческие предписания и служат основанием для действий организации
Информационно-справочные	Акт, протокол, справка, служебная и докладная записки, письмо	Передают сведения и фиксируют обстоятельства, события и решения; могут использоваться как доказательства

Организационные документы определяют компетенцию подразделений и работников; распорядительные — издаются уполномоченным лицом; информационно-справочные обеспечивают обмен сведениями и фиксацию фактов [2, с. 34; 3, с. 89]. Договоры имеют отдельный гражданско-правовой режим: по ст. 420 ГК РФ они устанавливают, изменяют или прекращают права и обязанности, а заключенность зависит от согласования существенных условий [8, ст. 420, 432]. ГОСТ Р 7.0.97–2016 определяет реквизиты организационно-распорядительных документов: наименование организации, вид, дата, регистрационный номер, заголовок, текст, подпись и др. [7]. Особенно важны дата, регистрация и подпись уполномоченного лица — их отсутствие затрудняет подтверждение происхождения документа и законности решения.

Таблица 2. Реквизиты документов и последствия нарушений

Документ	Ключевые реквизиты	Риск при нарушении
Приказ	Организация, вид документа, дата, номер, заголовок, текст, подпись уполномоченного лица	Оспаривание решения; невозможность подтвердить полномочия и привлечь работника к ответственности; финансовые потери
Служебная записка	Отправитель/подразделение, адресат, дата, заголовок, текст, подпись; регистрация по правилам организации	Невозможность подтвердить направление или ознакомление; утрата доказательств при разрешении спора

Риски документирования группируются по типам документов и последствиям: для процессуальных — пропуск сроков и несоблюдение формы; для распорядительных — отсутствие полномочий или обязательных реквизитов; для информационно-справочных — неполнота сведений и отсутствие регистрации; для договоров — несоблюдение письменной формы, отсутствие существенных условий или подписание неуполномоченным лицом.

Таблица 3. Основные документационные риски

Категория	Типичные нарушения	Возможные последствия	Нормативная основа
Процессуальные	Ошибки формы и содержания, отсутствие приложений, пропуск сроков	Возврат/оставление без движения, утрата процессуальных возможностей, дополнительные расходы	ГПК РФ [4]; АПК РФ [5]
Распорядительные	Подписание неуполномоченным лицом, отсутствие даты, номера или подписи	Оспаривание решения, невозможность подтвердить законность управленческого действия	ГОСТ [7]; ТК РФ [10]
Информационно-справочные	Нет подписи/даты, неполны обстоятельства, не проведена регистрация	Утрата доказательственной базы, невозможность подтвердить факт или уведомление	ГОСТ [7]; локальные акты
Гражданско-правовые	Несоблюдение формы, отсутствие существенных условий, превышение полномочий	Риск незаключённости/оспаривания договора, взыскания убытков и судебных расходов	ГК РФ [8]

Отдельное направление — защита конфиденциальных документов. Риски: утрата, искажение, несанкционированный доступ и несоблюдение нормативных требований, поэтому нужны категории доступа, правила хранения и контроль движения документов [1, с. 56; 12]. Электронный документооборот ускоряет обмен и повышает прослеживаемость операций, но требует проверки полномочий подписантов, надлежащего использования электронной подписи и защиты доступа.

Практические рекомендации

Для снижения рисков организации целесообразно: 1) использовать проверочные перечни требований ГПК РФ и АПК РФ при подготовке процессуальных документов и контролировать сроки; 2) оформлять служебные документы по ГОСТ Р 7.0.97–2016 и локальной инструкции; 3) проверять полномочия подписантов приказов и договоров; 4) контролировать существенные условия договоров и соблюдение формы; 5) регистрировать документы, отслеживать исполнение, хранение и передачу в архив; 6) разграничивать доступ к конфиденциальным сведениям и контролировать обращение с ними [8; 10; 12].

Выводы

Процессуальные, служебные и гражданско-правовые документы различаются по назначению и правовому режиму, но их качество напрямую влияет на экономическую безопасность организации. Первые должны соответствовать кодексам, вторые — ГОСТ и локальным актам, договоры — гражданскому законодательству. Ключевые риски: нарушение формы и сроков, отсутствие обязательных реквизитов, превышение полномочий, неполнота фиксации фактов и слабая защита информации. Системная проверка документов, контроль полномочий и сроков, регламентированный документооборот и разграничение доступа снижают вероятность финансовых потерь и утраты правовой защиты.

Литература:

1. Рабочая программа дисциплины «Основы делопроизводства» для специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность». Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. 28 с.
2. Корнеев И. К., Пшенко А. В., Машурцев В. А. Документирование управленческой деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2023. 384 с.
3. Кузнецов И. Н. Документационное обеспечение управления. Документооборот и делопроизводство: учебник и практикум для СПО. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 512 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

6. Пронин К. В., Рождествина А. А., Шерстнева О. О. Процессуальные и служебные документы для следователя: учебно-практическое пособие для вузов. М.: Юстицинформ, 2006. 223 с.
7. ГОСТ Р 7.0.97–2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. М.: Стандартинформ, 2016. 32 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
9. Беланова Г. О. Процессуальная документация: практикум. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2017. 115 с.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
11. Дёмин Ю. Делопроизводство. Подготовка служебных документов. 3-е изд., доп. СПб.: Питер, 2021. 352 с.
12. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

Вина как условие гражданско-правовой ответственности: общая характеристика

Генне Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Резина Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматривается вина как одно из ключевых условий гражданско-правовой ответственности. Анализируются понятие и формы вины, исследуется презумпция виновности правонарушителя, закреплённая в Гражданском кодексе Российской Федерации, а также основания ответственности независимо от вины. Особое внимание уделено специфике вины юридических лиц и разграничению подходов к вине в частном и публичном праве. Обосновывается вывод о том, что конструкция вины в гражданском праве носит объективный характер и подчинена компенсаторно-восстановительной цели.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, условия ответственности, вина, умысел, неосторожность, презумпция вины, ответственность без вины, непреодолимая сила.

Vina as a condition of civil liability: general characteristics

The article considers fault (vina) as one of the key conditions of civil liability. The concept and forms of fault are analysed, along with the presumption of the tortfeasor's guilt enshrined in the Civil Code of the Russian Federation and the grounds for liability irrespective of fault. Particular attention is paid to the specifics of fault of legal entities and to the distinction between approaches to fault in private and public law. The author concludes that the construction of fault in civil law is objective in nature and serves the compensatory and restorative purpose.

Keywords: civil liability, conditions of liability, fault, intent, negligence, presumption of guilt, liability without fault, force majeure.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой одну из фундаментальных категорий цивилистики. Под ней традиционно понимается применение к правонарушителю мер государственного принуждения имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование правомерного поведения [2, с. 118].

Ответственность наступает лишь при наличии совокупности условий, образующих юридический состав правонарушения. В цивилистической доктрине к таким условиям относят: противоправность поведения, наличие вреда (убытков), причинную связь между поведением и вредом и вину правонарушителя [3, с. 24]. Именно вина позволяет отграничить юридическую ответственность от объективного возложения неблагоприятных имущественных последствий.

В отличие от уголовного права, где вина имеет самостоятельное значение, в гражданском праве она понимается как психическое отношение лица к своему проти-

воправному поведению и его результату, выражающееся в форме умысла или неосторожности [4, с. 41].

Легальное определение содержится в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ: лицо признаётся невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства [1]. Таким образом, законодатель конструирует вину через объективный критерий должной осмотрительности, что принципиально отличает её от вины в уголовном праве.

Гражданское право выделяет две формы вины:

1) Умысел — лицо осознаёт противоправность поведения, предвидит негативные последствия и желает либо сознательно допускает их наступление;

2) Неосторожность — лицо не предвидело вредных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть, либо легкомысленно рассчитывало на их предотвращение

По общему правилу форма вины не влияет на размер ответственности: она наступает и за умысел, и за неосторожность. Однако в отдельных случаях форма вины имеет значение — например, при смешанной вине сторон (ст. 404, 1083 ГК РФ) или при возмещении морального вреда [1].

Характерной чертой гражданского права является презумпция виновности причинителя вреда. Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения, если докажет, что вред причинён не по его вине [1]. Аналогичное правило закреплено в п. 2 ст. 401 ГК РФ.

Это означает распределение бремени доказывания не в пользу ответчика: потерпевший доказывает противоправность, вред и причинную связь, тогда как вина презюмируется [5, с. 67]. Такая конструкция объясняется задачами гражданского права, ориентированного на защиту интересов потерпевшего.

Общее правило имеет исключения. Наиболее значимое закреплено в п. 3 ст. 401 ГК РФ: лицо, не исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несёт ответственность независимо от вины, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы [1].

Ответственность независимо от вины установлена также за вред, причинённый источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), незаконными действиями органов дознания, следствия и суда (ст. 1070 ГК РФ), а также изготовителем товара (ст. 1095 ГК РФ) [1]. Это свидетельствует об усилении ответственности в сферах повышенного риска.

Вопрос о вине юридического лица является дискуссионным. Поскольку юридическое лицо — искусственное образование, его вина понимается через вину работников и должностных лиц, действующих от его имени (ст. 402, 1068 ГК РФ) [1]. Действия работника при исполнении трудовых обязанностей считаются действиями самого юридического лица [4, с. 88].

Также не менее интересным вопросом является вопрос ответственности за ошибки, допущенные искусственным интеллектом. К таковым можно отнести:

- дефект данных (смещения, неполнота, устаревшая разметка);
- дефект развёртывания (применение вне области применимости);
- и так далее.

Классическая формулировка «кто виноват — программист или же сам искусственный интеллект?» предпола-

гает, что вина — это атрибут, который можно «передать» от человека к артефакту. Между тем в правовой доктрине вина (в романо-германской традиции) и *mens rea* (в англосаксонской) — это характеристики сознания, иными словами способность понимать значение своих действий и руководить ими.

Искусственный интеллект не обладает ни одним из названных условий.

Проблема искусственного интеллекта в том, что разработчик часто не знает всех сценариев применения своей модели (ввиду развития последней). Требовать полного предвидения — значит требовать невозможного, в то же время не требовать ничего — создать риск ошибок.

Исходя из анализа сформировавшейся практики:

Программист как физическое лицо отвечает редко. В корпоративной структуре он действует в рамках задания, первичная ответственность ложится на разработчика как юридическое лицо (продуктовая ответственность, ответственность за работников).

Сам искусственный интеллект ответственности не несёт. Это не результат несправедливости закона, а следствие понятия ответственности: она требует способности понимать, способности платить и способности испытывать последствия.

Сегодня основная нагрузка распределяется между оператором (владельцем риска) и разработчиком (источником дефекта проектирования), с важной ролью страховщика.

В заключении важно отметить, что гражданско-правовая вина принципиально отличается от вины в уголовном и административном праве: в публичном праве вина — обязательный элемент состава и исследуется индивидуально; в гражданском праве она презюмируется, а её содержание раскрывается через объективный критерий осмотрительности; гражданское право допускает ответственность независимо от вины, что для публичного права недопустимо в силу принципа субъективного вменения.

Вина безусловно является одним из центральных условий гражданско-правовой ответственности. Её специфика обусловлена компенсаторно-восстановительной природой гражданского права: законодатель конструирует вину через объективный критерий должной заботливости, устанавливает презумпцию виновности и допускает ответственность независимо от вины в особых сферах. Такое сочетание обеспечивает баланс интересов потерпевшего и правонарушителя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Гражданское право: в 4 т. Т. 1. Общая часть: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — 720 с.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М.: Юридическая литература, 1975. — 880 с.

4. Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. — Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1955. — 307 с.
5. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973. — 456 с.

Перспективы развития судебной системы Российской Федерации: современные направления совершенствования

Гиматдинова Екатерина Маратовна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье автор рассматривает основные этапы реформирования судебной системы Российской Федерации и анализирует результаты реализации федеральных целевых программ её развития. Особое внимание уделяется современным направлениям совершенствования судебной системы, включая цифровизацию судопроизводства, развитие электронного правосудия, вопросы финансирования судебной деятельности, совершенствование порядка фиксации судебных заседаний и расширение применения информационных технологий.

Ключевые слова: судебная система Российской Федерации, реформирование судебной системы, цифровизация судопроизводства, электронное правосудие, эффективность судопроизводства.

«Судебная власть призвана гарантировать реальность прав и свобод и одновременно обеспечить действие других ветвей государственной власти в рамках правового пространства Конституции Российской Федерации» — отмечает В. М. Лебедев [1, с. 4]. Без сильной, независимой и ответственной судебной власти сегодня невозможно добиться устойчивого и инновационного социального и экономического развития страны.

Создание системы, обеспечивающей эффективное функционирование правосудия, представляет собой сложную задачу. Ежегодно публикуется значительное количество научных исследований, посвящённых вопросам реформирования судебной системы, проводятся научные конференции и экспертные обсуждения. Однако одних теоретических дискуссий недостаточно — достижение реальных результатов требует разработки и реализации конкретных практических мер.

Одной из первых мер стало утверждение федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» в ноябре 2001 года [2]. Вместе с тем было бы преждевременно полагать, что реализация Программы позволит полностью устранить существующие проблемы и привести судебную систему Российской Федерации к идеальному состоянию. Поэтому была утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» [3]. Но поскольку по окончании Программы судебной системе по-прежнему требовалось совершенствование, была утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [4].

Подводя итоги, можно отметить, что за 22 года реализации программ реформирования судебной системы России были достигнуты значительные результаты, например, была создана система электронного правосудия (ГАС «Право-

судие» и «Мой Арбитр»), расширена сеть мировых и апелляционных судов, упрощение подачи документов онлайн, введен дополнительный контроль со стороны общества.

Вместе с тем, судебная система Российской Федерации по-прежнему нуждается в дальнейшем совершенствовании, которое предполагает углубление процессов цифровизации, укрепление гарантий независимости судей и повышение открытости судопроизводства. Рассмотрев меры, которые ранее предпринимались в целях совершенствования судебной системы, целесообразно обратиться к перспективам её дальнейшего развития.

Одним из возможных направлений является изменение государственной пошлин, поскольку вопрос о её размере активно обсуждается и вызывает растущий интерес среди представителей судебного сообщества [5, с. 8].

В качестве аргумента, обосновывающего необходимость увеличения пошлины, приводится рост числа дел, поступающих на рассмотрение судов, что ведет к увеличению бюджетных расходов на их содержание и финансирование. Надлежащее финансирование системы правосудия является критически важным для ее бесперебойной работы. Учитывая периодическое повышение МРОТ, инфляцию и рост стоимости потребительской корзины, неизбежно возрастает и стоимость оплаты труда. Помимо заработной платы сотрудников, необходимы средства на закупку бумаги, канцелярских принадлежностей, современного оборудования и техники.

Анализ судебной статистики свидетельствует о ежегодном росте служебной нагрузки в среднем на 8–10 %. Такая динамика приводит к постоянному увеличению объема работы судей и работников аппарата суда, а также требует соответствующего расширения материально-технических и организационных ресурсов. Очевидно, что любая система имеет определенные пределы эффектив-

ности: при превышении допустимого уровня нагрузки неизбежно возрастает риск снижения качества работы, увеличения сроков рассмотрения дел и возникновения технических и организационных сбоев.

Особенно остро данная проблема проявляется в судах, где отдельные виды технического оборудования представлены в единственном экземпляре. Например, неисправность оборудования для проведения видеоконференцсвязи может привести к переносу судебных заседаний, нарушению установленного графика и дополнительной нагрузке на судей и сотрудников аппарата. В результате единичная техническая неисправность способна вызвать цепную реакцию и постепенно увеличить уже существующую нагрузку, создавая своеобразный «эффект снежного кома».

В связи с этим расходы на содержание и обеспечение деятельности судов должны увеличиваться с учетом реальной нагрузки. Недостаточное финансирование в долгосрочной перспективе может привести не только к ухудшению материально-технического обеспечения, но и к снижению эффективности судебной системы в целом. При этом увеличение расходов должно быть направлено прежде всего на поддержание стабильной работы судов, модернизацию оборудования и создание необходимых условий для своевременного рассмотрения судебных дел.

Рациональным шагом в этой ситуации является повышение государственной пошлины. Это не только сдерживающая мера для необоснованных исков и жалоб, но и важный источник дополнительного финансирования.

Еще одним важным аспектом совершенствования является фиксация хода судебных заседаний. Нарушения и события, происходящие в ходе заседания, должны быть документально зафиксированы. Традиционной формой такой фиксации является протокол судебного заседания, однако он зачастую является неполным, что вызывает нарекания со стороны участников процесса. Аналогичные проблемы встречаются и в аудиопотоках из-за технических сбоев или неисправностей специального оборудования. Кроме того, участники процесса иногда выражают мнение, что отсутствие определенных фрагментов в протоколах может быть намеренным, особенно если эти фрагменты содержат значимые показания [6, с. 134].

Альтернативой традиционным методам протоколирования может стать видеозапись судебных заседаний. По мнению сторонников этой идеи, видеозапись позволяет полноценно зафиксировать все устные и письменные материалы, обеспечивая большую прозрачность процесса. Это может положительно сказаться на организации изложения мыслей участников процесса, а также на сокращении сроков рассмотрения дел. Видеозапись также обладает доказательной ценностью, хотя этот вопрос требует

дальнейших исследований и законодательного регулирования [6, с. 134].

На пленарном заседании Верховного Суда, состоявшемся в мае 2022 года, председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев отметил рост популярности электронных сервисов правосудия, особенно востребованных в период пандемии. В будущем цифровизация судебной системы продолжит развиваться, так как она удобна для граждан и выгодна для государства. В частности, затраты на почтовую корреспонденцию в 2021 году составили около 8 миллиардов рублей. Ожидается, что внедрение электронных судебных архивов и отправка судебных повесток по электронной почте позволит существенно сократить эти расходы.

Верховный Суд РФ также поддерживает идею предоставления участникам уголовных процессов возможности участвовать в заседаниях через видеоконференцсвязь. Если эти предложения будут реализованы, процессуальные документы и вызовы в суд смогут передаваться через государственные информационные системы, такие как «Единый портал государственных и муниципальных услуг» или сервис «Единой системы межведомственного электронного взаимодействия».

Большое внимание уделяется разработке автоматизированных систем, которые сопровождают процесс электронного документооборота. Данные системы направлены на повышение доступности правовой защиты и снижение нагрузки на судебную систему. Среди предложений также выделяется исключение письменных протоколов судебных процессах, что позволит уменьшить нагрузку.

Особое внимание уделяется цифровизации. Так, для развития онлайн-сервисов в рамках системы ГАС «Правосудие» планировалось создать новый сервис «Правосудие онлайн», который позволит выйти на качественно новый уровень, поскольку с помощью этого сервиса можно будет дистанционно подавать и получать судебные документы, а также участвовать в процессах. Запуск сервиса планировался в 2024 году.

Итогом Всероссийского съезда судей стало принятие постановления «О развитии судебной системы Российской Федерации», где были обозначены меры по повышению качества процессуального законодательства, его унификации и дальнейшей модернизации. Верховный Суд РФ получил предписание ускорить реализацию этих инициатив для повышения эффективности судопроизводства.

И исходя из всего вышеперечисленного, можно сказать, что проблемы в отправлении правосудия по-прежнему имеют место быть, и власти совместно с научным сообществом предпринимают действия по их преодолению.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 N 583 (ред. от 01.11.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63101/ (дата обращения: 04.10.2026)

2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 N 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения: 04.10.2026)
3. Момотов В. В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 8.
4. Набатов М. Б. Совершенствование способов фиксации хода судебного заседания в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. -2022. — № 6 (139). — С. 134.

Институт банкротства физических лиц: критерии признания, проблематика и правовые последствия

Гоцик Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящей статье исследуется институт банкротства физических лиц в Российской Федерации. Рассматриваются критерии признания гражданина несостоятельным (банкротом), предусмотренные Федеральным законом № 127-ФЗ, анализируются основные проблемы правоприменительной практики. Изучаются пути решения выявленных проблем. Отдельное внимание уделено правовым последствиям банкротства: как положительным, так и ограничительным мерам, затрагивающим права должника.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, критерии банкротства, правовые последствия, освобождение от обязательств.

В соответствии с Федеральным закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)», несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

Ключевой целью банкротства является списание накопленных долгов и прекращение действия тех механизмов взыскания, которые делают жизнь фактически невозможной [2].

А. Ю. Анфалов указывает, что существует два основных критерия, при наличии которых гражданина можно признать банкротом. Это наличие общей суммы задолженности перед всеми кредиторами и в размере более 500 000 рублей, а также срока просрочки платежа более 3 месяцев. Если оба эти критерия наступают для физического лица, то на его стороне возникает обязанность по обращению в суд с соответствующим заявлением. Эти два критерия могут быть снижены в том случае, если гражданин обращается в суд, основываясь на своем праве признать себя банкротом, а не обязанности. В этом случае для гражданина достаточно набрать сумму задолженности в размере 100 000 рублей, а срок неисполнения обязательств может составлять только 1 месяц. При этом, обратиться в суд в первом случае может не только гражданин, но и его кре-

диторы или уполномоченное лицо, а во втором право на обращение с таким заявлением есть только у гражданина [3, с. 94].

Кроме того, имеют место быть и дополнительные критерии неплатежеспособности.

Дополнительными критериями неплатежеспособности, которые должны быть выявлены судом при решении вопроса об обоснованности заявления о банкротстве, выступают следующие обстоятельства: гражданин перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил; более 10 % совокупного размера денежных обязательств и (или) обязательных платежей не исполнены в течение более чем одного месяца; размер задолженности превышает стоимость имущества; отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание [4].

Таким образом, признание гражданина неплатежеспособным может проходить как в обязательном порядке, так и в добровольном.

Граждане, имеющие дело с данной процедурой, сталкиваются с рядом проблем, которые делают процесс более сложным и долгим.

Одной из проблем судебно-арбитражной практики является контроль над деятельностью граждан: не ведется бухгалтерский учет, нет обязательств по раскрытию информации о движении активов. Так же, гражданами может создаваться «фиктивная» задолженность. Процедура банкротства может быть осложнена наличием имущества, находящегося в совместной собственности

супругов или права на которые принадлежат, в том числе несовершеннолетним и недееспособным гражданам.

Для физического лица можно отметить такие сложности как: отсутствие бесплатной правовой поддержки и долгосрочный процесс, во время которого действуют существенные ограничения. Также сложности с поиском финансового управляющего (финансовый управляющий может не согласия на участие в деле о банкротстве в ситуации, когда у должника нет недвижимого имущества, так как заинтересован получить процент от суммы, полученной в результате реструктуризации долгов и реализации имущества).

Помимо этого, один из проблемных аспектов, который не нашел четкого отражения в Законе о банкротстве, это финансирование процедуры банкротства гражданина-должника. В особенности это касается физических лиц при инициировании процедуры самобанкротства. Согласно данным, размещенным на сайте www.praro.ru, по самым скромным подсчетам процедура банкротства обойдется гражданину чуть больше 55 тысяч рублей. При этом должник не должен прибегать к услугам профессиональных юристов, не учтены затраты на организацию торгов и привлечение специалистов.

Также одной из ключевых и системных проблем судебной-арбитражной практики в области банкротства физических лиц в России является явно заниженный размер вознаграждения финансовых управляющих. Так, в соответствии с п.3 ст.20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] размер фиксированной суммы вознаграждения финансового управляющего — двадцать пять тысяч рублей одновременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Также одной из немаловажных проблем является отказ арбитражных судов предоставлять доступ финансовым управляющим в жилые помещения должников, уклоняющихся от передачи имущества [3, с. 95].

Таким образом, институт банкротства физических лиц нуждается в дальнейшем совершенствовании. Преодоление обозначенных проблем возможно лишь при условии системного подхода, включающего как правовые, так и организационные меры. Следовательно, необходимо выделить несколько мер, по способствующих преодолению ряда, выделенных выше проблем.

Пути решения проблем банкротства

1. Грамотное юридическое сопровождение

Одним из наиболее эффективных способов преодоления правовых сложностей, связанных с банкротством, является обращение за помощью к опытным юристам, специализирующимся на банкротстве. Квалифицированный специалист может не только помочь подготовить все необходимые документы, но и осуществить представление интересов клиента в суде. Это значительно повышает шансы на успешное завершение процедуры. Также

важно разрабатывать понятную правовую базу по банкротству физических лиц, которая будет упрощать процедуру банкротства и как следствие снижать издержки на саму процедуру, а также уменьшать сроки рассмотрения дел. Не маловажно рассмотреть возможность внедрения механизмов автоматического признания банкротства, при соблюдении определенных условий и параметров.

2. Психологическая и информационная поддержка граждан

Необходимо создавать информационные платформы, консультационные центры, образовательные программы, все это поможет повысить уровень информированности населения об их правах и возможностях при тяжелых финансовых нагрузках. Нельзя недооценивать значение психологической поддержки в процессе банкротства. Обеспечение социальной поддержки должников через программы временной помощи, консультации психологов и юристов, участие в группах поддержки, все это поможет снизить уровень стресса. Семья и друзья также играют важную роль в этой ситуации. Открытый и честный разговор о финансовых трудностях может устранить чувство одиночества и стыда, которое часто сопровождает процесс банкротства.

3. Финансовое планирование и реструктуризация долга

Необходимо проводить широкую работу по повышению финансовой грамотности населения, чтобы люди могли более осознанно принимать решения о взятии кредитов и избегать банкротства. Перед принятием решения о банкротстве следует проконсультироваться с юристом для оценки всех возможных последствий и выбора наилучшего варианта решения финансовых проблем. Перед подачей заявления о банкротстве стоит провести анализ своих доходов и расходов. Это поможет оценить, насколько реальна возможность погашения долгов до подачи заявления. Создание бюджета и его строгое соблюдение могут помочь выделить свободные денежные средства и избежать ситуации банкротства в будущем. Важно понимать, что банкротство не является окончательным решением финансовых проблем. Это только способ устранения текущих долговых обязательств. Многие граждане после процедуры банкротства делают выводы и начинают вести более ответственный подход к своим финансам.

4. Реструктуризация долгов

Развитие программ по реструктуризации долгов, более лояльное отношение кредиторов к должникам, желающим найти пути решения и уменьшения финансовой нагрузки, позволит гражданам сохранять имущество и избегать полного разорения. Это может включать в себя переговоры с кредиторами о снижении процентной ставки, увеличении срока погашения кредита или отсрочке платежей.

5. Восстановление кредитной истории

Необходимо разработать механизмы, позволяющие восстановить кредитную историю после банкротства, например, путем внедрения программ реинтеграции или предоставления льгот для должников, которые успешно завершили процедуру банкротства. Со стороны бывшего банкрота, также необходимы усилия в этом направлении. Для восстановления положительной кредитной истории после банкротства необходимо постепенно и последовательно формировать новый положительный опыт в кредитовании, избегая просрочек и долгов. Иметь постоянную работу и регулярный доход, чтобы повысить надежность в глазах банков. Проверять свою кредитную историю регулярно, чтобы убедиться в её корректности и исключить возможные ошибки [5].

Преодолев процедуру банкротства часть граждан считают, что самое сложное осталось позади, но следует указать, что банкротство влечет за собой ряд последствий.

В Федеральном законе от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» отмечены основные последствия такие как:

1. В течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и (или) договорам займа без указания на факт своего банкротства.

2. В течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина.

3. В течение трех лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом, если иное не установлено настоящим Федеральным законом.

В течение десяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе занимать должности в органах управления кредитной организации, иным образом участвовать в управлении кредитной организацией.

В течение пяти лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры он не вправе занимать должности в органах управления страховой организации, негосударственного пенсионного фонда, управляющей компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда или микрофинансовой компании, иным образом участвовать в управлении такими организациями [1].

Таким образом, проведенное исследование показало, что институт банкротства физических лиц выполняет двойственную функцию: с одной стороны, освобождает гражданина от долгов и прекращает начисление штрафных санкций, с другой — устанавливает длительные ограничения, включая запрет на занятие руководящих должностей, получение кредитов без указания факта банкротства и повторное инициирование процедуры. Выявленные проблемы носят системный характер, их решение требует комплексного подхода.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Какие цели у процедуры банкротства?. URL: <https://barnaul.fpk-alternativa.ru/stati/celi-bankrotstva> (дата обращения: 01.09.2026).
3. Анфалов А. Ю. Проблемы банкротства физических лиц в Российской Федерации// Вестник магистратуры. — 2025. — № 8(167). — С. 94-95.
4. Бондаренко Е. С. Причины и проблемы банкротства физических лиц, рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) в Арбитражном суде города Москвы// Вестник науки. — 2019. — № 11(20). — С. 86.
5. Новикова, Е. Л. Основные проблемы банкротства физических лиц и пути их решения // Молодой ученый. — 2025. — № 21 (572). — С. 302–304. — URL: <https://moluch.ru/archive/572/125732>.

Обеспечительные меры при приостановлении производства по гражданскому делу: проблемы законодательного регулирования

Громова Галина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Пивцаев Евгений Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию отдельных вопросов применения обеспечительных мер при приостановлении производства по гражданскому делу на основе анализа норм действующего гражданского процессуального законодательства, научных подходов и материалов судебной практики. Представляется обоснованным вывод о том, что прекращение процессуальных действий при приостановлении производства не должно распространяться на меры, направленные на обеспечение иска и доказательств, если их сохранение необходимо для предотвращения злоупотребления процессуальными правами и обеспечения исполнения будущего судебного решения. Обосновывается наличие пробела в правовом регулировании, поскольку ГПК РФ [2] не определяет судьбу обеспечительных мер на период приостановления производства по делу. В связи с этим предлагается дополнить статью 219 ГПК РФ положением, закрепляющим соответствующее исключение, что, как представляется, позволит обеспечить более единообразное применение процессуальных норм и повысить эффективность судебной защиты.

Ключевые слова: приостановление производства, обеспечительные меры, гражданский процесс.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в действующем гражданском процессуальном законодательстве до сих пор отсутствует четкое регулирование вопроса о том, какие процессуальные действия могут совершаться судом после приостановления производства по делу. Наиболее спорной, на мой взгляд, остается ситуация с обеспечительными мерами. Несмотря на то, что само приостановление предполагает временное прекращение процессуальной деятельности суда, ГПК РФ не дает ответа, должны ли продолжать действовать меры по обеспечению иска и доказательств либо они подлежат отмене. Специальное регулирование (ст. 139–144 ГПК РФ) устанавливает лишь основания, порядок принятия и механизм отмены мер, но не содержит критериев разрешения данного вопроса при приостановлении производства. Именно эта неопределенность нередко становится причиной различного применения одних и тех же процессуальных норм.

Если рассматривать проблему шире, становится очевидно, что отсутствие законодательной определенности затрагивает интересы всех участников гражданского процесса. Преждевременная отмена обеспечительных мер способна привести к утрате доказательств, отчуждению спорного имущества или иным обстоятельствам, которые впоследствии осложняют исполнение судебного решения. Вместе с тем и их длительное сохранение далеко не всегда оправданно, поскольку в отдельных случаях подобные ограничения могут чрезмерно затрагивать права лица, в отношении которого они применены. По этой причине представляется, что вопрос о сохранении обеспечительных мер не может решаться формально и требует оценки обстоятельств каждого конкретного дела.

Обращает на себя внимание и то, что в научной литературе единая позиция по данной проблеме пока не выработана. Это, пожалуй, вполне объяснимо, поскольку существующее законодательство не содержит прямого ответа, а судебная практика складывается неоднозначно, по-

скольку вопрос о судьбе обеспечительных мер решается судьей в зависимости от обстоятельств дела и действий участников процесса. В качестве примера можно сослаться на определение Конституционного Суда РФ [4], в котором наглядно проявляется проблема процессуальной неопределённости обеспечительных мер в период приостановления производства по делу: суд первой инстанции отказал в принятии обеспечительных мер, апелляционная инстанция отменила данное определение, после чего суд первой инстанции принял обеспечительные меры в период приостановления, но в удовлетворении заявления об обеспечении возможных убытков, связанных с принятием обеспечительных мер отказал, что показывает неоднозначность судебной практики. Конституционный суд Российской Федерации, отказывая в принятии жалобы, фактически подтвердил, что ст. 139 ГПК РФ не запрещает принятие обеспечительных мер в период приостановления производства, однако, это не снимает вопроса о том, насколько единообразно нижестоящие суды применяют соответствующие нормы. В подобных условиях особенно важно определить критерии, которые позволят суду принимать взвешенное решение, учитывая вероятность злоупотребления процессуальными правами, необходимость сохранения доказательственной базы и соблюдение принципа соразмерности ограничений.

На мой взгляд, представляется оправданным закрепить в законе правило, согласно которому прекращение процессуальных действий при приостановлении производства не распространяется на случаи, когда сохранение обеспечительных мер действительно необходимо. Подобное изменение, как представляется, позволит сделать судебную практику более единообразной, снизит количество спорных ситуаций и поможет обеспечить более эффективную защиту прав участников гражданского судопроизводства, тем самым, усовершенствует положения статьи 219 ГПК РФ.

А. А. Аношина рассматривает прекращение совершения процессуальных действий как одно из ключевых последствий приостановления производства по делу. Подобная точка зрения, на мой взгляд, является достаточно убедительной. Пока сохраняются обстоятельства, послужившие основанием для приостановления производства, дальнейшее движение дела становится невозможным, а значит, совершение большинства процессуальных действий теряет свое практическое значение [1].

Вместе с тем вопрос о судьбе обеспечительных мер нельзя считать столь однозначным. Так, М. Фалькович обращает внимание на то, что приостановление производства само по себе не всегда означает прекращение действия мер по обеспечению иска и доказательств. Автор предлагает решать этот вопрос с учетом обстоятельств конкретного дела, и с такой позицией, как представляется, следует согласиться. Действительно, если производство приостановлено на продолжительный срок, существует вероятность того, что одна из сторон воспользуется сложившейся ситуацией, например распорядится спорным имуществом либо совершит иные действия, которые впоследствии затруднят исполнение судебного решения. В подобных случаях сохранение обеспечительных мер выглядит вполне оправданным. Однако нельзя оставить без внимания и другую сторону проблемы. Приостановление производства нередко продолжается достаточно долго, а ограничительные меры в течение всего этого времени продолжают затрагивать имущественные права участников процесса. Поэтому автоматически сохранять их действие, как представляется, было бы не совсем правильно [9]. По моему мнению, вопрос о судьбе обеспечительных мер в период приостановления производства не имеет однозначного нормативного решения. Приостановление производства само по себе не должно приводить к мгновенной отмене таких мер, поскольку их функциональным назначением является сохранение существующего положения сторон и обеспечение исполнимости судебного акта. Таким образом, при приостановлении производства по делу, необходимость в поддержании «статус-кво», не ослабевает, а усиливается.

Вместе с тем, длительное сохранение обеспечительных мер без судебного контроля способно причинить участнику процесса имущественный вред, поэтому рациональным вариантом, на мой взгляд, будет сочетание презумпции сохранения мер с механизмом их периодического пересмотра. Суду следует по инициативе заинтересованного лица, либо же по собственной инициативе оценивать актуальность мер, их соразмерность и возможность их замены на более оптимальные.

Подобный подход позволит, с одной стороны, не допустить вывода спорного имущества и воспрепятствования исполнению решения, с другой — не превращать обеспечительные меры в инструмент неоправданного давления на ответчика.

Интересной представляется и позиция Н. Н. Ткачевой. Автор исходит из того, что обеспечение доказательств не-

обходимо прежде всего для сохранения сведений, которые впоследствии могут оказаться недоступными суду, тогда как обеспечение иска направлено на создание условий для исполнения будущего судебного решения. С таким пониманием назначения рассматриваемых институтов трудно спорить. Вместе с тем возникает вполне закономерный вопрос: всегда ли существует необходимость сохранять соответствующие меры после приостановления производства? Думается, что ответ должен зависеть от конкретной ситуации. Если отсутствие обеспечительных мер никак не скажется на сохранности доказательств или возможности исполнить судебный акт после возобновления производства, их дальнейшее действие вряд ли можно считать оправданным [8]. Анализируя позицию ученых-исследователей, нужно четко понимать, что приостановление производства по делу и обеспечительные меры являются самостоятельными процессуальными институтами, имеющими различное назначение. Приостановление влечёт за собой временное прекращение движения дела, тогда как обеспечительные меры направлены на гарантию исполнимости будущего судебного акта.

Законодательство не предусматривает отмены обеспечительных мер при приостановлении производства. Их отмена возможна лишь по самостоятельным основаниям, а именно, нарушение прав участников процесса, несоразмерность заявленным требованиям, отпали основания для сохранения мер. Приостановление дела к данным основаниям не относится.

Правоприменительная практика, где меры отменялись бы исключительно в связи с приостановлением производства, отсутствует. По общему правилу, обеспечительные меры в период приостановления сохраняют своё действие. Таким образом, рассматриваемая проблематика носит сугубо теоретический характер. Приравнивание указанных институтов недопустимо, поскольку каждый из них обладает собственным порядком и основанием прекращения.

Аналогичный подход прослеживается и в работах С. Сарбаша, который связывает применение обеспечительных мер с наличием достаточных оснований для их использования [7]. При этом нельзя не обратить внимание на пробел в действующем законодательстве. ГПК РФ регулирует вопросы принятия и отмены обеспечительных мер, однако, практически ничего не говорит об их судьбе в период приостановления производства. Именно поэтому применение норм об отмене обеспечения иска к подобным случаям вызывает определенные сомнения. Отмена предполагает, что необходимость в ограничениях исчезла, тогда как при приостановлении производства такое основание возникает далеко не всегда.

Судебная практика также не дает универсального решения. В одних делах суды сохраняют арест имущества и иные обеспечительные меры, поскольку существует риск сокрытия имущества либо совершения действий, способных затруднить исполнение будущего решения суда [3]. В других случаях ограничения отменяются, если суд приходит к выводу, что они уже не являются необходи-

мыми [5]. На мой взгляд, именно такой индивидуальный подход выглядит наиболее обоснованным, поскольку приостановление производства и обеспечительные меры это две независимые друг от друга категории. Вопрос о сохранении обеспечительных мер должен разрешаться с учетом конкретных обстоятельств дела, характера возможных рисков и вероятности злоупотребления процессуальными правами, а не только исходя из самого факта приостановления производства.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, при приостановлении производства по делу, суд одновременно прекращает все процессуальные действия в обязательном порядке. Во-вторых, исключения из правила составляют действия, направленные на обеспечение иска и (или) доказательств. В таком случае суд вправе по собственной инициативе сохранить обеспечительные меры либо отменить их, в зависимости от наличия реального риска злоупотребления стороной своими процессуальными правами [6]. Риск злоупотребления стороной своими процессуальными правами определяется судом по внутреннему убеждению на основе совокупности фактических обстоятельств дела, поскольку закон не устанавливает формальных критериев её оценки.

Суд должен учитывать поведение сторон после принятия обеспечительных мер, а именно, наличие при-

знаков недобросовестности; соразмерность мер заявленному требованию и баланс интересов сторон; изменение обстоятельств, послуживших основанием для принятия мер; наличие либо отсутствие реальной угрозы неисполнения судебного акта. При отсутствии такого риска необходимость в сохранении обеспечительных мер отпадает. При его наличии сохранение ограничительных мер следует признать целесообразным.

В-третьих, отсутствие законодательного урегулирования данного вопроса создает правовую неопределенность, которая может привести к ошибкам в применении норм права. В данном случае, речь идет о пробеле в гражданском процессуальном законодательстве, требующем уточнения на законодательном уровне. Представляется необходимым дополнить статью 219 ГПК РФ абзацем 1, посвященным приостановлению процессуальных действий. Полагаю, что п. 1 ст. 219 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции: «При приостановлении производства по делу суд одновременно прекращает производство процессуальных действий, за исключением тех, что направлены на обеспечение иска и доказательств». Внесение таких изменений в гражданское процессуальное законодательство позволит устранить существующий правовой пробел, будет способствовать правильному разрешению гражданских дел, а также поможет избежать нарушения принципа справедливости.

Литература:

1. Аношина А. А. Приостановление производства по гражданским делам в судах общей юрисдикции: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.15. — Саратов, 2006. — С.201.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2022 N 88–3396/2022. — Текст: электронный // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2026).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 N 595-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федотова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2026).
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2022 N 88–1493/2022. — Текст: электронный // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2023. — № 8.
7. Сарбаш С. Способы обеспечения исполнения обязательств // Хозяйство и право. — 1995. — № 11. — С. 110–116.
8. Ткачева Н. Н. Обеспечение иска в гражданском судопроизводстве. // СГАП. — Саратов. — 2003. — С.79.
9. Фалькович М. Арбитражные расходы. Процессуальные сроки. Обеспечение иска. // Хозяйство и право. — 1992. — № 8. — С. 43

Роль органов управления акционерного общества и государства в обеспечении прав акционеров

Гюльметова Алина Робертовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена роли государства и органов управления акционерного общества в обеспечении прав акционеров. Актуальность темы связана с тем, что эффективная система корпоративного управления защищает интересы акционеров, в то время как государство создает необходимые правовые условия, избегая чрезмерного вмешательства. В работе подчеркивается, что защита прав акционеров носит комплексный характер: органы общества осуществляют внутренний контроль, а государство формирует внешнюю нормативную и надзорную среду, делающую эту защиту реальной и предсказуемой.

Ключевые слова: акционерное общество, права акционеров, органы управления, государство, нормативное регулирование.

The role of joint-stock company governing bodies and the state in ensuring shareholders' rights

This article examines the role of the state and the governing bodies of a joint-stock company in safeguarding shareholders' rights. The topic is particularly relevant because an effective corporate governance system protects shareholder interests, while the state establishes the necessary legal framework without resorting to excessive intervention. The study emphasizes the multifaceted nature of shareholder rights protection: company bodies exercise internal control, whereas the state shapes the external regulatory and supervisory environment that renders such protection tangible and predictable.

Keywords: joint-stock company, shareholders' rights, management bodies, the state, regulatory framework.

Обеспечение прав акционеров — комплексная задача, в решении которой участвуют как внутренние органы управления самого акционерного общества, так и государство. Их роли различаются: органы акционерного общества реализуют управление внутри компании, а государство создаёт нормативную базу и может напрямую влиять на управление в компаниях с его участием.

В акционерных обществах права акционеров реализуются через систему органов, у каждого из которых своя зона ответственности. Начнем с общего собрания акционеров, который является высшим органом управления. Именно через него акционеры реализуют ключевые права: принимают решения по изменению устава, распределению прибыли (выплата дивидендов), избрании членов совета директоров и других органов, одобрении крупных сделок. Важно подчеркнуть, что вопросы исключительной компетенции общего собрания не могут быть переданы другим органам. Таким образом, собрание служит главным механизмом волеизъявления и контроля со стороны акционеров.

Что касается Совета директоров или наблюдательного совета, то можно сказать, что этот орган осуществляет общее руководство деятельностью общества. Его роль в защите прав акционеров заключается в стратегическом планировании (определение приоритетных направлений, утверждение стратегии), контроле за работой исполнительных органов. Исполнительные органы (единоличный — генеральный директор — или коллегиальный — правление) руководят текущей деятельностью. Они подотчётны совету директоров и общему собранию.

Их задача — реализовывать решения вышестоящих органов, но при этом важно, чтобы контроль со стороны совета директоров был достаточным: это предотвращает риски, связанные с оперативным управлением в ущерб интересам акционеров.

Государство участвует в обеспечении прав акционеров в нескольких формах: — Прямое участие как собственник. Если государство владеет пакетом акций, оно реализует права акционера через уполномоченные органы (например, Росимущество, профильные министерства). Представители государства участвуют в работе общего собрания, входят в совет директоров.

– Специальные механизмы. Например, использование «золотой акции» — специального права на участие в управлении, которое позволяет государству блокировать определённые решения (часто связанные с ключевыми активами, стратегическими направлениями).

– Нормативное регулирование. Государство устанавливает правила, которые создают условия для защиты прав. Это, в частности, законодательство (ФЗ «Об акционерных обществах») [1], Кодекс корпоративного управления [2], а также профильные постановления, например, Постановление Правительства РФ № 738 об управлении акциями в федеральной собственности и использовании «золотой акции» [3]. Такие нормы задают стандарты прозрачности, раскрытия информации, порядка проведения собраний, защиты прав миноритарных акционеров.

– Контроль и надзор. Государство также осуществляет контроль за деятельностью акционерных обществ, что косвенно защищает права акционеров: обеспечивает

соблюдение закона, предотвращает злоупотребления, создаёт механизмы разрешения корпоративных конфликтов.

Ключевая сложность заключается в том, чтобы обеспечить баланс интересов: с одной стороны — самих акционеров (с учётом размера их пакетов), с другой — менеджмента, других заинтересованных лиц (кредиторов, контрагентов), а в случае государственного участия — и публичных интересов. При эффективной системе органы акционерных обществ реализуют управление в интересах акционеров, а государство создаёт для этого правовые и институциональные предпосылки, не подменяя собой корпоративный контроль.

Участие государства в акционерных обществах преследует комплекс стратегических целей: от стимулирования ключевых отраслей экономики и финансирования капиталоемких проектов до производства общественных благ. Через корпоративный сектор публичная власть решает важнейшие социальные задачи, включая обеспечение занятости и социальной поддержки населения, а также формирует дополнительные неналоговые доходы бюджета.

При этом **государство выступает уникальным участником корпоративных отношений.** Обладая неперсонифицированным характером, оно наделено правоспособностью особой правовой природы, которая принципиально отличается от правоспособности классических юридических лиц и граждан. В доктрине гражданского и корпоративного права вопрос о квалификации этой правоспособности — является ли она общей, специальной или целевой носит дискуссионный характер.

Как же государство управляет своими пакетами акций? Формально оно обладает стандартным набором прав на-

равне с другими владельцами ценных бумаг. Главная особенность заключается в другом: обладая суверенитетом и политической властью, государство в корпоративных процессах защищает не частную выгоду, а общественные (публичные) интересы, включая защиту прав всех остальных акционеров.

Участие государства в акционерных обществах реализуется через конкретных лиц, однако их правовой статус имеет свою специфику. В отличие от классического поверенного, представитель публично-правового образования жестко связан независимыми директивами. В этой системе возникает глубокое противоречие между частными и публичными интересами: с одной стороны, такой представитель обязан действовать во благо самого акционерного общества, с другой — строго следовать полученным государственным указаниям, которые могут идти вразрез с выгодой бизнеса. Данная правовая коллизия до сих пор не разрешена. Даже внедрение института независимых директоров, призванного сбалансировать систему, на практике лишь создало новые регуляторные и управленческие трудности.

Несмотря на большое количество проблем, проистекающих из участия государства в акционерных обществах и многочисленных сложностей, сопряженных с его правовым статусом, представляется, что государство как акционер выполняет значимую роль в развитии российской экономики в целом, а потому необходимо дальнейшее совершенствование норм, регулирующих его деятельность в качестве участника корпоративных правоотношений, повышение значимости независимых директоров, наконец, интерпретации в российском законодательстве международного опыта, посвященного данному вопросу.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.07.2026) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 1.
2. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540276/> (дата обращения: 21.08.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 (ред. от 18.07.2026) «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)» // Собрание законодательства РФ, 13.12.2004, № 50, ст. 5073.

Необходимая оборона: проблема теории и практики

Данилов Артем Амбарцумович, студент

Научный руководитель: Генрих Наталья Викторовна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Краснодар)

Необходимая оборона является важнейшим институтом уголовного права, так как охраняет права самой личности, ее жизнь и здоровье. В статье 45 Конституции Российской Федерации указано, что каждый может защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1]. Только гарантия, предоставленная государством о не привлечении к уголовной ответственности, может обеспечивать эффективное использование права на необходимую оборону. Особое внимание в настоящей статье уделяется отождествлению пределов необходимой обороны, а также во-

просам теории и практики применения данного института судом. Здесь будут рассмотрены существующие проблемы правового регулирования данного института и пути их решения в законодательстве.

Ключевые слова: необходимая оборона, самооборона, пределы обороны, правоприменение.

Necessary defense: a problem of theory and practice

Necessary defense is the most important institution of criminal law, as it protects the rights of the individual, his life and health. Article 45 of the Constitution of the Russian Federation states that everyone can defend their rights and freedoms in all ways not prohibited by law. Only the guarantee provided by the State of non-criminal liability can ensure the effective use of the right to necessary defense. Special attention in this article is paid to identifying the limits of necessary defense, as well as issues of theory and practice of the application of this institution by the court. The existing problems of legal regulation of this institution and ways to solve them in legislation will be considered here.

Keywords: necessary defense, self-defense, limits of defense, law enforcement.

Необходимая оборона — это институт уголовного права, который отражает основной принцип защиты личности от преступных посягательств.

Необходимая оборона также определяет действия, которые направлены на защиту от преступных посягательств, при которых защищаемый человек применяет силу в ответ на угрозу его жизни и здоровью, как исключительное право. При этом, чтобы признать необходимую оборону оправданной в законодательстве есть определенные аспекты ее отождествления, такие как:

- применение силы в ответ на незаконное посягательство;
- оправданность действий, если они направлены на устранение угрозы, а не на причинение излишнего вреда;
- необходимость соразмерности применения силы и угрозы.

Однако при всех этих характеристиках, часто встречаются вопросы правоприменения данной нормы в жизни, в чем затрудняются следователь, прокурор, суд. Здесь важно дифференцировать границы необходимой обороны от иных действий лица, совершаемых в условиях крайней необходимости.

Основываясь на положениях закона, в самой науке уголовного права было создано множество различных научных концепций, которые применяются в институте необходимой обороны [6].

Согласно статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, при этом, если эти действия не будут выходить за пределы разумных и допустимых мер.

Здесь важно отметить, что при применении необходимой обороны должна быть не только явная существующая угроза наступления общественно-опасных последствий, но противодействие обороняющегося лица должно быть пропорциональным ее характеру. Если превысить необходимые меры по обороне, то она может быть квалифицирована как излишняя.

Ключевыми проблемами в данной тематике является определение «разумных» и «допустимых» мер такой за-

щиты. В теории уголовного права вопрос о соразмерности защиты и угрозы остается одним из самых сложных. Пределы необходимой обороны часто зависят от конкретных обстоятельств, и следователь, прокурор, суд должны учитывать разные факторы, такие как:

- действия нападающего и его умысел;
- характер угрозы (возможное физическое насилие, лишение жизни или иное)
- способ и степень воздействия, нападавшего на защитника;
- меры, предпринятые защитником.

Так, в теории важным является понимание того, что оборона не может выходить за пределы угрозы, что, однако, трудно поддается объективной оценке в реальных жизненных ситуациях. Поэтому важно, чтобы суды правильно интерпретировали действия стороны защиты, что представляет собой существенную трудность в правоприменении.

В судебной практике России нередко возникают случаи, когда применение необходимой обороны оказывается спорным. Проблемы чаще всего связаны с оценкой степени угрозы и соразмерности ответного действия.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», который дополнил в п.3 условия необходимой обороны, включив в нее защиту своего домовладения от незаконного проникновения.

«Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния» показывает разъяснения суда о применении института необходимой обороны нижестоящим судам, а также ошибки, которые они совершают при вынесении приговоров.

Как мы можем увидеть из вышеуказанного обзора практики, суды часто ошибаются при установлении момента, когда общественно опасное деяние еще длится, а момент, когда можно применить необходимую оборону также на-

ходится в активном состоянии. В частности, суды не всегда принимают во внимание, что факт, когда орудие преступления переходит от нападавшего обороняющемуся, еще не означает отсутствие угрозы дальнейшего нападения. Здесь следует принимать во внимание физические характеристики нападающего, так как пол, возраст, телосложение, сама интенсивность атак, психоэмоциональное состояние, а также иные условия, при которых опасность продолжения нападения может оставаться. Пренебрежение судами данных факторов приводит к неправильному толкованию необходимой обороны (пункт 8 постановления Пленума).

Так в апелляционном приговоре Верховного суда Российской Федерации от 09.02.2023 года по делу № 22–215 суд указал, что в действиях П., который при самообороне причинил смерть потерпевшему В., не прослеживается состав преступления по ч.1 ст. 108 УК РФ. Суд вынес оправдательный приговор по данному делу [4].

Иную позицию занял Ленинградский областной суд в деле № 22–1448/2024 [5].

Приговором суда П. признана виновной в совершении убийства, то есть умышленного причинения смерти человеку, а именно в том, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в квартире, в ходе совместного распития спиртных напитков с С., нанесла последней кухонным ножом один удар в область живота, причинив своими действиями ей колото-резаное ранение, квалифицирующееся как причинившее тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и являющееся причиной смерти. Суд признал виновной П. в совершении преступления, предусмотренной по ч.1 ст. 105 УК РФ.

В настоящее время, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 году за убийство при превышении пределов необходимой обороны по части 1 статьи 108 УК РФ было осуждено 349 лиц (340 лиц — по основной квалификации и 9 лиц — по дополнительной квалификации), в 2024 году — 143 лица (140 лиц и 3 лиц соответственно), а за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по части 2 статьи 108 УК РФ в 2020 году было осуждено 5 лиц, в 2025 году — не было осуждено ни одного лица [3].

В 2020 году за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны по части 1 статьи 114 УК РФ было осуждено 739 лиц (703 лица — по основной квалификации и 36 лиц — по дополнительной квалификации), в 2025 году — 341 лиц (310 лиц и 31 лиц соответственно); за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по части 2 статьи 114 УК РФ в 2020 году

было осуждено 8 лиц, в 2025 году — 3 лиц. Как мы видим из вышеуказанной статистики, идет снижение числа преступлений по данным статьям УК РФ и это говорит нам о том, что с развитием законодательства в данной сфере может привести к уменьшению числа преступлений, граждане будут понимать, что можно делать при защите своих законных прав и интересов, а что делать нельзя.

Одна из основных проблем применения необходимой обороны заключается в сложности точной оценки ситуации в момент совершения действий. Это связано с тем, что на практике субъективная оценка угрозы и реакции на нее может варьироваться в зависимости от личных ощущений и психоэмоционального состояния защитника. Кроме того, не всегда удастся точно установить, была ли угроза реальной и насколько она была велика.

Одним из путей решения данной проблемы является улучшение судебной практики и создание более четких критериев для оценки мер защиты. Это предполагает разработку методик и рекомендаций для судей, а также более детальную проработку вопросов соразмерности в контексте различных типов угроз.

Также считаем необходимым поднять вопрос и о введении презумпции правомерности обороны в случаях защиты дома. По нашему мнению, не является важным степень причиненного вреда лицу, совершающему преступное посягательство, если его умысел направлен на нарушение жизненно важных ценностей, в частности, когда они направлены на защищаемое законом право на защиту своего жилища. Данное мнение в большей степени сформировано на основании анализа судебной практики зарубежных стран. Считаем, что данный вопрос также очень остро стоит и в нашей стране.

Подводя итог, стоит повторить, что необходимая оборона представляет собой безусловно важнейший институт уголовного права, который имеет большое значение для защиты прав человека и гражданина. Однако, как показал теоретический и практический анализ, а также судебная практика, вопрос о пределах допустимой обороны и соразмерности ответных действий остается сложным и неоднозначным. Суды часто сталкиваются с трудностями при интерпретации ситуации и установлении границ необходимой обороны. Для решения этих проблем требуется дальнейшая разработка правоприменительной практики и уточнение критериев, которые помогут судьям, прокурорам и следователям более точно оценивать данную категорию дел. Также представляется возможным дополнить ст. 37 УК РФ, указав защиту своего домовладения от незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, как основанием применения норм данной статьи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года). [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.03.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996 № 25 ст. 2954.
3. Верховный суд Российской Федерации: офиц. сайт. Москва. URL: <https://www.vsr.ru/documents/thematics/28046/>.
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 09.02.2023: офиц. сайт. Москва. URL: <https://судебные.решения.рф/74188571>.
5. Приговор Ленинградского областного суда от 29.08.2024: офиц. сайт. Москва. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zK2G09l1RD1P/>.
6. Каримов Т. У. Пределы необходимой обороны: основные научные концепции // Вестник ТюмГУ. Право. — 2012. — № 3. — С. 35–46.

Общие положения о прокурорском надзоре за исполнением законов в кредитно-банковской сфере

Дырдина Алина Игоревна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена рассмотрению общих положений о прокурорском надзоре за исполнением законов в кредитно-банковской сфере. Анализируются понятие и сущность данной сферы как предмета надзорной деятельности, а также определяются цели, задачи и ключевые направления работы органов прокуратуры. В заключении формулируется вывод о роли прокуратуры в обеспечении законности в кредитно-банковской сфере и предлагаются пути совершенствования нормативно-правового регулирования надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, кредитно-банковская сфера, исполнение законов, законность.

Обеспечение правопорядка в экономической сфере традиционно рассматривается в качестве одной из приоритетных задач государства. В системе экономических отношений особое место занимает деятельность, связанная с аккумуляцией, распределением и перераспределением денежных ресурсов, что обуславливает повышенный интерес к функционированию кредитных организаций и органов их регулирования.

Кредитно-банковская сфера выступает важнейшим элементом финансовой безопасности государства, поскольку от уровня её развития, структуры и характера участия в формировании финансовых потоков зависит общий финансовый потенциал государства, степень инвестиционной активности и доступность финансовых ресурсов для всех субъектов [1, с. 11].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, банковская система представляет собой своего рода «кровеносную систему экономики», функционирование которой невозможно без нормального денежного обращения и рынка капиталов [2, с. 113]. Именно сложный и многоаспектный характер отношений, складывающихся в данной сфере, обуславливает необходимость постоянного надзора за соблюдением законности — прокурорского надзора [4, с. 134].

В целом, кредитно-банковская сфера представляет собой совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе создания, функционирования и прекращения деятельности кредитных организаций, осуществления ими банковских операций и сделок, а также

отношений по поводу публичного регулирования этой деятельности со стороны Банка России и иных уполномоченных органов. Банки призваны выполнять множество специальных функций, к числу которых относятся проведение расчетных и кассовых операций, кредитование, инвестирование, хранение денежных и других средств и управление ими [3, с. 171–172].

Положения о предмете надзора определены в ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации». При этом, применительно к кредитно-банковской сфере под предметом прокурорского надзора следует понимать соблюдение Конституции Российской Федерации, соответствие действующим на территории РФ законам правовых актов и действий должностных лиц Центрального банка РФ и кредитных организаций. Учитывая многосторонность правоотношений, возникающих в кредитно-финансовой сфере, обоснованно говорить о предмете прокурорского надзора в широком смысле, включая в него также соблюдение законности уполномоченными государственными органами, осуществляющими надзорные и контрольные функции (Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная налоговая служба, Роспотребнадзор).

Для эффективной организации деятельности любого государственного органа необходимо четкое определение цели, задач и направлений деятельности. Прокурорский надзор за исполнением законов в кредитно-банковской сфере не является исключением. Более того, ввиду особой

социально-экономической значимости данной сферы и высокой степени криминализации общественных отношений, складывающихся в ней, правильное целеполагание и структурирование надзорной деятельности приобретают первостепенное значение.

Цель надзора за исполнением законодательства о банках и банковской деятельности вытекает из п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и заключается в обеспечении средствами прокурорского надзора верховенства закона, укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства в кредитно-финансовой сфере правоотношений. В рамках достижения основной цели при осуществлении надзора за исполнением законодательства о банках и банковской деятельности органы прокуратуры призваны спрогнозировать, пресечь и предотвратить правонарушения, своевременно выявить несовершенство законодательства, противодействовать отмыванию денежных средств, полученных преступным путем.

Приоритетные задачи, решаемые органами прокуратуры в рассматриваемой области правоотношений, могут быть сформулированы следующим образом: обеспечение точного и единообразного исполнения Центральным банком РФ, его территориальными подразделениями, органами контроля, органами законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, кредитными организациями законодательства о банках и банковской деятельности; своевременное выявление нарушений законодательства о банках и банковской деятельности и адекватное пресечение их всеми правовыми средствами, предусмотренными Федеральным законом о прокуратуре Российской Федерации; профилактика нарушений законодательства о банках и банковской деятельности во взаимодействии с контролирующими и правоохранительными органами; защита конституционных прав и законных интересов граждан и юридических лиц в кредитно-финансовой сфере, государственных и общественных интересов [5, с. 56].

В литературе выделяются и иные задачи [6, с. 154].

Относительно направлений прокурорского надзора за исполнением законов в кредитно-банковской сфере на основе анализа материалов прокурорской практики выделяются следующие: надзор за соответствием правовых актов, издаваемых Центральным банком Российской Федерации, его территориальными учреждениями и кредитными организациями действующему законодательству; надзор за исполнением законов Центральным банком

Российской Федерации, его территориальными учреждениями, а также кредитными организациями; надзор за выполнением Центральным банком Российской Федерации и его территориальными учреждениями законодательно возложенных на них обязанностей по надзору за деятельностью кредитных организаций; законность и полнота принимаемых Центральным банком Российской Федерации и его территориальными учреждениями мер по устранению правонарушений в кредитно-банковской сфере [5, с. 60].

В современных социально-экономических условиях направления прокурорского надзора охватывают широкий спектр правоотношений, в том числе возникающих при регистрации кредитных организаций и лицензировании банковской деятельности; при осуществлении процедур финансового оздоровления кредитных организаций; при выполнении функции банковского надзора за исполнением кредитными организациями и банковскими группами банковского законодательства; в сфере потребительского кредитования; при реализации и осуществлении валютного регулирования и валютного контроля; при осуществлении страхования вкладов физических лиц; при взаимодействии Центрального банка Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по финансовому мониторингу, Федеральной антимонопольной службой, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой; при соблюдении служащими Центрального банка Российской Федерации установленных законом ограничений [5, с. 61].

Таким образом, обобщив изложенное, можно сделать вывод, что прокурорский надзор в кредитно-банковской сфере представляет собой самостоятельный и вид надзора, не подменяющий собой отраслевой контроль. Учитывая отсутствие единой ведомственной методики и формализованных механизмов взаимодействия с Банком России, а также в целях систематизации методических основ надзорной деятельности, обеспечения её единообразия и повышения эффективности защиты прав граждан и законности в кредитно-финансовой сфере, представляется необходимым разработка и принятие приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в кредитно-банковской сфере», который бы установил цели, задачи, направления деятельности, а также определил особенности производства проверок.

Литература:

1. Бадылевич Р. В. Место и значение кредитной сферы в системе финансовой безопасности региона // Фундаментальные исследования. — 2023. — № 7. — С. 6–12.
2. Иванов Э. А. Понятие, сущность и правовое регулирование российской банковской системы // Транспортное дело России. — 2012. — № 5. — С. 113–116.
3. Крымова И. П. Подходы к определению функций центральных банков // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2022. — № 58. — С. 168–179.

4. Ламакина И. С. Прокурорский надзор за исполнением законов о банках и банковской деятельности // Территория права: Заочная научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 2015. — С. 134–135.
5. Паламарчук А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о банках и банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 198 с.
6. Тимошенко А. А. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства в сфере банковской деятельности и кредитования / А. А. Тимошенко, И. Н. Кислицина // Вестник науки. — 2026. — Т. 4, № 3(96). — С. 150–158.

Возмещение морального вреда по законодательству Российской Федерации: вопросы теории и практики

Дьячук Юлия Сергеевна, студент
Ульяновский государственный университет

Формирование правового государства, для которого человек является главной социальной ценностью, предполагает наличие высокого уровня защищенности прав и свобод человека, верховенство общечеловеческих ценностей. Важнейшим направлением деятельности такого государства выступает обеспечение своевременного и эффективного восстановления нарушенных прав, а также компенсации последствий их нарушения. К числу таких последствий относится моральный вред, под которым действующее законодательство понимает физические и нравственные страдания, возникшие вследствие неправомерного поведения других лиц. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование проблем, связанных с компенсацией морального вреда, которые проявляются как на уровне правовой доктрины, так и в практике рассмотрения гражданских дел. Одним из дискуссионных вопросов остается содержание самого понятия «моральный вред» и обоснованность использования данной категории для обозначения физических и нравственных страданий, испытываемых потерпевшим.

Ключевые слова: моральный вред, правосудие, деликт, вред, компенсация.

Compensation for non-pecuniary damage under the legislation of the Russian Federation: theoretical and practical issues

Dyachuk Yuliya Sergeevna, student
Ulyanovsk State University

The establishment of a state governed by the rule of law—in which the individual is the paramount social value—presupposes a high level of protection for human rights and freedoms and the primacy of universal human values. A crucial aspect of such a state's activity is ensuring the timely and effective restoration of violated rights, as well as compensation for the consequences of such violations. These consequences include non-pecuniary harm, defined under current legislation as physical and mental suffering resulting from the unlawful conduct of others. In this context, examining issues related to compensation for non-pecuniary damage—which arise both in legal doctrine and in the practice of civil litigation—has become particularly relevant. One of the debated issues remains the content of the very concept of «non-pecuniary damage» and the justification for using this category to denote the physical and mental suffering experienced by the injured party.

Keywords: non-pecuniary damage, justice, tort, harm, compensation.

Современное состояние института компенсации морального вреда до сих пор вызывает научный интерес к дискуссиям в научной литературе. Полагаем, что подобное положение обусловлено рядом факторами, которые определяют особенности регулирования данного института.

Во-первых, проблематика связана с отсутствием единого правового определения (понятийного аппарата), который позволял бы в полной мере раскрыть специфику, рассматриваемого института. Используемая законода-

телем категория «моральный вред» всегда являлся предметом дискуссий между правоведами и вызывала сложности при её толковании и применении. Сочетание «моральный вред» предполагает обращение, прежде всего, к нравственной сфере личности, так как определяющее значение имеет характеристика вреда как «морального». Полагаем, что содержание таким образом указанного понятия не всегда может отражать весь спектр неблагоприятных последствий в связи с нарушением, например, личных неимущественных прав. Во-вторых, осо-

бенности правового регулирования обусловлены тем, что нормы, посвящённые компенсации морального вреда, могут содержаться к нескольким отраслям настоящего законодательства. Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] определяет не только общие положения о компенсации морального вреда, но и специальные нормы, устанавливающие ответственность отдельных субъектов. В частности, ст. 1068 ГК РФ определяет ответственность юридического лица или гражданина, а ст. 1069 ГК РФ регулирует особенности ответственности государственных органов, органов МСУ и их должностных лиц.

Под вредом в гражданском праве понимаются неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и неимущественным (нематериальным). Иными словами, назначение компенсации морального вреда заключается в восстановление нарушенных прав потерпевшего посредством уменьшения негативных последствий. Такой способ обеспечивает дополнительную защиту прав и законных интересов. Возложение обязанности по компенсации на лицо, которое причинило вред, выполняет превентивную и воспитательную функции. Таким образом, данный институт вполне разумно рассматривать в качестве одной из гражданско-правовых мер ответственности.

Автор К. Д. Гайбатова ставит под сомнение корректность использования термина «моральный вред» [3, с. 267]. Можем предположить, что такие сомнения обусловлены тем, что содержание категории «моральный вред» в законодательстве охватывает как физические, так и нравственные страдания, в то время как термин «мораль» применительно к человеку традиционно связывается с совокупностью представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, а также о должных моделях поведения. При таком понимании использование рассматриваемого термина действительно может вызывать определенные теоретические вопросы. Вместе с тем понятие «мораль» допустимо трактовать и более широко, как близкое по значению к категории «нравственность». В этом случае речь идет о системе норм поведения и духовно-нравственных качеств личности, посредством которых определяется ее отношение к другим людям и собственное поведение в обществе. Следовательно, оценка термина «моральный вред» через узкое понимание морали не позволяет в полной мере учитывать его законодательное содержание.

Закиров Р. Ю. отмечает, что «несмотря на то, что в науке ведутся дискуссии по поводу использования понятия «моральный вред» для обозначения страданий, нужно сказать, что данное понятие укрепились в сознании граждан» [2, с. 99]. Поэтому мы не видим принципиальной необходимости в замене данного понятия, тем более изменение в законодательстве одного лишь обозначения физических и нравственных страданий не имеет какой-либо практической значимости, как показывает практика. При этом автор С. П. Олефиренко утверждает, что «компен-

сация морального вреда есть предоставление потерпевшему возможности испытать за счет взысканной суммы положительные эмоции, соразмерные испытанным им физическим или нравственным страданиям» [4, с. 79]. Исходя из приведенного подхода правоведа, можно предположить, что размер компенсации должен учитывать имущественное положение потерпевшего, так как для лица с более высоким уровнем материальной обеспеченности может потребоваться иная сумма, способная обеспечить для него сопоставимый компенсаторный эффект. Утрата либо уменьшение имущественного блага вполне способны вызвать у субъекта физические или нравственные переживания, но такие последствия обусловлены не самим фактом лишения имущества. Значение имеет то, какие изменения произошедшее вызывает в жизненном положении человека, влияет ли оно на его самооценку, чувство собственного достоинства и восприятие своего социального положения. Именно подобное воздействие обстоятельств нарушения может выступать непосредственной причиной возникновения физических или нравственных страданий.

Одной из дискуссионных проблем судебной практики остается разграничение категорий «моральный вред» и «вред», применяемых в рамках деликтных обязательств. Таким образом, практическую значимость имеет определение того, охватывает ли возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, также компенсацию морального вреда. От разрешения данного вопроса зависит, в частности, корректность применения п. 3 ст. 1109 ГК РФ, устанавливающего запрет на возврат в качестве неосновательного обогащения сумм, выплаченных в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью. Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда», дается более широкая трактовка понятия морального вреда [5]. Согласно п. 1 указанного постановления, под моральным вредом предлагается «понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные нематериальные права». Таким образом, законодательная формулировка позволяет выделить два фактора, таких как физические и нравственные страдания.

В ст. 151 ГК РФ моральный вред определяется как «физические или нравственные страдания». Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным

в результате нравственных страданий, и др. Однако Верховный Суд РФ не дал общего определения страданий, из приведённого текста постановления следует, что суд попытался раскрыть содержание одного из видов морального вреда — нравственных страданий.

Таким образом, можно сделать вывод, что моральный вред выражается в негативных психических реакциях. В своём анализе можно понимать под моральным вредом страдания — именно такое определение морального вреда ввёл, следуя за союзным, российский законодатель в ст. 151 ГК РФ. Институт компенсации морального вреда получил

закрепление в отечественном гражданском законодательстве и находится в стадии становления. Особенность морального вреда состоит в том, что ответственность за его причинение имеет ярко выраженный компенсационный характер. В отличие от имущественного вреда, который может быть точно определён и возмещён, оценить физические и нравственные страдания и возместить нанесённый ими вред нельзя. Возможна лишь определённая компенсация за причинённый моральный вред, призванная вызывать положительные эмоции и несколько «сгладить» перенесённые страдания.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. — № 238–239. — 1994; № 128. — 2026.
2. Закиров, Р. Ю. Компенсация морального вреда: актуальные проблемы теории и практики / Р. Ю. Закиров // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2022. — № 3. — С. 98–104.
3. Гайбатова, К. Д. Компенсация морального вреда / К. Д. Гайбатов // Проблемы совершенствования законодательства. — 2019. — С. 263–269.
4. Олефиренко, С. П. Актуальные вопросы определения размера компенсации морального вреда / С. П. Олефиренко // Вестник ЧелГУ. — 2008. — № 22. — С. 76–85.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 О практике применения судами норм о компенсации морального вреда // Российская газета. — № 267. — 2022.

Тактические приемы разоблачения ложных показаний на этапе предварительного расследования

Евдокимова Алина Сергеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье рассматривается проблема ложных показаний в уголовном судопроизводстве, анализируется их понятийная сущность, правовая природа и классификация по различным основаниям. Автор подробно раскрывает содержательные и поведенческие признаки, позволяющие диагностировать умышленное искажение сведений допрашиваемым лицом, а также исследует психологические механизмы формирования лжи, отличающие ее от добросовестного заблуждения. Основное внимание уделяется систематизации тактических приемов разоблачения ложных показаний, которые подразделяются на три группы: тактические комбинации, приемы эмоционального воздействия и приемы логического воздействия.

Кроме того, в статье выявляются проблемные аспекты реализации норм об ответственности за заведомо ложные показания и формулируются рекомендации по совершенствованию методического обеспечения следственной деятельности в данной области. Сформулированы предложения о необходимости разработки единых ведомственных рекомендаций по применению тактических приемов, усиления психологической подготовки следователей и расширения мер государственной защиты добросовестных участников процесса для противодействия ложным показаниям на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *ложные показания, уголовное судопроизводство, тактические приемы, тактические комбинации, рефлексивные комбинации, эмоциональное воздействие, логическое воздействие, допрос, изобличение во лжи, предварительное расследование, психология допроса.*

В системе уголовного судопроизводства достоверность показаний участников процесса выступает фундаментальным условием установления объективной истины, однако практика правоприменения сталкивается

с систематическими попытками сокрытия или искажения значимой информации. Актуальность исследования тактических приемов разоблачения ложных показаний на этапе предварительного расследования обусловлена необ-

ходимостью повышения эффективности следственной работы в условиях противодействия расследованию, когда допрашиваемые лица используют различные способы уклонения от дачи правдивых сведений. При этом следует учитывать, что ложные показания, данные как подозреваемыми и обвиняемыми, так и свидетелями либо потерпевшими, создают существенные препятствия для формирования доказательственной базы и могут приводить к необоснованному привлечению к ответственности или уходу виновных от наказания.

В рамках настоящей статьи предполагается проанализировать существующие криминалистические методы выявления недостоверной информации, систематизировать их с учетом требований уголовно-процессуального законодательства, а также определить границы допустимого применения тактических приемов, не нарушающих конституционные права граждан. Основным нормативным ориентиром при этом служат положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [2] (далее — УПК РФ), в частности, ст. 189 УПК РФ, регламентирующая общие правила проведения допроса, и ст. 190 УПК РФ, определяющая порядок фиксации хода и результатов данного следственного действия, а также ст. 5 УПК РФ, содержащая легальные определения участников процесса. Вместе с тем, ключевым аспектом является соблюдение принципа законности, закрепленного в ст. 7 УПК РФ, согласно которому любые действия следователя должны быть прямо предусмотрены нормами права и не могут противоречить установленным процедурам.

Переходя к рассмотрению сущности тактических приемов, необходимо отметить, что их применение неразрывно связано с понятием криминалистической тактики как раздела науки, изучающего закономерности организации и планирования следственных действий. Важно подчеркнуть, что разоблачение ложных показаний не сводится к простому сравнению словесных формулировок с имеющимися материальными доказательствами, а представляет собой сложную аналитическую процедуру, требующую учета индивидуально-психологических особенностей допрашиваемого лица и динамики развития конфликтной ситуации.

В системе уголовно-процессуального доказывания показания участников процесса занимают одно из ключевых мест, поскольку они представляют собой сведения, сообщаемые лицом в ходе допроса в соответствии с установленной законом процедурой. В соответствии со ст. 76 УПК РФ, показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего являются самостоятельными видами доказательств, используемых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Содержание показаний составляют фактические данные, которые лицо воспринимало непосредственно либо которые стали ему известны из иных источников. Вместе с тем, показания как доказательство обладают существенной особенностью — они всегда являются результатом субъективного

восприятия и последующей реконструкции события в сознании человека, что делает их уязвимыми как для непреднамеренных искажений, так и для сознательного обмана.

Ложные показания представляют собой разновидность недобросовестного поведения участника уголовного процесса, выражающуюся в сообщении сведений, не соответствующих действительности, либо в умолчании о фактах, имеющих существенное значение для дела. Ключевым элементом, отличающим ложные показания от добросовестного заблуждения, является наличие прямого умысла на искажение информации. В отличие от ошибки восприятия, вызванной объективными факторами (плохие условия наблюдения, стрессовое состояние, особенности памяти), ложь всегда представляет собой осознанное действие, направленное на введение следователя и суда в заблуждение. Как справедливо отмечается в научной литературе, ложь в уголовном процессе — это не просто неправда, а целенаправленная дезинформация, рассчитанная на то, чтобы изменить ход расследования в выгодном для лжеца направлении [9, с. 136]. При этом лицо, сообщаемое недостоверные сведения, может как активно искажать известные ему факты, так и пассивно умалчивать о них, что в равной степени образует состав заведомо ложных показаний.

С психологической точки зрения ложь представляет собой сложный коммуникативный акт, в котором один субъект сознательно и целенаправленно вводит другого в заблуждение относительно истинного положения вещей [11, с. 86]. Данное определение подчеркивает не только содержательный, но и коммуникативный аспект лжи, который проявляется в том, что допрашиваемый всегда прогнозирует реакцию следователя на свои слова и корректирует свою версию в зависимости от получаемой обратной связи. Именно поэтому выявление ложных показаний представляет собой сложную интеллектуальную задачу, требующую от следователя не только знания процессуальных норм, но и понимания психологических механизмов формирования и поддержания лжи.

По содержанию ложные показания могут быть разделены на две большие группы: показания, содержащие полное отрицание известных фактов, и показания, содержащие частичное искажение сведений. В первом случае лицо, например, полностью отрицает факт своего присутствия на месте преступления либо заявляет о полном незнании обстоятельств дела [4]. Во втором случае допрашиваемый признает наличие определенного события, но сознательно изменяет его существенные детали — время, место, способ совершения, степень своего участия или последствия [5]. Частичное искажение является более опасным с тактической точки зрения, поскольку оно сохраняет видимость правдивости, а выявление ложности отдельных элементов требует сопоставления с объективными данными.

При этом для понимания какие именно использовать тактические приемы в целях противодействия дачи ложных показаний, важно учитывать признаки таких по-

казаний, к которым, исходя из анализа научных источников, относятся, в частности как содержательные, так и поведенческие характеристики [7, с. 112]. К содержательным признакам относятся внутренние противоречия в показаниях, несоответствие сообщенных сведений объективным данным, полученным из иных источников, а также чрезмерная детализация либо, напротив, чрезмерная обобщенность описываемых событий. К поведенческим признакам следует отнести невербальные реакции, такие как избегание визуального контакта, изменение тембра голоса, появление пауз при ответах на вопросы, а также эмоциональную неустойчивость, проявляющуюся в неадекватных реакциях на задаваемые вопросы. Вместе с тем, указанные признаки не являются абсолютными, поскольку человек, дающий правдивые показания, также может испытывать волнение, что требует от следователя взвешенного подхода к их оценке. В этой связи применение методов оценки достоверности показаний, основанных на анализе вербальных и невербальных компонентов, должно сочетаться с проверкой сообщенных сведений в порядке, предусмотренном ст. 87 УПК РФ.

Переходя к анализу непосредственно тактических приемов разоблачения ложных показаний на этапе предварительного расследования, стоит подчеркнуть, что их применение не является самоцелью, а подчинено единой задаче — восстановлению объективной картины произошедшего события и обеспечению законности итогового процессуального решения. Прежде чем приступить к изобличению допрашиваемого во лжи, следователю необходимо убедиться в том, что он действительно имеет дело с умышленным искажением информации, а не с ошибкой восприятия или добросовестным заблуждением. Установление субъективной направленности умысла лжеца выступает отправной точкой любого тактического воздействия, поскольку выбор конкретных методов и приемов напрямую зависит от того, какие цели преследует допрашиваемое лицо и каковы его личностные характеристики.

В практике расследования уголовных дел разоблачение ложных показаний — это крайне сложная многоэтапная деятельность, требующая от следователя не только знания процессуальных норм, но и владения широким арсеналом тактических инструментов, которые в научной среде принято классифицировать на три основные группы [10, с. 162]: тактические комбинации, приемы эмоционального воздействия и приемы логического воздействия. Каждая из перечисленных групп имеет собственную внутреннюю структуру и специфические механизмы реализации, что позволяет следователю выбирать оптимальный вариант воздействия в зависимости от конкретной следственной ситуации, личностных характеристик допрашиваемого и характера имеющихся доказательств.

Рассматривая первую группу — тактические комбинации, необходимо отметить, что в криминалистической науке под ними понимается совокупность взаимосвязанных тактических приемов, объединенных единым замыслом и направленных на создание условий, в которых

допрашиваемое лицо, опираясь на предоставленные ему сведения, самостоятельно приходит к выводу, не соответствующему действительному положению вещей. Принципиальным отличием тактических комбинаций от обмана является то, что в их основе всегда лежат реальные, достоверно установленные факты, которые следователь использует таким образом, что лжец, интерпретируя их в свою пользу, тем самым изобличает себя. Как справедливо отмечал профессор Р. С. Белкин, тактические комбинации подразделяются на рефлексивные, обеспечивающие и контрольные, при этом первые из них имеют наибольшее значение при работе с ложными показаниями [6, с. 89].

Рефлексивные комбинации, в частности, базируются на способности следователя моделировать ход рассуждений допрашиваемого и прогнозировать его реакцию на те или иные действия. Суть таких комбинаций состоит в том, что следователь сознательно не раскрывает всю имеющуюся у него информацию, а предъявляет ее фрагментарно, создавая у допрашиваемого иллюзию того, что следствие располагает лишь ограниченным объемом сведений. Например, если следователю достоверно известно, что свидетель находился в непосредственной близости от места происшествия, но допрашиваемый утверждает обратное, следователь может продемонстрировать ему протокол осмотра места происшествия, в котором зафиксированы следы, указывающие на его присутствие, не акцентируя при этом внимания на остальных доказательствах. Лжец, полагая, что у следствия имеется лишь один документ, начинает строить свою версию на его опровержении, не подозревая о существовании иных доказательств, которые впоследствии будут предъявлены, что приводит к полному краху его позиции.

Применение рефлексивных комбинаций допустимо в отношении всех категорий допрашиваемых лиц, включая подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших. Однако следователь обязан помнить, что использование таких комбинаций не должно переходить границы правового поля, установленные ст. 9 УПК РФ, которая прямо запрещает применение насилия, угроз и иных незаконных мер воздействия. Рефлексивные комбинации не содержат элементов принуждения, поскольку допрашиваемый сохраняет свободу выбора линии поведения, а следователь лишь создает условия, при которых ложь становится объективно невыгодной для лжеца.

Помимо рефлексивных комбинаций, в конфликтных ситуациях, характеризующихся жестким противоборством между следователем и допрашиваемым, применяется особая серия тактических приемов, предложенная Г. Г. Допуловым. Данная серия включает в себя такие приемы, как допущение легенды, вызов, внезапность, последовательность, отвлечение внимания, форсированный темп, замедленный темп, инерция, использование «слабых мест» личности, создание напряжения, создание определенного представления об осведомленности следователя и повторность [8, с. 74]. Каждый из перечисленных приемов имеет

собственную тактическую нагрузку и применяется в зависимости от конкретных обстоятельств.

Вторую группу тактических приемов составляют приемы эмоционального воздействия, которые ориентированы на чувственную сферу допрашиваемого и направлены на формирование у него внутреннего побуждения к отказу от ложных показаний. Указанные приемы не связаны с принуждением или угрозами, а основаны на апелляции к моральным и нравственным ценностям личности, а также к ее стремлению избежать неблагоприятных последствий. К числу таких приемов относится, прежде всего, разъяснение последствий дачи ложных показаний, предусмотренных ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [1] (далее — УК РФ), вплоть до уголовной ответственности. Следователь подробно разъясняет допрашиваемому, что его действия квалифицируются как преступление, а также информирует о том, что чистосердечное признание и активное содействие расследованию могут быть признаны смягчающими обстоятельствами в соответствии с пунктом «и» части 1 статьи 61 УК РФ.

Кроме того, к приемам эмоционального воздействия относится убеждение в неправильности занятой позиции. Следователь, используя логические доводы и фактические данные, показывает допрашиваемому, что его версия противоречит объективной реальности и что продолжение придерживания ложной версии приведет его к негативным последствиям. В процессе убеждения следователь может использовать как устные разъяснения, так и демонстрацию процессуальных документов — протоколов, заключений экспертов, справок, которые наглядно иллюстрируют несостоятельность его утверждений. При этом убеждение должно проводиться в форме спокойной беседы, без проявления агрессии и давления, поскольку чрезмерное эмоциональное напряжение может привести к обратному эффекту — усилению сопротивления со стороны допрашиваемого.

Воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого также относится к группе эмоциональных приемов. Следователь акцентирует внимание на тех качествах лица, которые свидетельствуют о его честности, порядочности, заботе о близких, что побуждает его задуматься о моральной недопустимости лжи. Например, если допрашиваемый является главой семьи и дорожит своей репутацией, следователь может указать на то, что дача ложных показаний не только повлечет уголовную ответственность, но и негативно отразится на его семье, лишит его возможности воспитывать детей и поддерживать достойный социальный статус. Данный прием часто оказывается эффективным в отношении лиц, которые не имеют глубокой криминальной мотивации и лгут в силу случайных обстоятельств.

Третью группу составляют приемы логического воздействия, которые направлены на демонстрацию несоответствия показаний допрашиваемого объективным данным и имеющимся в деле доказательствам. Данная

группа приемов основана на рациональном анализе и не требует апелляции к эмоциональной сфере, однако их применение требует от следователя высокой квалификации в области логики и аргументации.

К основным приемам логического воздействия относится предъявление доказательств, которые требуют от допрашиваемого получения новых сведений. Например, следователь может предъявить подозреваемому заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого следует, что потерпевшему причинены телесные повреждения, характерные для удара предметом с определенной конфигурацией. В таком случае подозреваемый, заявляющий о своей непричастности, вынужден либо объяснить происхождение следов, либо признать факт совершения преступления. В данном случае следователь создает ситуацию, при которой лицо, дающее лживые показания, должен предложить альтернативное объяснение, которое зачастую оказывается несостоятельным. К группе логических приемов относится и внезапное предъявление доказательств, полностью опровергающих предыдущие показания допрашиваемого.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что проблема ложных показаний в уголовном судопроизводстве представляет собой сложное междисциплинарное явление, требующее комплексного подхода к своему разрешению. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что, несмотря на наличие в УК РФ ст. 307, предусматривающей ответственность за заведомо ложные показания, механизм ее реализации на практике сталкивается с рядом существенных препятствий. Одним из наиболее проблемных аспектов является сложность доказывания прямого умысла на дачу ложных показаний, поскольку допрашиваемое лицо практически всегда ссылается на добросовестное заблуждение, ошибки восприятия или неполноту собственных воспоминаний. В этой связи правоприменителю необходимо располагать не только формальными признаками лжи, но и эффективными инструментами ее выявления, которые в настоящее время не получили должного закрепления в нормативных актах ведомственного уровня, что создает ситуацию правовой неопределенности при оценке допустимости тех или иных тактических приемов.

Существенным проблемным аспектом также является отсутствие единых методических рекомендаций по применению тактических комбинаций и приемов эмоционального и логического воздействия в ходе допроса, что приводит к неоднородной следственной практике и, как следствие, к различным подходам к оценке законности применяемых методов. Научные разработки в данной области, в том числе труды Р. С. Белкина и Г. Г. Доспулова, носят теоретический характер и не всегда адаптированы к условиям современной следственной работы, характеризующейся ростом объема цифровых доказательств и усложнением механизмов противодействия расследованию.

В связи со сказанным представляется целесообразным на уровне Следственного комитета Российской Федерации и МВД России разработать и утвердить методические рекомендации, в которых были бы систематизированы наиболее эффективные тактические приемы с указанием границ их допустимого применения, что позволило бы унифицировать следственную практику и снизить количество жалоб на незаконные методы воздействия.

Наконец, следует отметить, что проблема ложных показаний не ограничивается лишь стадией предварительного расследования, а продолжает сохранять свою актуальность на судебных стадиях, где свидетели и потерпевшие нередко изменяют ранее данные показания под воздействием различных факторов, включая угрозы со стороны заинтересованных лиц либо корыстную заинтересованность. В данной связи возникает необходимость совершенствования механизмов защиты свидетелей, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [3], в части рас-

ширения перечня мер безопасности, применяемых в отношении лиц, давших правдивые показания, а также усиления контроля за соблюдением их прав в ходе судебного разбирательства. Практика свидетельствует, что страх за свою безопасность нередко становится доминирующим мотивом изменения показаний, что делает защиту добросовестных участников процесса одной из первоочередных задач уголовно-процессуальной политики государства.

Таким образом, эффективное противодействие ложным показаниям требует не только совершенствования тактического арсенала следователя, но и комплексного обновления правового регулирования в части закрепления критериев допустимости применяемых методов, повышения уровня психологической подготовки сотрудников следственных органов, а также усиления гарантий безопасности участников процесса. Как представляется, только при реализации предложенных рекомендаций станет возможным минимизировать случаи умышленного искажения истины повысить качество предварительного расследования и судебного разбирательства в целом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
4. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 15.11.2023 по делу № 22–7661/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z7inRy6RT1HU/> (дата обращения: 20.09.2026).
5. Приговор Отраденского районного суда Краснодарского края от 04.07.2023 по делу № 1–60/2023. URL: zakonrf.info/gorsud/doc-e3c78201-7c54-5958-8d83-b6e99904f715/ (дата обращения: 20.09.2026).
6. Белкин, Р. С. Очерки криминалистической тактики: учеб. пособие / Р. С. Белкин. — Волгоград, 1993. — 200 с. — Текст: непосредственный.
7. Веренич, И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию преступлений: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / И. В. Веренич. — Краснодар, 2025. — 338 с. — Текст: непосредственный.
8. Доспулов, Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г. Г. Доспулов. — М.: Юридическая литература, 1976. — 112 с. — Текст: непосредственный.
9. Коновалова, Е. Е. Результаты применения специальных знаний профайлера и иных методов детекции лжи в уголовном процессе: возможна ли процессуализация? / Е. Е. Коновалова, Д. П. Чекулаев — Текст: непосредственный. // Современные технологии профайлинга и детекции лжи в юридической практике и психологии: вызовы, достижения, будущее. — 2025. — С. 134–139.
10. Милица, А. В. Отдельные аспекты деятельности следователя по разоблачению лжи во время допроса / А. В. Милица, Д. Н. Лозовский. — Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2025. — № 8. — С. 160–164.
11. Савенков, А. И. Психология противодействия лжи и манипулированию: учебник для вузов / А. И. Савенков. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 241 с. Текст: непосредственный.

Доверие общества к судебной власти как критерий эффективности модели формирования судейского корпуса

Емтыль Нафсет Юнусовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует доверие общества к судебной власти как критерий эффективности модели формирования судейского корпуса.

Ключевые слова: доверие, легитимность, судейский корпус, судебная власть, независимость, отбор судей.

Вопрос о том, может ли доверие населения к судам служить критерием эффективности системы отбора судей, долгое время оставался на периферии отечественной юридической науки. Традиционно эффективность судебной реформы оценивается по формальным признакам: приняты ли необходимые законы, созданы ли институты судейского сообщества, соответствуют ли судебные процедуры правовым и общественным стандартам. Однако такой подход упускает главное: для кого существует судебная власть? Если граждане не доверяют судам, если они предпочитают решать конфликты вне судебной системы, то формальное соответствие законодательства высоким стандартам теряет практический смысл.

Актуальность данного ракурса определяется устойчивым расхождением между формальными достижениями судебной реформы и массовым восприятием судов. Как показывают социологические данные, российская судебная система не пользуется доверием у абсолютного большинства российских граждан [1]. При этом более основательное знакомство с работой судов выступает фактором, усиливающим недоверие. Этот парадокс разрушает объяснение, согласно которому низкое доверие — результат недостаточной информированности. Если бы дело было в недостатке информации, контакт с судом улучшал бы отношение, но на практике происходит обратное.

Как отмечает И. И. Кирющенко, «сегодня, как и в предыдущие годы, перед судебной властью продолжают стоять задачи повышения качества осуществления правосудия и доверия общества к суду, укрепления независимости судей и гарантий правового статуса судей и другие, связанные с организацией судебной системы» [2].

Разграничение понятий «доверие» и «легитимность» имеет принципиальное значение. Легитимность — это фундаментальная приверженность институту, признание его права существовать независимо от текущих результатов. Доверие — категория более конкретная, она отражает оценку того, как институт работает здесь и сейчас. Индивид может не доверять суду в его текущем состоянии, но при этом признавать необходимость независимого правосудия как такового.

Такое разграничение позволяет избежать двух крайностей: отождествления низкого доверия с делегитимацией судебной системы и игнорирования эмпирических данных о массовом недоверии. Более продуктивен подход,

в рамках которого доверие рассматривается как отражение оценки гражданами текущего функционирования института. Низкий уровень доверия может сигнализировать о дисфункциональности институционального дизайна, не ставя под сомнение необходимость самого института.

Как отмечается в научной литературе, одним из ключевых направлений повышения эффективности правосудия в современной России является повышение доверия граждан к суду, признание обществом легитимного характера судебной власти [3].

Анализ социологических данных позволяет выделить несколько факторов, детерминирующих низкий уровень доверия и непосредственно связанных с моделью формирования судейского корпуса.

Наиболее устойчивым в массовом сознании является представление о зависимости судов от исполнительной ветви власти. Результаты регрессионного анализа В. А. Проходы показывают, что «доверие снижается вместе с уверенностью в том, что судебные решения принимаются под давлением политических партий и политиков» [4]. Эта оценка находит подтверждение в институциональном дизайне, в частности в сохранении механизмов «президентского фильтра» при назначении судей и значительной роли председателей судов в кадровых решениях.

Второй фактор — непрозрачность процедур формирования судейского корпуса. Как показывают исследования, процедура отбора сопровождается избыточной бюрократизацией, неоднородностью критериев оценки и недостаточной прозрачностью конкурсных процедур [5].

Третий фактор — восприятие судейского корпуса как коррумпированного и неподотчетного. Среди причин низкого доверия выделяются присущая отечественным судам коррумпированность, волокита, зависимость от исполнительных органов, отсутствие ответственности судей за вынесенные неправосудные решения [1]. Этот фактор имеет прямое отношение к механизмам формирования судейского корпуса: если процедуры отбора не обеспечивают отсеивание лиц, склонных к коррупционному поведению, доверие не может быть восстановлено исключительно мерами процессуального характера.

Признание доверия критерием эффективности модели формирования судейского корпуса имеет несколько следствий.

Во-первых, оно требует интеграции социологических показателей в оценку судебных реформ. Традиционно эффективность реформ оценивается по формально-юридическим параметрам, которые не позволяют ответить на вопрос, достигают ли реформы своей конечной цели — формирования судейского корпуса, пользующегося доверием общества.

Во-вторых, доверие как критерий требует разграничения между доверием к судебной системе в целом и доверием к отдельным судьям или решениям. Граждане могут негативно оценивать конкретные решения, но сохранять доверие к институту. Для оценки модели формирования судейского корпуса значимым является именно институциональный уровень доверия.

В-третьих, использование доверия в качестве критерия предполагает признание его динамического характера: оно формируется в процессе взаимодействия общества и судебной системы и может изменяться под влиянием как институциональных реформ, так и информационной среды. Оценка эффективности реформ должна проводиться на основе лонгитюдных исследований.

Как подчеркивается в научной литературе, личностные и профессиональные характеристики представителей отечественного судейского корпуса являются более существенными, чем цифровизационные процессы. Население ожидает от судей принятия решений с позиций морали и нравственности, реальной независимости судов, объективности и справедливости.

Доверие общества к судебной власти представляет собой не внешний по отношению к институциональному дизайну фактор, а имманентный критерий эффективности модели формирования судейского корпуса. Низкий уровень доверия, фиксируемый социологическими исследованиями на протяжении десятилетий, сигнализирует о структурных дефектах этой модели: зависимости от исполнительной власти, закрытости процедур отбора, отсутствии эффективных механизмов ответственности.

Между институциональными характеристиками модели формирования судейского корпуса и уровнем доверия существует прямая связь. Граждане оценивают судебную власть через призму наблюдаемых процедур: каким образом отбираются судьи, кто принимает кадровые решения, насколько прозрачны критерии оценки. Если эти процедуры воспринимаются как контролируемые исполнительной властью или как непрозрачные, доверие не может быть высоким независимо от качества отдельных судебных решений.

Интеграция показателей доверия в оценку эффективности судебных реформ позволяет преодолеть разрыв между формальным соответствием институциональных механизмов законодательным требованиям и их реальной способностью обеспечивать независимое и справедливое правосудие. Эффективной может считаться лишь та модель, которая обеспечивает непрерывное обновление судейского корпуса, пользующегося доверием общества.

Литература:

1. Латышева, А. Т. Современная судебная система в массовом сознании россиян / А. Т. Латышева, П. С. Самыгин, С. И. Самыгин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2024. — Т. 17. — № 6. — С. 57–67.
2. Кирющенко, И. И. Судебное устройство России: предмет, методы и источники // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2025. — № 2 (17). — С. 12–19. — URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-12-19> (дата обращения 12.10.2026).
3. Фастович, Г. Г. К вопросу об эффективности правосудия: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 5 (221). — С. 16–18.
4. Прохода, В. А. Доверие россиян национальной судебной системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. — 2019. — № 5. — С. 86–94.
5. Серков, К. Э. Проблема бюрократизации профессионального отбора в судьи // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. — 2021. — № 10 (85). — С. 19–21.

Кадровый дефицит в судебной системе Российской Федерации: причины и пути преодоления

Емтыль Нафсет Юнусовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует кадровый дефицит в судебной системе Российской Федерации, его причины и пути преодоления в контексте формирования судейского корпуса.

Ключевые слова: *судейский корпус, кадровый дефицит, нагрузка, кадровый резерв, подготовка судей.*

Формирование судейского корпуса, соответствующего базовым стандартам правосудия, является одним из необходимых условий эффективного функционирования судебной системы. Однако в последние годы в Российской Федерации наблюдается усиливающийся кадровый дефицит, причины которого требуют серьезного научного осмысления.

Как отмечает О. Н. Маркелова, «судебная защита является важнейшей составляющей защиты государством прав и свобод личности. Защита в суде является разновидностью государственной деятельности, обладающей властными полномочиями, и осуществляется посредством специально созданных органов — судов» [1]. Именно поэтому состояние судейского корпуса — его количественная достаточность и качественная состоятельность — напрямую определяет способность государства обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав и свобод. Кадровый дефицит в этом контексте перестает быть узковедомственной проблемой и приобретает конституционное значение.

Актуальность темы исследования обусловлена непосредственным воздействием фактора кадрового дефицита на правосудность судебных решений на соблюдение процессуального и иного законодательства, что в конечном счете определяет доступность судебной защиты для граждан.

В аналитических материалах Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации отмечается, что «при формировании судейского корпуса в настоящее время выявились две основные тенденции. Это длительность назначения на должность судьи и нередко фактическое отсутствие конкурса при выборе кандидатов на должность судьи квалификационными коллегиями судей» [2]. Длительный период ожидания снижает мотивацию квалифицированных юристов к участию в конкурсных процедурах.

Во многих современных исследованиях подчеркивается и такой фактор, как перегруженность судей: их деятельность проходит в постоянном стрессе из-за необходимости одновременного выполнения множества профессиональных задач [3]. Данная проблема имеет кумулятивный эффект: высокая нагрузка ведет к профессиональному выгоранию, что провоцирует уход из профессии. В настоящее время действует утвержденный совместным постановлением Минтруда и Минюста РФ документ «Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов» [4]. Приведем из этого важного документа лишь некоторые выдержки о временных нормативах на рассмотрение одного дела из следующих категорий уголовных дел:

— посягательство на жизнь человека (ч. 1 ст. 105, ст. 107, ст. 108, ст. 109, ст. 110 УК РФ) — 15 часов;

— кража, приобретение или сбыт краденого (ст. 158, ст. 175 УК РФ) — 16,3 часа.

Это сопоставление вызывает недоумение, поскольку на рассмотрение дела о посягательстве на жизнь человека времени отводится меньше, чем на рассмотрение дела о краже. Но, помимо научной необоснованности этих нормативов, есть и другие моменты, обуславливающие критическое отношение к ним.

Дело в том, что данные нормы времени являются не только организационным документом, но и актом, влияющим на процессуальную деятельность и ее результаты; в частности, эти нормы становятся обоснованием претензий сторон при несогласии с вынесенным приговором. Например, при апелляционном обжаловании приговора сторона заявила, что имело место затягивание судебного процесса (был нарушен норматив в 33,5 часа на рассмотрение уголовных дел определенной категории) [5], и требование апеллянта было частично удовлетворено.

Но эта ситуация вызывает у нас вопросы. В уголовно-процессуальном законодательстве суд не ограничен в своей процессуальной деятельности какими бы то ни было сроками. Его главная задача заключается в вынесении обоснованного и законного, а также справедливого приговора. Однако нормативы времени — императивный акт. Следовательно, для судьи в этом вопросе возникает непростая дилемма: соблюдать уголовно-процессуальный закон либо придерживаться установленных нормативов времени. Очевидным приоритетом является, конечно, соблюдение закона, но считаем, что такого рода выбор перед судом стоять в принципе не должен. И в этом аспекте установление нормативов времени, имеющих ограничительный характер, считаем институциональной ошибкой, не только создающей проблемы в организационном аспекте, но и ведущей к нарушению принципов судебной власти.

Высокие рабочие нагрузки требуют надлежащего материального стимулирования. Однако уровень денежного содержания судей и работников аппарата судов воспринимается как неадекватный затрачиваемым усилиям. Система различного рода надбавок и поощрений существенно не влияет на реальную зарплату. Председатель Верховного суда РФ И. В. Краснов признал, что «несколько лет не индексировалась зарплата, что повлияло на отток кадров», и указал на необходимость изменить подход к оплате труда, поскольку «у судьи особая миссия и она должна достойно оплачиваться в любой период работы» [6].

Подчеркнем, что уровень оплаты труда для судей и работников аппаратов судов чрезвычайно важен еще и в силу ограничения их возможностей получать дополнительный заработок в других сферах: законодательство допускает только педагогическую, научную и иную творческую деятельность. Данное ограничение, наряду

с высоким уровнем ответственности и нагрузки, формирует у части судей ощущение несоразмерности вознаграждения и трудовых затрат, что может выступать дополнительным негативным фактором, воздействующим на формирование судейского корпуса.

Таким образом, в качестве ключевых причин, снижающих привлекательность работы в судах, можно выделить:

- неоправданную длительность процедуры назначения на должность судьи;
- отсутствие научно обоснованных, отвечающих современным требованиям и соответствующих процессуальному законодательству нормативов трудовой деятельности судей и работников аппаратов судов;
- несоответствующую трудовым затратам заработную плату.

Соответственно, для решения проблемы кадрового дефицита необходимо устранение указанных причин: доработка и совершенствование порядка назначения судей на должности, выработка научно обоснованных нормативов времени, повышение заработной платы и ее дифференциация.

Однако, помимо этого, для снижения остроты сложившегося дефицита кадров в судебной системе, предотвращения ухода из профессии опытных работников (и судей, и работников аппаратов судов, несущих всю полноту ответственности за надлежащую организацию работы судей) считаем необходимым и важным формирование эффективного кадрового резерва. В соответствии с Положением о кадровом резерве Судебного департамента при Верховном суде РФ, кадровый резерв формируется в целях своевременного замещения должностей гражданской службы, повышения качества кадрового состава, его укрепления и стабилизации, а также создания условий для профессионального роста кандидатов.

Принципами формирования кадрового резерва являются равный доступ граждан к гражданской службе, объективность при подборе кандидатов и их включение в кадровый резерв в соответствии с квалификационными требованиями, а также компетентность и профессионализм зачисляемых лиц [7]. Однако для решения проблемы кадрового дефицита в судейском корпусе необходимо, чтобы кадровый резерв формировался не только под должности государственной гражданской службы, но и целенаправленно под судейские должности.

Также в целях повышения уровня профессиональной состоятельности судейского корпуса и преодоления кадрового дефицита необходимо расширение доступа к судейским должностям для представителей различных юридических профессий. Исследователи отмечают, что анализ заключений квалификационных коллегий судей показывает: характеристики, связанные с дисциплинированно-

стью, встречаются практически в каждом заключении, в то время как указания на независимость и беспристрастность кандидата встречаются крайне редко [8]. Это свидетельствует о необходимости пересмотра критериев отбора, смещения акцента с формальной дисциплинированности на профессиональную независимость и беспристрастность.

В научной литературе также обосновывается необходимость введения института специальной профессиональной подготовки для кандидатов на должность судьи. Предлагается, чтобы учебные планы допрофессиональной подготовки судей предусматривали не повторение программы высшей школы, а обучение по специальной программе, включающей углубленное изучение современных актуальных проблем судебной практики, материального и процессуального права, выработку необходимых практических навыков ведения судебного процесса и подготовки процессуальных документов, а также получение иных практических знаний, которые необходимы судье с самого начала его профессиональной деятельности. В. В. Ершов, в частности, предлагает половину времени обучения уделить профилированной практике во всех звеньях соответствующих судов [9].

Таким образом, кадровый дефицит в судебной системе Российской Федерации представляет собой многофакторное явление, обусловленное как институциональными особенностями процедуры отбора судей, так и социально-экономическими условиями функционирования судейского корпуса.

Преодоление кадрового дефицита требует комплексного подхода, включающего как оперативные меры — совершенствование механизмов кадрового резерва, оптимизацию нагрузки, повышение уровня денежного содержания судей и работников аппарата судов, расширение доступа к судейским должностям для представителей различных юридических профессий, — так и долгосрочные институциональные решения, направленные на введение системы допрофессиональной подготовки судей и преодоление корпоративной замкнутости. Повышение уровня денежного содержания судей имеет принципиальное значение, поскольку, как признаёт руководство судебной системы, «несколько лет не индексировалась зарплата, что повлияло на отток кадров», а на достойный уровень заработной платы могут рассчитывать фактически лишь судьи, имеющие значительный стаж, высокий квалификационный класс и приближающиеся к пенсионному возрасту. В контексте формирования судейского корпуса принципиальное значение имеет не только количественное восполнение вакансий, но и обеспечение качества отбора, что предполагает сохранение высоких стандартов, предъявляемых к кандидатам на должность судьи.

Литература:

1. Маркелова, О. Н. Судебный контроль как гарант защиты конституционных прав граждан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 64–66.

2. Мартынов, Е. А. Кандидат на должность судьи: проблемы при отборе // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации : [сайт]. — URL: <https://vkks.ru/publication/186/> (дата обращения: 12.10.2026).
3. Шляпников, В. А. «А судьи кто?..», или Российская судебная система и статистика / В. А. Шляпников, А. Н. Марченко // Право: история и современность. — 2021. — № 2 (15). — С. 41–61.
4. Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов (утв. постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27.06.1996 г. № 416/06-74-125 // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90985/ (дата обращения: 12.10.2026).
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.10.2019 г. № 33а-22634/2019 // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOSZ&n=266331&demo=1> (дата обращения: 12.10.2026).
6. Краснов считает необходимым менять подход к оплате труда судей // ТАСС : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obshchestvo/26181727> (дата обращения: 12.10.2026).
7. Кадровый резерв Судебного департамента // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/?id=141> (дата обращения: 12.10.2026).
8. Ученые рассказали, почему судьями становятся секретари и прокуроры, а не адвокаты // Адвокатская газета : [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/uchenye-rasskazali-pochemu-sudyami-stanovyatsya-sekretari-i-prokurory-a-ne-advokaty/#1> (дата обращения: 12.10.2026).
9. Ершов, В. В. Профессия, которой нужно постоянно учиться // Закон. — 2006. — № 3. — С. 88–90.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 21.10.2026. Дата выхода в свет: 28.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.